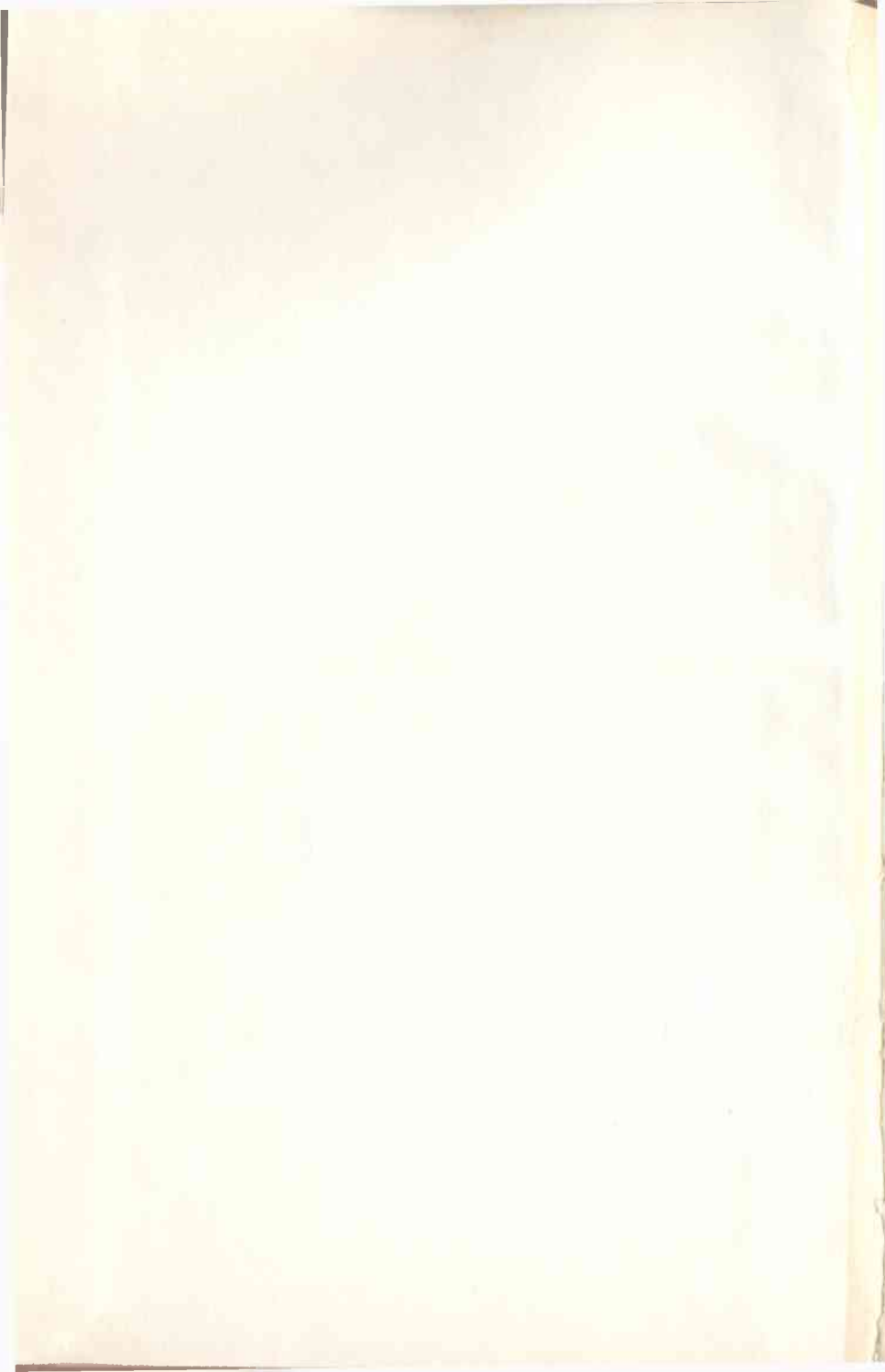

Т. ТАЛИПОВ

ФОНЕТИКА
УЙГУРСКОГО
ЯЗЫКА

АКАДЕМИЯ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ УЙГУРОВЕДЕНИЯ

Т. ТАЛИПОВ

ФОНЕТИКА УЙГУРСКОГО ЯЗЫКА

(ОЧЕРКИ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ)

Издательство «НАУКА» Казахской ССР

АЛМА-АТА · 1987

Талипов Т. Фонетика уйгурского языка: (Очерки исторического развития). — Алма-Ата: Наука, 1987. — 256 с.

Излагаются результаты сравнительно-исторического изучения основных вопросов развития фонетической системы уйгурского языка в плане диахронии и синхронии. На основе анализа древнетюркских письменных памятников, а также диалектологических материалов вытесняются как частные, так и общие тенденции фонетического развития уйгурского языка. Устанавливаются основные закономерности формирования и дальнейшего развития уйгурского языка в сравнении с родственными тюркскими языками.

Для филологов-уйгуроведов, преподавателей уйгурского языка, аспирантов и студентов вузов и всех интересующихся вопросами исторической фонетики тюркских языков.

Библиогр. 351 назв.

Ответственный редактор

академик АН КазССР С. К. КЕНЕСБАЕВ

4602000000—139
Т 407 (05)—87 136.87

© Издательство «Наука» Казахской ССР, 1987

ОТ АВТОРА

Звуковая система уйгурского языка представляет большой научный интерес для изучения развития и изменения фонетического строя многих тюркских языков, так как уйгурский язык является одним из древних письменных тюркских языков и в нем зафиксированы древнейшие звуковые формы слов, а также грамматических формантов.

Фонетическая система современного уйгурского языка является результатом постепенного изменения и усовершенствования древних форм. Это в одинаковой степени относится как к системе вокализма, так и к системе его консонантизма, которые развивались весьма своеобразно в долгой истории функционирования уйгурского языка.

В работе делается, по существу, первая попытка в очерковом изложении описать общие тенденции развития исторической фонетики и фонологии уйгурского языка. Несмотря на то, что за последние 20—30 лет появился целый ряд работ по фонетике тюркских языков, до сих пор почти нет исследований, полностью раскрывающих фонетические изменения в конкретных тюркских языках.

Автор, опираясь на ценные высказывания тюркологов, старался глубоко осмыслить и по возможности развить дальше некоторые положения исторической фонетики тюркских языков. Однако многие теоретические проблемы исторической фонетики тюркских языков еще ждут своего исследователя. Поэтому отдельные

положения по исторической фонетике уйгурского языка, изложенные в книге, могут быть дискуссионными.

В связи с этим следует отметить, что в настоящее время тюркология еще не в состоянии воспроизвести в деталях фонетическую историю, последовательную эволюцию основных направлений развития фонологической системы праязыка, взятой в целом, а также отдельных ее единиц. Несмотря на это, в монографии предпринимается попытка проследить в общих чертах ход развития и изменения фонетических явлений, а также процесс образования отдельных гласных и согласных фонем в истории уйгурского языка. Автор дает подробный обзор существующих взглядов на те или иные фонетические процессы, излагает собственные представления на отдельные вопросы развития звукового строя уйгурского языка, намечает определенные этапы в развитии тех или иных звуковых явлений.

В работе описана общая тенденция развития фонетической системы уйгурского языка в диахроническом, а также синхроническом плане с привлечением сравнительных данных из других тюркских языков, исследуются как качественные, так и количественные изменения звуков, функциональные особенности оппозиции системы гласных, а также согласных, случаи их нейтрализации в определенных комбинаторно-позиционных условиях.

Автор рассматривает вопрос о преемственной связи древнеуйгурского с современным уйгурским языком и его диалектами, а также о позиционных модификациях звуков в истории уйгурского языка, связанных с репласацией древнетюркского ударения.

ВВЕДЕНИЕ

В последние годы в тюркологии появилось немало исследований по исторической фонетике и грамматике тюркских языков, направленных на вскрытие причин звуковых изменений и реконструкции древнего вокализма и консонантизма тюркского языка-основы*. Был поднят ряд проблем, касающихся особенностей развития языка тюркских народов, литературных традиций средневекового «тюрки», характера литературных языков письменности тюркоязычных народов раннего и позднего средневековья, специфики межтюркских языковых и культурных связей. Развитию этих проблем способствовали фундаментальные труды В. В. Радлова, П. М. Мелиоранского, С. Е. Малова, А. Н. Кононова, А. К. Боровкова, К. К. Юдахина, И. А. Батманова, В. М. Насилова, Н. А. Баскакова, Э. Н. Наджиба, Э. Р. Тенишева, А. М. Щербака, С. Н. Иванова, В. Г. Кондратьева, А. Габен, М. Рясненна, В. Томсена, О. Прицака, К. Брокельмана, Т. Текина и др. Особо следует отметить ценные научные исследования по фонетике, а также грамматике тюркских языков Е. Д. Поливанова, В. А. Богородицкого, Н. К. Дмитриева, С. К. Кенесбаева, Э. В. Севортыяна, Б. А. Серебренникова, Н. З. Гаджиевой, Е. И. Убрятовой, Дж. Г. Кiekбаева и других, которые заложили научную основу для дальнейшего изучения истории развития фонетической, а также лексико-грамматической системы конкретных тюркских языков.

* По объективным причинам автор в настоящей работе не смог использовать коллективную монографию «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика». М., 1984.

Вопрос о развитии фонетической системы отражен также в более поздних работах тюркологов Ф. А. Абдулаева, Ф. Г. Исхакова, Л. С. Левитской, Н. Д. Дьячковского, В. И. Рассадина, М. А. Черкасского и других, содержащих много интересных замечаний по истории развития фонетических явлений в исследованных тюркских языках по сравнению с уйгурским.

Работы А. Т. Кайдарова, Г. С. Садвакасова, М. И. Трофимова, Л. А. Аганиной, а также зарубежных ученых Г. Ракетта, А. Лекока, Г. Ярринга, К. Брокельмана и других представляют собой серьезный вклад в изучение диалектных, в первую очередь фонетических, особенностей уйгурских говоров. Эти труды позволяют установить случаи сходства и различия уйгурских диалектов, вскрыть общие внутренние законы развития уйгурского языка в целом, а также в некоторой степени решить вопрос об истории образования уйгурского общенародного и литературного языка.

Несмотря на значительное количество трудов, посвященных вопросам как диахронического, так и синхронического аспектов тюркских языков на уровне фонетики и фонологии, многие из них все еще остаются нерешенными, что отрицательно сказывается на осмыслении и критическом анализе, а также теоретическом обобщении ряда фонетических явлений уйгурского языка. Трудность решения всех вопросов развития фонетической структуры уйгурского языка, охватывающих значительный исторический период, объясняется, с одной стороны, отсутствием полных исследований по истории развития не только уйгурского, но и других этно- и глоттогонически близких уйгурскому родственных тюркских языков, а с другой — спецификой самой фонетики как лингвистической науки, которая связана со всеми разделами лингвистической науки и опирается на них.

Всесторонний охват всех вопросов исторического развития фонетической системы уйгурского языка возможен лишь при глубокой и тщательной разработке теории и методологии фонетического, а также фонематического анализа не только чисто звуковых, но и грамматических и лексических аспектов уйгурского, а также близкородственных тюркских языков. Для отчетливого представления истории развития отдельных фонетических явлений, образования новых фонем, а также для иллюстрации процесса активизации функциональной на-

грузки отдельных фонем в истории уйгурского языка мы сделали экскурс не только в историческую фонетику, но и в историческую морфологию и лексику уйгурского языка.

Говоря об исследованиях по фонетике и фонологии тюркских языков, следует согласиться с замечанием Н. А. Баскакова о том, «что существующие специальные работы по фонологии тюркских языков посвящены либо синхронному фонологическому анализу конкретных тюркских языков, либо исследованиям частных явлений фонетики и фонологии, либо сравнительно-исторической фонетике всей группы тюркских языков. Что же касается историко-типологического изучения фонологии всей группы тюркских языков и установления их фонологических типов как в диахроническом, так и в синхроническом аспектах, то это направление находится, по существу, еще в зачаточном состоянии» (Баскаков, 1979, с. 8—9). Таким образом, в описании деталей исторического развития фонетической системы конкретных тюркских, в частности уйгурского, языков многое остается неясным. Обусловлено это, как было сказано выше, отсутствием вплоть до настоящего времени более или менее удовлетворительных работ по уйгурскому языку в диахроническом и синхроническом аспектах. Между тем интерес к уйгурской фонетике возрастает из года в год: она изучается сейчас во всех уйгурских школах, педучилищах и вузах. Однако следует отметить, что в историографии уйгуристики имеется ряд ценных, интересных и в то же время далеко не последовательных, а порой и противоречивых высказываний о природе уйгурского языка и его отношении к другим тюркским языкам, а также об истории развития фонетической системы языка древних, средневековых и современных уйгуров.

Нами установлено, что в истории развития звукового строя уйгурского языка, как и других близкородственных тюркских языков, есть ряд спорных моментов, встречаются различные трактовки отдельных фонетических явлений. Разумеется, наличие разных мнений по некоторым частным вопросам, не подкрепленных достаточным материалом, вполне допустимо. Однако разноречивой в трактовке таких проблем, как гармония гласных, редукция, выпадение звуков в различных позициях слова, ударение, чередования и исторические переходы зву-

ков, история появления отдельных звуков и т. п., для решения которых вполне достаточно материала, отрицательно сказывается на теоретической разработке кардинальных вопросов истории развития фонетической системы уйгурского языка. Без осмысления и критического анализа различных высказываний ученых невозможно сделать какие-либо серьезные выводы и теоретические обобщения. Однако такой экскурс в историю изучения уйгурского языка дается нами не в специальном разделе, как это иногда делается, а попутно и по ходу разработки того или иного вопроса в соответствующих разделах.

Цель данного исследования — положить начало монографическому изучению вопросов уйгурской фонетики на основе сравнительного, а также сравнительно-исторического методов. Мы поставили перед собой задачу проследить, как отразились в уйгурском языке, его диалектах и говорах фонетические явления, унаследованные от исходной пратюркской системы, и путем сравнения с близкородственными тюркскими языками выявить основные тенденции и закономерности развития этих явлений, установить самобытность ряда фонетических явлений и пересмотреть, таким образом, отдельные мнения ученых по тем или иным вопросам развития фонетики уйгурского языка. В связи с этим в работе затрагиваются частично и такие вопросы, как иноязычные влияния и явления междиалектного взаимодействия.

В работе использована в основном современная фонологическая транскрипция уйгурского языка, основанная на славянской графике.

РАЗВИТИЕ ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ УЙГУРСКОГО ЯЗЫКА

1.1. ИЗМЕНЕНИЯ В ФОНЕТИЧЕСКОЙ И ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМАХ УЙГУРСКОГО ЯЗЫКА

На основании данных письменных памятников тюрков, обнаруженных в бассейнах рек Талас и Енисей, ученые сделали вывод о том, что тюркские языки известны приблизительно с V—VI вв. нашего летосчисления. По мнению С. Е. Малова, языки этих памятников представляют собой результат очень длительного развития и «тюркские языки в настоящем их, известном нам, составе и теперешней конституции были за несколько веков до нашего летосчисления, веков за пять!». Учитывая непрерывные изменения в лексическом составе и фонетическом строе тюркских языков доисторической эпохи, ученый пишет далее: «Разумеется, и дальше, в глубь веков, были тюркские языки, но их мы со своим теперешним знанием не поняли бы, нам неизвестны были бы какие-либо звуковые чередования, особые фонетические законы и тогдашняя лексика, особенно по каким-либо реалиям древних тюрков» (Малов, 1952б, с. 135).

Использование древнетюркских письменных памятников позволит нам осмыслить и научно объяснить развитие отдельных аспектов звукового строя конкретных тюркских языков. Применительно к уйгурскому языку такие свидетельства дают ответ на многие вопросы исторических изменений вокализма, а также консонантизма на уровне фонологии и фонетики.

Одной из актуальных задач исторической фонетики уйгурского языка является изучение функциональных особенностей оппозиции гласных фонем различного подъема, а также согласных фонем различного места

образования в древнетюркских письменных памятниках, т. е. оппозиций, которые в соответствующих фонетических условиях, например в слабом положении по отношению к словесному ударению, могли подвергаться нейтрализации.

Древнетюркские памятники письма свидетельствуют о том, что на ранней стадии развития тюркских языков многие стороны модификации звуков не имели фонематического выражения, оставаясь на уровне фонетических изменений.

Отечественными тюркологами — В. В. Радловым, П. М. Мелиоранским, Н. Ф. Катановым, В. А. Богородицким, Е. Д. Поливановым, С. Е. Маловым, а в наши дни А. Н. Кононовым, Н. А. Баскаковым, Э. Н. Наджимом, А. М. Щербаком, Э. Р. Тенишевым, Э. В. Севортяном, Н. З. Гаджиевой, Б. А. Серебrenниковым, а также зарубежными тюркологами А. Габен, М. Рясняном, К. Брокельманом, Г. Яррингом, О. Прицаком и др., установлены значительные изменения в фонетике конкретных тюркских языков. В области вокализма и консонантизма отмечается как качественная, так и количественная модификация фонем, обусловленная не только комбинаторно-позиционными факторами, но и эволюцией отдельных звуков, а также фонетических явлений (Ряснян, 1955; Богородицкий, 1953, с. 97—116; Щербак, 1970а). Так, например, А. М. Щербак на основе анализа значительного фактического материала различных тюркских языков приходит к вполне обоснованному выводу о том, что в общих чертах «древнетюркский вокализм очень близок к современному,... и что со времени составления орхоно-енисейских надписей в фонетике и морфологии тюркских языков существенных изменений не произошло» (Щербак, 1970а, с. 140). Как полагает ученый, праязыковое состояние тюркских языков в области гласных «мало чем отличается от современного» (с. 142). Но вместе с тем автор на конкретных примерах показывает, как фонологический инвентарь древнетюркского языка в течение последних столетий подвергался изменениям, теряя отдельные черты праязыкового состояния. Сравнивая лингвистические данные многих тюркских языков и их диалектов, А. М. Щербак приходит к выводу о том, что между фонологическими системами древнетюркского языка и современных тюркских языков имеются значительные расхождения как в составе диффе-

ренциальных признаков конкретных фонем, так и в объеме их функциональной нагрузки. К таким расхождениям он относит следующие: утрату количественного противопоставления гласных, появление в связи с этим новых дифференциальных признаков, утрату оппозиции гласных по признаку твердоярности — мягкоряности, конвергенцию или дивергенцию гласных, уменьшение дифференциального признака неогубленности — огубленности гласных, появление вторичной долготы и противопоставления согласных по признакам аспириванности — неаспириванности, твердости — мягкости, ослабление (или, наоборот, усиление) функциональной нагрузки отдельных фонем и т. д. (Щербак, 1970а, с. 187—188).

Применительно к уйгурскому языку следует указать на появление новых фонем, перестроивших всю звуковую систему древнеуйгурского языка (об этом будет сказано в следующей главе).

1.2. ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ФОНЕТИКИ УЙГУРСКОГО ЯЗЫКА

В марксистском понимании изменения в звуковой структуре языка рассматриваются как развитие фонетической системы языка в непрерывном историческом процессе, так как устойчивость фонетической системы языка в каждый момент ее существования и вместе с тем непрерывная изменчивость в ходе постепенного накопления элементов нового и отмирания элементов старого качества проявляются в ее движении, изменении и развитии.

При длительном накоплении элементов нового качества постепенно изменяется фонетическая структура языка. А поскольку происходит накопление элементов новой фонетической структуры, то, рассматривая фонетическую систему уйгурского языка в различные периоды его существования, мы вправе видеть в ней качественные сдвиги и изменения. Правда, такого рода качественные изменения более или менее рельефно предстанут перед нами только при сопоставлении периодов языка, весьма отдаленных друг от друга. Это вполне понятно, если учесть, что фонетическая система языка развивается чрезвычайно медленно по сравнению с другими элементами, например грамматическим строем языка.

Древнейшие памятники тюркоязычной письменности VI—VIII вв., так называемые енисейско-орхонские надписи, донесли до наших дней ряд фонетических особенностей тюркских языков, которые сохранились в современных тюркских языках и их диалектах и способствуют стабильности их фонетической системы. В этом отношении уйгурский язык дает наиболее богатый и ценный материал для изучения древнейших явлений фонетики родственных языков. Он сохранил много архаических элементов в фонетической структуре, важных для реконструкции древнетюркской системы. Об этом красноречиво говорят многочисленные лингвистические данные, обнаруживаемые одновременно в древнеуйгурских, староуйгурских письменных памятниках и в современных диалектах уйгурского языка, о которых будет сказано ниже.

Когда речь идет о расхождениях в фонетике тюркских языков, ученые не без основания указывают на имманентный характер их развития на почве языковых особенностей тюркоязычных племен раннего периода. По их мнению, примерно с конца эпохи нераздельного состояния тюркских языков существовали диалектные расхождения в фонетике общетюркского языка-основы, к числу которых Э. В. Севортян (1971), например, относит «непостоянство корневых гласных и чередование гласных разного ряда в значительной части общетюркских лексических корней. В отдельных случаях — непостоянство корневых согласных, чередование различных согласных в общетюркском корне..., ограниченный и непоследовательный характер многих из известных в тюркском языкознании фонетических закономерностей и т. д.» (с. 76).

Особый интерес представляет чередование гласных разного подъема, характерное для многих тюркских языков. Известно, что в тюркологических трудах даются различные объяснения данного явления вокализма тюркских языков. Так, например, А. Н. Кононов, Б. А. Серебренников, Н. З. Гаджиева, М. Ряснен и другие, относя указанное фонетическое явление к древнейшему состоянию тюркских языков, считают его характерной особенностью древнедиалектных признаков различий в фонетике так называемых а-языка и ы-языка (Кононов, 1980, с. 36—37).

Э. В. Севортян, И. А. Батманов вслед за В. В. Радловым усматривали в соответствии гласных [ə] — [e] —

[и] проявление следов древнетюркских говоров, отразившихся и в графике енисейских рун. М. Ряснен, Дж. Г. Кикбаев и А. М. Щербак полагают, что указанное явление есть отражение разных ступеней развертывания общетюркской фонологической структуры. Однако возникла ли она как результат общетюркской тенденции к сужению гласных низкого и среднего подъема или же является следствием иноязычного воздействия — на этот счет среди исследователей нет единого мнения. В истории ряда тюркских языков фонетическое развитие широких гласных, выраженное их качественным изменением, приводило только к их сужению, где широкий гласный переднего ряда [э] в кыпчакской группе тюркских языков, в частности в казахском, перешел в [е], а в татарском и башкирском языках, суживаясь еще больше, — в [i].

Нам представляется, что процесс перехода широких гласных (не только [э], но и [а]) в определенных фонетических условиях в разряд узких в истории уйгурского языка стоит несколько особняком от процесса сужения [э] в других тюркских языках. Упомянутые нами расхождения в фонетике уйгурского языка, с одной стороны, и остальных тюркских языков — с другой, по-видимому, имеют не только различную основу развития и потому различное объяснение, но и различную хронологию в ходе их исторического развития.

Дело в том, что в уйгурском языке переход широких гласных в разряд узких затронул, во-первых, обе максимально широкие гласные, а не только одну переднерядную фонему [э], как в других тюркских языках, во-вторых, этот процесс проходил не одновременно во всех или в большинстве говоров того или иного племени. Эти различия, идущие, по-видимому, от общетюркской эпохи, являются основополагающими не только для диалектной структуры общенародного уйгурского языка и его диалектов, но и других близкородственных тюркских языков.

Переход широких гласных в разряд узких при определенных фонетических условиях — это, возможно, одна из особенностей языка тех племен или племенных объединений раннего периода, которые явились основой восточнотуркестанских племен — предков современных уйгуров.

Можно предполагать, что именно эта фонетическая

особенность и отличает указанные племена от прочих племен. Таким образом, нам представляется возможным допустить, что в определенный период развития языка, по-видимому, еще до IX—X вв., в одном из тюркоязычных племен или группе племен, населявших территорию современного Восточного Туркестана, в силу различных причин широкие гласные в слабой позиции качественно редуцировались. Совершенно естественно, что в «Дивану лугатит турк» Махмуда Кашгарского формы *азықы* (вм. *азақы*) 'его нога', *йығач* (вм. *йағач*) 'дерево, лес', *атлықа* (вм. *атла(р)ға*) 'коням', *татлықа* (вм. *татла(р)ға*) 'к татам, к неверным', *қаниды* (вм. *қанады* от *қанамақ*) 'кровоточить', *ертә* (вм. *эртә*) 'рано', *бег* (вм. *бәг*) 'князь', *емди* (вм. *әмди*) 'теперь', *кеч-* (вм. *кәч-*) 'переходить', *йет-* (вм. *йәт-*) 'доходить' и т. д. в других памятниках уйгурского языка XI в. передавались на восточнотуркестанский лад. Иначе говоря, язык восточнотуркестанских племен эпохи Махмуда Кашгарского, населявших современную Кашгарию и прилегающую к ней территорию, отличаясь от языка других территориально отдаленных от Кашгарии западнотюркских племен, в реализации широких гласных в анлауте и инлауте многосложных слов мог отражать закономерность произношения древнеуйгурских племен. Чтобы не быть голословными, обратимся к фактам диалектологических исследований, приведенных в последнее время в Восточном Туркестане.

Так, в отличие от других диалектов Восточного Туркестана, наличие или консервация элементов древнеуйгурского языка отмечается в хотанском диалекте уйгурского языка. Исследователи хотанского диалекта единодушны в том, что в отношении сохранения древнеуйгурских черт в фонетике, а также в грамматике указанный диалект стоит особняком от остальных диалектов этого региона (Тенишев, 1963б, с. 145). Из многочисленных записей ученых видно, что в хотанском широкие гласные начального слога двусложных слов типа *йәмәк* 'кушать, есть', *кәймәк* 'одеваться', *кәйик* 'серна, дикая коза' *әшіт* (от *әшітмәк*) 'слышать', *мәні* 'меня' и т. д., не подвергаясь качественной редукции, сохраняются как в древнеуйгурском языке. В то же время в подавляющем большинстве уйгурских говоров и диалектов, утративших данную особенность древнеуйгурского языка, указанные слова приобрели новое произношение: *йемәк*, *киймәк*, *кейик*, *мени* и т. д. Это относится к области консонантизма в отноше-

нии сохранения и консервации элементов древнеуйгурского языка, в частности употребления глухого смычного [т] вместо смычного звонкого [д] в интервокальном положении глагольных форм типа *алито* (из *алмақ*) 'взять, брать, получать', *калэто* (из *калмақ*) 'приходить' (вм. *алиду*, *келиду*) в других диалектах. Как справедливо отмечал С. Е. Малов, указанная черта в фонетике (т. е. нейтрализация оппозиции [т] и [д]) с точки зрения современного состояния уйгурского языка — это одно из реликтовых явлений фонетики хотанского говора.

Следует особо отметить важность сравнения фонетических явлений в письменных памятниках разных жанров. Дело в том, что в древнеуйгурском письменнo-литературном языке, не говоря уже о книжном языке средневековья, в силу господствовавшей в прошлом письменнo-литературной традиции одна и та же форма слова обозначалась по-разному. В этом отношении языковые особенности произведений прозаического жанра (памятники юридического содержания, эпитафии, эпистолярии, литературно-дидактические произведения и т. д.) отличались от особенностей поэтического жанра. Необходимо отметить также наличие принципиальных различий в фонетическом оформлении слов в поэтических произведениях раннего средневековья, в которых в ущерб реальному произношению можно встретить слова и словоформы в их книжной, традиционной, форме.

Исследуя памятники древнетюркских языков, В. М. Насилов отмечает, что литературные памятники XI—XV вв. продолжают хранить древнеуйгурские языковые традиции. Но вместе с тем они отражают новые черты в лексике и грамматике, обусловленные интенсивным воздействием арабских и персидских литературных образцов исламской культуры.

По мнению ученого, между «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагунского (XI в.) и «Атэбэт ул-һәқаик» Адиба Ахмеда Югнеки (XII в.) существует органическая преемственная связь, сложившаяся впервые в Кашгаре под влиянием исламской культуры, распространившейся на Восточный и Западный Туркестан. По этому поводу В. М. Насилов (1974) пишет: «Литературный язык караканидских памятников еще тесно связан с древнеуйгурским языком, под влиянием которого он развивается как новая форма литературного „диалекта“ исламского хаканидского периода» (с. 11).

Вполне возможно, что для того, чтобы Махмуд Кашгарский мог пользоваться восточнотюркской формой произношения *азықы, қаныды, атлықа, ертә* или *бег* наравне с общетюркской (или еще уже — западнотюркской) *азақы, қанады, атларқа, әртә, бәг*, не нужны были воздействия извне, поскольку обе формы существовали одновременно, независимо одна от другой на обширной территории Восточного Туркестана.

Более того, как свидетельствуют многочисленные письменные памятники X—XIII вв., общетюркская форма слов употреблялась главным образом в поэтическом, а восточнотюркская — в прозаическом жанрах письменного-литературного языка. Таким образом, в поэтическом языке «Кутадгу билиг», представляющем собой какой-то племенной язык так называемой карлукско-уйгурской подгруппы языков, наиболее распространенных и общепонятных остальным тюркоязычным племенам, объединенным вокруг могущественного караханидского государства XI в., употреблялась исконная форма указанных слов. В отличие от «Кутадгу билиг» «Дивану лугатит турк» Махмуда Кашгарского, написанный в прозаическом жанре, отражал произносительные особенности языка различных тюркоязычных племен того времени. Поэтому можно допустить, что в определенных фонетических условиях широкие гласные основы и способы их произношения были просодически безразличны и не релевантны для певцов и поэтов раннего и позднего средневековья, в данном случае для Юсуфа Баласагунского, которые, общаясь с представителями различных тюркских племен того времени, могли свободно употреблять фонетические варианты этих фонем. Такие особенности фонетики по традиции сохранились вплоть до наших дней.

В. В. Радлов (1882), признавая письменно-литературный язык за определившийся фазис лингвистического развития, или, как он выражается, *als ein Sprachregeln-Moment* тюркской речи (§ 62), констатировал влияние письменного языка на фонетику разговорной речи. Ученый отмечал, что «грамотные татары, особенно мульты, щеголяют подделыванием своей устной речи под язык письменный» (§ 74, 156, 172, 258 и др.).

Анализ более поздних поэтических произведений классической уйгурской литературы дает основание полагать, что так называемый уйгурский письменно-лите-

ратурный язык, окончательно сложившийся еще к X—XI вв., также придерживался традиционного приема устной и письменной передачи звуков по образцу устно-поэтического языка предшествующих эпох.

Таким образом, можно заключить, что параллельное и синхронное употребление форм слов с широкими и узкими гласными в основе в памятниках X—XI вв. было присуще реальному произношению отдельных племен или племенных объединений — предков ряда современных тюркских народов и прежде всего современных уйгуров, а также то, что эта особенность фонетики восходит, в свою очередь, к общетюркскому периоду развития тюркских языков.

Когда мы говорим о перебое гласных [а], [э], а также [е], [и], происходившем на ранней стадии развития уйгурского языка, то прежде всего исходим из внутренних законов уйгурского языка, обусловленных общественным развитием в определенную эпоху.

1.3. К ВОПРОСУ О ФОНЕТИЧЕСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЯХ В УЙГУРСКОМ ЯЗЫКЕ

В исторической фонетике уйгурского языка важно выяснить, следует ли считать то или иное фонетическое явление заимствованным, общетюркским, исключительно восточнотюркским, или еще уже — собственно уйгурским.

Разумеется, одно внешнее сходство тех или иных фонетических явлений уйгурского, а также других языков (не тюркских) не является еще доказательством того, что они заимствованы, так как сходные фонетические явления нередко могут возникать в различных языках совершенно самостоятельно.

Язык, отличавшийся фонетическим богатством и широкими возможностями дальнейшего усовершенствования фонетической системы (древнеуйгурской), не нуждался и в заимствовании совершенно новых фонематических единиц — отдельных фонем.

Неудивительно, что к числу так называемых фонетических заимствований в уйгурском языке нельзя отнести ни одно фонетическое явление, не говоря уже о новых фонемах, появившихся в процессе многовековой истории уйгурского языка. Однако некоторые дореволюционные ученые то или иное фонетическое явление уйгурского

языка склонны были относить к числу привходящих, экстралингвистических факторов.

Так, например, В. Д. Смирнов (1884) обвинял В. В. Радлова в том, что он «в маленьком сбродном полусартском племени таранчей (т. е. илийских уйгуров. — *Т. Т.*) видит потомков древних уйгуров...» (с. 87) и усматривает в их языке наличие умлаутного явления, которое, по мнению В. Д. Смирнова, появилось в результате влияния на него иноструктурных языков. Однако он конкретно не указывает, какой именно язык оказал столь значительное влияние на фонетику уйгурского языка.

Аналогичного мнения придерживался и Н. Н. Пантусов в отношении неустойчивого переднеязычного щелевого вибранта [p], в особенностях реализации которого он видел влияние китайской фонетики. Однако происхождение так называемого явления «умлаут» в уйгурском языке он связывал с особенностями акцентуационной системы и был близок к истине. По его мнению, «таранчинское наречие... замечательно в отношении звуковом мягкостью произношения слов... Эта мягкость в связи с своеобразием ударения, уклоняющегося от общеуказанной грамматической формулы ударения на последнем слоге, делает язык таранчей настолько малопонятным для знающих тюркский язык, что необходим значительный срок для того, чтобы прислушаться к способу и формам передачи таранчинского говора, хотя таранчи говорят таким же тюркским языком, как и кашгарские сарты — обитатели таранчинской колыбели» (Пантусов, 1880, с. 5).

В вопросе о генезисе явления «умлаута» в уйгурском языке В. В. Радлов стоял на принципиально иной позиции, чем В. Д. Смирнов. Однако, не зная южные говоры уйгурского языка, явление «умлаута» он относил к исключительным особенностям фонетики только изученного им «таранчинского наречия» (терминология В. В. Радлова. — *Т. Т.*). Об этом В. В. Радлов (1886) писал так: «Особенно интересно таранчинское наречие в отношении вокализма. Только в этом наречии я встретил такое сильное развитие обратного влияния узких денто-палатальных и лабио-палатальных гласных на предыдущие широкие гласные» (с. 3).

Нам представляется правильным мнение Е. Д. Поливанова (1934), который связывал так называемое явление перегласовки корневых гласных уйгурского языка с

появлением в нем индифферентного гласного [и], поскольку регрессивная гармония гласных была бы невозможна, «если бы в языке сохранилось [ы] (ибо Umlaut этот понятен только как результат переднего гласного [i], заменившего собою старый задний гласный ы-типа)» (с. 149).

Говоря о генезисе и фонетической природе индифферентного гласного [е], появление которого непосредственно связано с перегласовкой гласных, Г. Ярринг также отмечает, что он возник вследствие регрессивной ассимиляции гласных.

Таким образом, никто из упомянутых нами и последующих исследователей фонетики уйгурского языка не связывал явление умлаута с факторами влияния привходящего порядка.

Принимая во внимание чрезвычайно медленный темп фонетических изменений, трудно допустить возможность появления регрессивной ассимиляции гласных в уйгурском языке в результате обособленного существования уйгуров Илийского края, что обозначилось, как известно, не ранее XVIII в.

Более обоснованно утверждение о том, что безударное положение широких гласных [а] и [э] перед так называемым «нейтральным» (индифферентным) [и] способствовало перегласовке широких гласных основы в уйгурском языке.

Анализ различных по времени письменных источников показывает, что в тюркских языках раннего средневековья, по крайней мере в тюркоязычной письменной литературе X—XI вв., sporadически отмечаются как факты качественной редукции широких гласных основы или аффикса, так и выпадение звука [р], обусловленное также его редукцией.

В самых ранних восточнотуркестанских текстах, датированных X—XI вв., находим факты смешения букв [а] и [ы] в начальной позиции слова. Так, например, в «Дивану лугатит турк» Махмуда Кашгарского встречаем фонематические дублиеты типа *қарға* — *қырға* — 'проклинать', *йағач* — *йығач* — 'дерево', *ағла* — *ығла* — 'плакать' и т. д., первая разновидность которых, по нашему мнению, является исконной, а вторая — результатом позиционного ослабления [а]. Нормальным явлением в южных говорах, в частности в кашгарском, является редукция первослогового широкого гласного, поскольку

ку традиционная официальная орфография не отражала подлинного произношения говоров, представлявших собой древнеуйгурский письменно-литературный язык. Поэтому в наиболее ранних письменных памятниках результаты позиционного ослабления гласных, как правило, исключены.

Как было сказано выше, самый древний пример позиционного чередования [а] — [ы] находим в древнетюркских письменных памятниках рунического, а также уйгурского письма VII—XI вв. В «Дивану лугатит турк» Махмуда Кашгарского (XI в.) оно отражено более последовательно и рельефно, чем в других памятниках письма раннего средневековья.

Можно полагать, что слова с чередованием звуков [а] — [ы] были записаны Махмудом Кашгарским из уст представителей древнеуйгурского племени, в котором это чередование в безударном положении было регулярным явлением. Редукция широкого гласного отражена здесь не только в словах типа *ыгла-* и *йыґач* в слабоударном начальном слоге двусложного слова, но и в середине слова типа *атлықа, татлықа* и т. д., где [ы] представляет собой редуцированное [а] в безударном слоге (Талипов, 1979а).

Аналогичные примеры мы находим также и в других письменных памятниках, где более или менее регулярное отражение в письме получила качественная модификация безударного гласного в топонимах и этнонимах, например *Биласагун* (Радлов, 1893, с. 57, 59). *Чеготай* (Благова, 1972, с. 179) и др.

Диалектологический материал, а также наши наблюдения над живой речью носителей современных южных говоров уйгурского языка позволяют говорить о том, что последние в отдельных случаях сохранили в миниатюре приблизительно древнеуйгурское состояние, т. е. они изменили древнеуйгурское краткое [а] на [ы] в слабоударном, а также в безударном положении, однако сохранили его в ударном положении как [а].

В связи с заменой этимологического [а] на [ы] в начальной позиции ряда слов в древнеуйгурских письменных памятниках невольно возникает вопрос: как мог Махмуд Кашгарский передать особенности языка того племени, даже не подозревая о редукции широкого гласного в слабоударном или в безударном положении, восходящего к древнеуйгурскому широкому гласному [а]?

Ответ напрашивается сам по себе — этот гласный по своей артикуляции и акустическому впечатлению в указанной позиции был, по всей вероятности, очень близок к древнеуйгурскому гласному [ы], который звучал приблизительно так же, как и этимологический [ы]. Поэтому никто, пожалуй, не будет рассматривать в уйгурском и других тюркских языках факты наличия, например, различных модификаций гласных основы, а также выпадение неустойчивых согласных, в частности переднеязычного щелевого вибранта [p], как результат иноязычного влияния, т. е. влияния китайского языка, хотя бы только на том основании, что фонема [p] выпадает не только в уйгурском языке, который в ту или иную эпоху своего существования имел более или менее продолжительный контакт с китайским, но и в других тюркских и нетюркских языках мира, вообще не имевших непосредственного контакта с китайским языком.

В процессе длительного воздействия на тюркские языки различных субстратов и адстратов фонологические структуры вокализма и консонантизма конкретных тюркских языков в той или иной степени видоизменялись. Н. А. Баскаков все современные тюркские языки по степени отклонения или сохранения классической восьмеричной системы вокализма подразделяет на две основные группы.

К первой группе ученый относит такие языки, как древнекиргизский, древнеогузский, древнеуйгурский, караханидский, тюрки, старокыпчакский и некоторые другие средневековые языки, в которых сохранилась в основных чертах структура вокализма. Ко второй группе Н. А. Баскаков относит азербайджанский, гагаузский, чувашский, татарский, башкирский, узбекский и уйгурский языки, в которых структура вокализма на фонологическом уровне претерпела некоторую трансформацию под влиянием внутренних закономерностей их фонетического развития и внешних воздействий. Из языков второй группы он особо выделяет современный уйгурский и узбекский языки, в которых по указанным выше причинам вокализм слова трансформировался и приобрел особые для каждого языка специфические черты (Баскаков, 1960, с. 21—22). По мнению Н. А. Баскакова (19526), новоуйгурский и узбекский языки сформировались в эпоху Караханидского государства «в результате взаимодействия западных и восточных тюркских языков, с одной

стороны, и таджикского и других иранских языков Средней Азии, с другой» (с. 181—182). Следовательно, воздействие иранских языков на уйгурский уходит своими корнями в глубокую древность.

Процесс заимствования таджикско-персидских слов усиливается особенно «в XIV—XVI вв., когда Кашгар и некоторые другие города Восточного Туркестана стали значительными культурными центрами, вокруг которых объединялись ученые, писатели, поэты, участвовавшие в создании собственно уйгурской культуры» (Наджип, 1960, с. 17). Это обстоятельство оставило определенный след в современном уйгурском языке. Арабский и иранские языки в сфере влияния на систему вокализма и консонантизма тюркских языков на уровне фонологии играли небольшую роль. Так, по словам Э. В. Севортына (1955а), даже в пору максимального воздействия арабского и персидского языков на определенные тюркские языки изменения в фонетической системе последних оказались в общем незначительными. Арабский вокализм, менее развитый, чем в тюркских языках, не оказал на последние существенного воздействия. То же можно сказать о вокализме персидского языка (с. 15).

Аналогичная картина наблюдается и в области консонантизма тюркских языков, хотя воздействие арабского, а также иранских языков на систему консонантизма последних оказалось также весьма неравномерным. Так, если для раннеуйгурского языка было «обычным» употребление не только в анлауте, но и в других позициях арабских, а также иранских заимствований звуков [к], [г], [х], [ф], [һ], [ж], аффикат [ч], [ж] и др., то этого нельзя сказать, например, о казахском языке, в котором указанные согласные субституировались в основном различными звуками родного языка.

Ученые-тюркологи считают, что в процессе фонетического развития и влияния различных экстралингвистических, приводящих, факторов фонологические структуры консонантизма отдельных тюркских языков были подвержены значительным изменениям (Тенишев, 1980, с. 68—71; Баскаков, 1960, с. 34—35; Гаджиева, 1975а, с. 289—291). Так, например, Н. А. Баскаков полагает, что в тех тюркских языках, которые содержат значительное количество арабских и персидских лексических заимствований, губно-губные согласные фонемы [ф], [в], а также фарингальный [һ] функционируют в качестве самостоя-

тельных фонем — смысловых различителей, употребляемых в основном в заимствованных словах.

Из древнетюркских письменных памятников, относящихся к раннему и позднему средневековью, видно, что употребление сибиланта [ж], а также аффрикаты [ж] в инициальной позиции многих слов связано с поздним развитием фонетики уйгурского языка и обусловлено, в частности, иноязычным заимствованием (Насилов, 1974, с. 19).

К сказанному можно добавить, что появление или расширение сферы употребления в староуйгурском языке отдельных фонетических явлений было связано, в частности, с лексическими заимствованиями. Так, в результате лексического заимствования множества арабских, а также персидских слов в средневековье в уйгурском языке появилось значительное количество слов с геминированными (причем звонкими) согласными в интервокальном положении — фонетическое явление, явно не характерное (или почти не характерное) для раннеуйгурского языка. Дело в том, что, по предположению ученых, в древнетюркских языках удвоенных согласных вообще не было, хотя в отдельных письменных памятниках средневековья встречаются единичные факты геминации в таких словах, как *аррығ* 'очень чистый' (ДТС, 1969, с. 551), *біллүг* 'известный' (с. 100), *чөлліг* 'живущий в степи, степной' (с. 155). Следует отметить, что в нашем примере геминация согласных вызвана в основном ассимилятивным процессом, возникшим на стыке морфем при формообразовании. Но в истории тюркских языков «даже образовавшиеся таким путем удвоенные согласные имеют тенденцию превратиться в одиночный звук» (Рясянен, 1955, с. 122).

В ранних арабских, а также иранских заимствованиях уйгурского языка встречаются следующие виды геминации: -зз-: *ләззәт* 'удовольствие, наслаждение', *мәззилік* 'вкусный'; -лл-: *милләт* 'нация', *дәллал* 'посредник, маклер'; -йй-: *сәййарә* 'планета', *тәййар* 'готовый'; -мм-: *амма* 'масса', *һиммәт* 'радение, покровительство'; -рр-: *дәрру* 'немедленно', *зәррә* 'мельчайшая частица'; -дд-: *мәддә* 'вещество, материал', *мүддәт* 'срок'; -бб-: *муһәббәт* 'любовь', *мураббә* 'варенье'; -нн-: *жәннәт* 'рай', *сүннәт* 'обряд обрезания'; жж-: *һөжжәт* 'документ', *дәжжәл* 'обманщик, шарлатан, антихрист'; -сс-: *қиссә* 'рассказ, повесть', *һәссә* 'лепта, вклад'; -ққ-: *баққал* 'бака-

лейщик', *наққаш* 'резчик, художник'; -пп-: *гәләппуз* 'произношение', *тәкәппур* 'горделивый'; -вв-: *гәсәввур* 'представление, описание'; -тт-: *һәтта* 'даже', *дуттар*, *саттар* 'дutar, ситар' (муз. инструменты); -кк-: *мәккәм* 'крепкий, прочный', *Мәккә* 'Мекка' и т. п.

Позднее удельный вес геминации увеличился за счет массового заимствования русско-интернациональных терминов с геминированными инлаутными, а также ауслаутными согласными типа масса, тонна, металл, ватт, кросс и т. д.

В древнеуйгурском, как и в других древнетюркских языках, не допускалось зияние (т. е. стечение) этимологических гласных в корневых тюркских словах. Но в именах собственных, которые перестали восприниматься как сложные образования, один из сталкивающихся гласных, как правило, устранялся, например *Ғоҗалим* (вм. *Ғоҗа алим*), *Ғоҗәхмәт* (вм. *Ғоҗа Әхмәт*) и др. Одно из новых явлений в фонетической структуре позднеуйгурского языка — это употребление в речи множества слов арабского, а также иранского происхождения с результатом зияния, которое в ряде случаев появилось за счет устранения в произношении интервокальных гортанных звуков в заимствованных словах, например: *муәллим* 'учитель', *бәәйни*, 'словно, будто', *бәәдәп* 'невоспитанный', *қанаәт* 'удовлетворение', *паалийәт* 'деятельность', *мааш* 'жалованье, гонорар' и др. Позднее этот ряд слов пополнился сложными образованиями с зиянием на стыке слагаемых компонентов, русско-интернациональными заимствованиями, такими, как зоология, радиоузел, фотоаппарат, кооперация и др.

В фонетике уйгурского языка позднего периода следует отметить то, что в исконно уйгурских (тюркских) словах сочетание согласных допускалось только в финале слова, причем круг сочетающихся компонентов в указанной позиции был весьма узок и ограничивался в основном немногими словами типа *тәрт* 'четыре', *аст* 'низ', *үст* 'верх', *өрт* 'пожар', *алп* 'богатырь', а также звукоподражательными словами типа *қарс-қурс*, *шарт-шурт* и т. д. В последующий период развития уйгурского языка (т. е. в раннее и позднее средневековье) в связи с арабскими, а также иранскими лексическими заимствованиями уйгурский язык широко освоил такие слова с финальным консонантным сочетанием, как *мәрт* 'щедрый', *қәнт* 'сахар', *дәрт* 'горе', *дәст* 'ручка, рукоятка',

қәст 'злой умысел, злоба' и др., хотя последние в произношении нередко подвергались фонетизации за счет устранения одного консонантного элемента: қәт, қән, дәт, қәс и др.

В современную эпоху в связи с массовым заимствованием русско-интернациональных слов в уйгурском языке появились разнообразные сочетания согласных как в финале, так и в инициале: план, шкаф, шторм, крепость, штраф, стратегия и т. д.

Резюмируя сказанное о фонетических заимствованиях в уйгурском языке, отмечаем справедливость мнения ученых, которые не без основания признают «относительно большую устойчивость фонетической стороны языков, которая, видимо, поддерживается системными отношениями, существующими внутри нее» (Звегинцев, 1962, с. 238), так как сочетания артикуляций, при помощи которых реализуются фонемы какого-либо языка, свойственны данному языку. Вместе с тем известны факты, когда фонетический строй языка изменялся в результате взаимодействия языков, так как «иногда скачок и качественное изменение в микросистеме может оказаться связанным с количественным нарастанием, вызванным заимствованием» (Ярцева, 1970, с. 87).

И действительно, если заимствование отдельных фонем при взаимодействии языков вполне допустимо, то этого нельзя сказать о действии отдельных фонетических законов иностранного языка, поскольку зачастую они не оказывают заметного влияния на фонетику контактируемого языка. Это хорошо прослеживается на фактах истории уйгурского языка, в котором регрессивная ассимиляция, а также выпадение в произношении отдельных согласных развивались в недрах самого языка.

1.4. ПРЕЕМСТВЕННАЯ СВЯЗЬ ДРЕВНЕУЙГУРСКОГО ЯЗЫКА С СОВРЕМЕННЫМ УЙГУРСКИМ ЯЗЫКОМ И ЕГО ДИАЛЕКТАМИ

Н. Н. Ильминский (1861) считал уйгуров древним оседлым народом, «прямыми потомками уйгуров, жителей Китайского Туркестана» (т. е. Восточного Туркестана. — Т. Т.) (с. 24). По мнению А. Габен, из современных тюркских языков наиболее близким к древнетюркскому является восточнотюркский (современный уйгурский язык Восточного Туркестана. — Т. Т.), одни

детали которого указывают на близость его диалекту Яркенда, а другие — диалектам таранчей, жителей долины р. Или [современный уйгурский (новоуйгурский) язык и его диалекты] (Gabaïn, 1950, с. 1—15). Аналогичного мнения придерживается А. А. Валитова. Так, говоря о важности обращения в тюркологических исследованиях к языковым фактам рунических письменных памятников VII—VIII вв., имеющих большое историко-познавательное значение как памятники словесности, А. А. Валитова (1976) особо подчеркивает, что они были «созданы древними уйгурами, прямыми этническими предшественниками современных уйгуров» (с. 140). О наибольшей близости древнеуйгурскому языку юго-восточной («уйгуро-карлукской») (Баскаков, 1970в, с. 13—14; Благова, 1970) и южной («огузской») групп говорили А. М. Щербак и др.

Динамика развития национальных тюркских языков, по Э. Р. Тенишеву, представлена следующим образом:

1. Язык рунических памятников был структурно разнородным с огузо-уйгурской природой.

2. После IX в. турфанские уйгуры, сохраняя основы рунического койне, создали древнеуйгурский литературный вариант (*түрк уйғур тили*).

3. Позднее на основе древнеуйгурского языка был создан караханидско-уйгурский литературный вариант.

4. В XV в. на основе караханидско-уйгурского варианта был создан четвертый, так называемый чагатайский вариант, представляющий собой, как и предыдущие литературные языки, наддиалектный литературный вариант языка тюркских народов. Для нас важен тот факт, что Э. Р. Тенишев (1976а) относит уйгурский язык к числу тех тюркских языков, литературная форма которых существует в продолжение нескольких столетий (с. 230—231). Аналогичные высказывания находим у А. Н. Конова (1953, с. 64), Н. А. Баскакова (1970б, с. 15—16) и др.

Согласно В. В. Радлову (1908), «никогда не существовал единый древнетюркский язык, а имелся только ряд древнетюркских диалектов» (с. 842—843): северный, получивший отражение в орхоно-енисейских памятниках; южный (или уйгурский), который встречается в некоторых рукописях, написанных уйгурским письмом; смешанный диалект (или так называемый «*түрк уйғур тили*») — литературный язык религиозных текстов, кото-

рый «окончательно выработался между VIII и X столетиями и потом уже употреблялся в монастырях без всякого изменения» (Радлов, Малов, 1913). Ученый в этой классификации древнетюркских языков и диалектов выделяет уйгурский язык (южный диалект) в особую группу, связывая с последним свои исследования по фонетике древнеуйгурского языка (Насилов Д. М., 1972, с. 64—101).

Говоря об этнолингвистических связях современного уйгурского языка и языка древнеуйгурских племен, следует указать на некоторые разногласия среди ученых, которые приводят иногда к диаметрально противоположной трактовке вопроса.

В. В. Радлов (1893) писал, что «уйгуры не только принадлежали к числу древнейших тюркских племен, но это был весьма распространенный тюркский народ» (с. 20). По мнению А. Н. Бернштама (1950), «даже под властью каганатов, жуужаней и восточных тюрок и находясь в рабской зависимости от Китая, и под протекторатом караханидов и монгол и во времена манчжурского владычества уйгуры сохраняли у себя на родине, в Восточном Туркестане, свою культуру, язык и литературу...» (с. 73).

Как указывают ученые, уйгуры во все времена сами себя называли уйгурами и государство их считалось уйгурским и поэтому они не делали разницы между названием «уйгурское государство» и этнонимом «уйгуры». В этом можно видеть высокую ступень развития этнического единства и самосознания (Тихонов, 1966, с. 25).

В силу различных исторических причин этноним «уйгур», примерно с XVI в. под давлением чагатаидов, преследовавших уйгуров Восточного Туркестана, а также других народов и народностей Средней Азии, начинает сходить с исторической арены. «Но уйгуры, — по справедливому замечанию А. Т. Кайдарова (1969а), — никогда не забывали свое уйгурское происхождение» (с. 49) и поэтому уйгуры Восточного Туркестана во второй половине прошлого столетия снова восстанавливают свое исторически законное этническое самоназвание.

А. Т. Кайдаров на конкретных примерах показывает, как карлукско-уйгурский союз явился историческим мостиком, связывающим указанные языки после X в. Нельзя не согласиться с мнением ученого о том, что естествен-

ными преемниками древнеуйгурского языка после караханидского периода его развития должны быть признаны прежде всего уйгурские и карлукские племена или их непосредственные потомки, принимавшие после караханидского периода непосредственное участие в формировании так называемого чагатайского языка, который дал после XVI в. ряд более или менее самостоятельных литературных языков (Кайдаров, 1969в, с. 52—53).

Неудивительно поэтому, что нередко уйгурско-карлукские языковые связи трудно отнести к той или другой группе языков, поскольку «чем дальше мы удаляемся в глубь истории, тем несомненное становится факт исключительной близости их языков (т. е. уйгурского и карлукского. — Т. Т.), обусловленной не только родственными связями, но и длительным пребыванием носителей в составе одного племенного союза» (Шербак, 1961, с. 26).

Вопрос о преемственной связи древнеуйгурского языка с современным уйгурским языком рассматривался также В. И. Новгородским (1951), по мнению которого, история уйгурского языка и «его историческое родство с древнеуйгурским языком — несомненно, что позволяет в необходимых случаях обращаться к нему, считая древнеуйгурский язык одним из предшественников современного уйгурского языка» (с. 10).

История уйгуров, как и других родственных тюркских народов, полна сложными историческими событиями, значительно изменившими не только этнический состав, но и лингвистическую карту уйгуров Восточного Туркестана. Длительные исторические контакты с неродственными языками и взаимовлияния явились причиной того, что между уйгурским языком раннего (письменные памятники) и более позднего периода образовались довольно ощутимые различия, послужившие причиной для отдельных ученых рассматривать древнеуйгурский язык совершенно обособленно от языка как средневековых, так и современных уйгуров. Они даже старались доказать, что древнеуйгурский язык, подобно латыни, превратился в мертвый язык, не оставив после себя прямых потомков. Исходя из этого, некоторые исследователи уйгурского языка и его диалектов Восточного Туркестана пытались поставить под сомнение правомерность существования самого термина «уйгурский язык», заменяя его терминами «кашгарский», «кашгарско-сартский», «таранчинский» и т. д. Более того, некото-

рые ученые утверждали, что современные уйгуры не являются прямыми потомками древних уйгуров, что это название принято ими совершенно произвольно вместо названия когда-то могущественного, но ныне вымершего народа *. На основе этого отдельные ученые были склонны утверждать, что «новоуйгурский язык» не имеет прямой связи с языком древнетюркских письменных памятников. Однако подобного рода утверждения, не имеющие научной аргументации, не находят отклика в народно-лингвистическом сознании как советских, так и восточнотуркестанских уйгуров. Ибо, как справедливо замечает Р. Г. Пиотровский (1973), «все попытки навязать носителям языка предвзятые оценки — будь то из политических соображений или на основе интроспекций ученых, занимающихся языковым строительством, — в конце концов корректируются самим языком» (с. 38). Поэтому при решении вопроса о преемственной связи древнеуйгурского языка с современным уйгурским, как нам думается, нельзя (да и невозможно!) пренебрегать национально-лингвистическим самосознанием, не учитывать народно-психологическую оценку различий самими носителями языка. Следовательно, необходимо восстановить искусственно ослабляемую генетическую связь современного уйгурского языка с его историческим предшественником — древнеуйгурским языком.

Само собой разумеется, что ни один из современных тюркских языков в силу особенностей своего исторического развития через большой промежуток времени не может быть непосредственно возведен к определенной древнетюркской группе языков. Но из этого вовсе не следует, что между современными тюркскими языками, с одной стороны, и древнетюркскими языками — с другой, не имеется генетической связи. Наоборот, как объясняют классики марксизма, «... отличие от этого всеобщего и общего и есть то, что составляет их развитие» (К. Маркс., 1952, с. 195). Поэтому совершенно справедливо утверждение о том, что «древнеуйгурский язык, достигший в X в.

* «Падшие царства и исчезнувшие народы» — так озаглавил свою статью о прошлом народов Северной и Центральной Азии выдающийся публицист-демократ Н. М. Ядринцев. По поводу этого А. П. Окладников справедливо отмечает, что «исследования советских ученых внесли поправку в эту формулу. Падшие царства — это верно... Но «исчезнувшие народы» — это совсем не так!... (Окладников, 1972, с. 4).

своего высокого развития и ставший одним из самых развитых литературных языков со строгой системой терминологии, выработанными письменно-орфографическими нормами, не мог исчезнуть бесследно, не оставив после себя преемника» (Кайдаров, 1969в, с. 40). Напротив, в XI—XIV вв. уйгурские и карлукские племена — основные слагаемые компоненты древнеуйгурского племени в период образования карлукско-уйгурской подгруппы восточнотюркских языков — впоследствии выступают наддиалектного письменно-литературного чагатайского языка. А «под «чагатайским» (равно как и «староузбекским») языком, — пишет А. Н. Кононов (1953), — всегда понимался письменный (книжный) литературный язык, который явился не «мастерской» переработкой какого-то одного диалекта, а восходит к нормам и традициям старых литературных языков Средней Азии — караханидского (X—XII вв., Кашгар) и золотоординского (XIII—XV вв., низовья Сыр-Дарьи и Хорезм)» (с. 64). По этой причине исследователи истории узбекского языка недвусмысленно говорили об абсолютной семантической неадекватности средневекового чагатайского литературного языка и современного литературного узбекского языка.

Аналогичное можно сказать также и об уйгурском языке раннего и позднего средневековья. Так, наши предварительные данные подтверждают высказывания ученых о близости фонетики южных говоров уйгурского языка Восточного Туркестана (хотанского, турфанского, кашгарского и др.) к фонетике ранних и поздних письменных памятников Восточного Туркестана.

Говоря о своеобразных аффиксах хотанского диалекта, Э. Р. Тенишев (1963) отмечает, что последний в фонетике и отчасти в морфологии сохранил черты древнеуйгурского языка (с. 146). А. Т. Кайдаров (1969б), сопоставляя диалектологические записи С. Е. Малова, Г. Ярринга и Э. Р. Тенишева по хотанскому диалекту, заключает, что «хотанский диалект, имея ряд характерных только для него признаков, во многом все же сходен с говорами юго-западных районов Восточного Туркестана» (с. 111). Таким образом, «генезис южного диалекта следует объяснить консервацией в нем древних черт языка» (Тенишев, 1963б, с. 147). В этом отношении чрезвычайно интересен также язык жителей древнего Турфана (Rad-

loff, 1908, с. 842), который в составе древнеуйгурского литературного языка сыграл роль опорного диалекта (Тенишев, 1976б, с. 32) и в котором также консервировались значительные фонетические особенности древнеуйгурского языка (Талипов, 1977, с. 29—30). Это можно отнести и к другим диалектам и говорам уйгурского языка, которые, по словам Э. Р. Тенишева, вместе с общими явлениями обнаруживают специфические особенности, отличающие их друг от друга и от литературного языка. При этом ученый считает, что «не будет особым преувеличением сказать, что общего в уйгурских диалектах больше, чем частного» (Тенишев, 1963б, с. 137). Все это послужило основой для вывода «... о наличии у древнеуйгурского языка преемника в лице современного уйгурского языка, продолжающего развивать определенную историко-лингвистическую... линию преемственной связи с ним больше, чем какой-нибудь другой тюркский язык...» (Кайдаров, 1969а, с. 11).

Уйгурский язык играет особую роль как объект сравнительно-исторического изучения фонетики тюркских языков, благодаря богатству его вокализма и консонантизма на основе индивидуальных особенностей развития фонетической системы, которая, по всей видимости, очень близка во многом к исходной древнетюркской системе.

Последнее объясняется тем, что древнеуйгурский язык является непосредственным преемником предшествующего литературного языка древнетюркских племен. Таким образом, «язык древнеуйгурских памятников представляет собой иной этап в развитии древнетюркских литературных языков. Истоки его восходят к рунической койне — первому литературному варианту языка тюркских племен» (Тенишев, 1976, с. 30), что также свидетельствует о наличии в фонетике современных тюркских языков общих моментов, сближающих их с уйгурским.

Однако следует заметить, что, какими бы общими моментами в фонетике ни располагали современные тюркские языки, «за материальной общностью тюркских языков скрываются значительные расхождения в использовании общих элементов в отдельных языках... Нередко одно и то же явление в разных тюркских языках оказывается как бы на разных уровнях развития, и поэтому сравнение всех данных по разным языкам оказывается очень важным для их понимания» (Убратова, 1970, с. 71—72).

Несмотря на это, южные говоры Восточного Туркестана находятся в весьма сложных и противоречивых отношениях с их исторически обусловленной динамикой. Эти говоры в деталях значительно отличаются не только от наддиалектного староуйгурского или новоуйгурского языков, но и между собой. Поэтому, пожалуй, не всегда можно говорить о прямой и непосредственной генетической связи не только древнетюркского письменно-литературного языка, а также средневекового регионального литературно-письменного языка с живыми народными говорами тех времен, но и новоуйгурского языка с современным уйгурским литературным языком Восточного Туркестана, а также литературным языком уйгуров Советского Союза.

По этой причине при изучении истории уйгурского литературного языка необходимо принимать во внимание общепризнанный факт существования глубоких различий не только в письменно-литературном языке донационального и национального периодов, но и наличие таковых между письменно-литературным и разговорным языками определенного периода. При таком подходе обнаруживаются коренные различия в объеме и характере общественных функций языка на разных этапах его развития. Само собой разумеется, что в этом смысле никак нельзя ставить на одну доску современный уйгурский язык с его предшественником — древнеуйгурским языком V—X вв. — и староуйгурский язык раннего и позднего средневековья. Древнеуйгурский, староуйгурский, а также новоуйгурский письменно-литературный языки указанных периодов базировались и развивались главным образом на основе поэтического языка, так как прозаических произведений в то время почти не было (Кайдаров, 1969а, с. 11). Поэтому уйгурский литературный язык раннего периода весьма редко употреблялся в письменно-поэтической форме и ввиду низкой грамотности населения долгое время оставался достоянием лишь ограниченной группы грамотных людей (поэтов, служителей религиозного культа, учителей, горожан высшего и среднего сословий и др.)*.

* Исходя из сведений, содержащихся в хозяйственных, а также в юридических документах из Восточного Туркестана, Д. И. Тихонов заключает, что около одной трети мужского населения знало в той или иной степени грамоту (Тихонов, 1966, с. 21).

Анализируя произведения уйгурских поэтов XVII—XVIII вв., А. Т. Кайдаров приходит к вполне обоснованному мнению о том, что язык указанного периода является как бы переходным, где переплетаются традиции классического литературного языка и демократические устремления, выразившиеся в намерении поэтов сблизить язык своих произведений с народным языком. Однако он отмечает, что подобные демократические тенденции уйгурских поэтов и писателей второй половины XIX в., унаследованные ими от поэтов предшествующих эпох, не привели к формированию подлинно демократического литературного языка на общенародной основе. Отсюда ученый приходит к выводу о том, что «современный уйгурский литературный язык (в двух вариантах) сложился в 20—30-х годах не на основе литературного языка классического периода, а на основе общенародного живого разговорного языка, продолжая лишь некоторые традиции и сохраняя преемственность в развитии с предшествующим литературным языком» (Кайдаров, 1969б, с. 54—55). Таким образом, «в процессе демократизации литературных языков получали перевес национальные элементы, которые к 20—30-м годам XX в. добились господствующего положения: национальные языки ориентировались теперь на определенную в каждом случае диалектную основу» (Тенишев, 1976а, с. 232). По общему мнению ученых, такой диалектной основой для уйгурского литературного языка является центральный диалект, т. е. язык илийских, кашгарских, а также турфанских уйгуров при доминирующей норме литературного произношения кульджинских уйгуров. Итак, «в результате формирующиеся нормы литературного языка носят как бы гетерогенный характер, отражающий, с одной стороны, традиционные элементы языка уйгурской классической литературы через посредство «кашгарского компонента», с другой — элементы более древнего периода развития уйгурского языка через посредство «турфанского компонента» и, наконец, элементы живого разговорного языка, которые представлены «илийским компонентом» диалектной основы с его своеобразной фонетикой» (Кайдаров, 1969б, с. 342).

Из краткого обзора видно, что большинство ученых приходят к мнению о том, что уйгурский язык имеет непрерывающуюся связь с древнеуйгурским языком, о чем свидетельствуют многочисленные письменные памятники.

Поэтому нам представляется справедливым утверждение о том, что «современные уйгуры больше, чем какой-либо другой народ, сохранили в своем языке элементы языка древних уйгуров», и что «преемственная линия прослеживается не только в общем развитии, но и в языке, т. е. в данных древнеуйгурских памятников, с одной стороны, и в живых диалектах и говорах современных уйгуров — с другой» (Кайдаров, 1969в, с. 47).

Многочисленные языковые факты свидетельствуют «о наличии у древнеуйгурского языка преемника в лице современного уйгурского языка» (Кайдаров, 1969а, с. 11). Следовательно, поскольку и историческое прошлое, и современное состояние, и дальнейшее развитие уйгурского языка представляют собой единый, непрерывающийся процесс, постольку современный уйгурский литературный язык с его общенародной основой рассматривается нами (вслед за А. Т. Кайдаровым) как историческая категория, как результат исторического развития уйгурского общенародного языка.

РАЗВИТИЕ ФОНЕТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ УЙГУРСКОГО ЯЗЫКА

2.1. ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ КАК ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ ФОНЕТИКИ УЙГУРСКОГО ЯЗЫКА

Литературный язык, являясь языком общенародным, обслуживающим все слои населения, непрерывно обрабатывается и творчески обогащается мастерами слова. Будучи высшей формой общенародного языка, литературный язык представляет результат многовековой истории речевого творчества народа. В процессе развития он претерпевал существенные изменения.

В различные эпохи изменялись и совершенствовались методы и приемы отбора средств, норм литературной обработки общенародного языка. Эта обработка и шлифовка речевых средств, бесспорно, имела место и в древнейшие периоды, о чем свидетельствуют письменные памятники, например, «Дивану лугатит турк» Махмуда Кашгарского, где он делит языки тюркских племен своей эпохи на «чистые» и «смешанные», выделяя различные фонетические варианты одних и тех же слов и указывая их «правильные» и «искаженные» формы. Те или иные фонетические законы развития уйгурского языка можно проследить не только на живом языке, но и на основе древнетюркских письменных памятников, отражающих состояние языка конкретной эпохи. Однако анализ языкового материала письменных памятников связан со многими трудностями и прежде всего с особенностями графического написания слов.

Общеизвестно, что орфографические нормы со временем меняются, а те, которые первоначально представляли собой единичные отступления, обусловленные устной речью, с течением времени становятся закономерными. Таковы, например, случаи оглушения и выпадения звуков

в определенной позиции слов, ассимилятивные модификации звуков и многие другие, представляющие отклонения от общей нормы в истории уйгурского языка.

Анализируя фонетические явления уйгурского языка по письменным памятникам, мы сталкиваемся с весьма сложным вопросом о соотношении графических знаков и звуковых единиц фонологического строя древнеуйгурского языка. В тюркологии эта проблема до сих пор не решена, несмотря на то, что имеется богатейший материал, тщательно собранный и систематизированный в многочисленных тюркологических исследованиях по древнетюркским письменным памятникам. Ее решение дало бы фонологам, диалектологам и историкам надежный материал для глубокого исследования тенденций, действовавших в языке в ходе его исторического развития.

Уйгурский язык, как известно, располагает многочисленными уникальными письменными памятниками — первоисточниками, собранными в коллекциях мировой ориенталистики. Достаточно указать на уйгурский фонд Института востоковедения АН СССР, насчитывающий около тысячи единиц рукописного материала (Мугинов, 1962), а также на каталог рукописей классической уйгурской литературы, включающий более двух тысяч названий (Мухлисов, 1957), чтобы представить огромное количество памятников письменности уйгурского языка, литературы, истории и культуры, которые ждут своих исследователей. Все эти рукописи представляют для уйгуроведов исключительно ценные источники, по которым можно изучить и воссоздать историю развития уйгурского письменного литературного языка, определить основные этапы его развития, взаимоотношения с другими языками Средней Азии.

Однако установление закономерностей развития тех или иных фонетических явлений уйгурского языка по письменным памятникам осложнено тем, что, во-первых, памятники отличаются по форме и содержанию, выполнены разнообразным почерком и способом письма, поскольку они создавались в различные эпохи и в различных местах.

Так, например, один из ранних памятников древнеуйгурского языка «Покаянная молитва манихейцев», а также другие рукописи, относящиеся к V—VII вв., написаны манихейским письмом; эпитафии VIII—IX вв., та-

кие, как «Селенгинский камень», памятник из урочища Суджи, карабалгасунская надпись, турфанские надписи и другие, созданы на руническом письме; памятники христианско-несторианского характера — на сирийском; тексты буддийско-философского содержания («Сутра золотого блеска», а также юридические документы, датируемые V—IX вв.) — на согдийском; и, наконец, некоторые письменные памятники средневековья («Кутадгу билиг», «Дивану лугатит турк» и др.) — на арабском и уйгурском письмах. Критическое изучение указанных письменных памятников в какой-то степени помогает проследить историю развития фонетических явлений уйгурского языка, хотя следует оговорить, что если для изучения морфологии и синтаксиса литературного языка вполне достаточно материала письменных памятников, то этого нельзя сказать о фонетике. Дело в том, что схематичный арабский алфавит, в котором отсутствовали огласовки, бессистемно отображал на письме вокализм уйгурской фонетики. А это, в свою очередь, затрудняло изучение таких кардинальных вопросов уйгурской фонетики, как качественная модификация и выпадение гласных, оглушение или озвончение согласных, их выпадение или появление и т. д. То же самое можно сказать и о древнеуйгурской письменности, когда из-за недостатка графических средств один и тот же знак употреблялся для передачи различных звуков уйгурского языка.

Не менее сложным вопросом в деле изучения письменных памятников, написанных различными графическими средствами, является передача их с измененной транскрипцией, условно уподобленной латинской или славянской графике.

Причины «несоответствия» между звуком и символом, орфографией и орфоэпией заложены в основе самой транскрипции, самого языка. И неудивительно поэтому, что всевозможные «отступления» и «отклонения» от общей нормы написания отдельных слов и словоформ в письменных памятниках различных эпох послужили основой для различной интерпретации ряда вопросов фонетики тюркских языков. Так, например, на основе изучения языка знаменитого памятника уйгурской письменности «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагунского В. В. Радлов, опираясь на материалы различных тюркских языков, отмечал, что в древнеуйгурском языке были только глухие согласные (қ, к, т, п, с, ш, ч). Что же

касается соответствующих звонких, то они, по его мнению, возникли вследствие «ослабления» глухих согласных, происшедшего в интервокальном положении.

Изучением фонетики языка «Кутадгу билиг» занимался также В. Томсен. В отличие от В. В. Радлова он считал основной причиной многообразного восприятия древнеуйгурской фонетики полифоничность большинства знаков уйгурского алфавита (четыре знака для восьми или девяти гласных, по одному знаку для [к], [ғ], [х], [к], [г], [т], [д], [п], [б], [в], [ф]). На основе изучения рифмующихся слов В. Томсен (1901, с. 241—259) пришел к выводу о том, что в «Кутадгу билиг» последовательно различаются [к] и [ғ], [к] и [г].

Исследование «Дивану лугатит турк» и «Кутадгу билиг», написанных арабским письмом, и всестороннее изучение различных тюркских письменных памятников раннего средневековья позволили ученым, последователям В. В. Радлова и В. Томсена, высказать свое мнение о звуковом строе древнеуйгурского языка. Так, например, А. М. Щербак (1970б, с. 20—23) в работе, посвященной системе древнеуйгурского консонантизма, отмечает правильность позиции, занятой В. Томсеном в отношении консонантизма в языке «Кутадгу билиг». Но вместе с тем ученый не без основания указывает на слабо аргументированные моменты, подлежащие пересмотру, находит не обоснованным мнение В. Томсена о звонкости губно-губного смычного согласного [б] в деепричастных формах типа *туруб*, *уруб* или звонкости согласных в сочетании с другими согласными. А. М. Щербак справедливо отмечает, что наличие соответствующих написаний в арабском списке не всегда является убедительным доказательством звонкости согласных, так как они могут быть данью орфографической традиции, не отражающей действующих норм произношения (Щербак, 1970б, с. 21). Для подкрепления своего мнения ученый приводит высказывание Мирзы Мехди-хана, указавшего на допустимость двоякого написания таких слов, как *булақ* и *булағ* 'ручей', *айақ* и *айағ* 'нога', *қуруқ* и *қуруғ* 'сухой' и т. д. Двоякая форма написания отдельных слов с конечным увулярным смычным [к] и звонким [ғ] обнаруживается также в словаре Абушка, изданном В. В. Вельяминовым-Зерновым.

В уйгурских глоссах из Турфана, написанных на брахми, отражено колебание в написании начального

губно-губного звонкого смычного [б] в составе ряда слов. Например, *bhār — pār* 'есть', *bāsh — paish* 'голова', *bhālkū — pālkū* 'признак', *bāk — pāk* 'крепкий', *besh — pesh* 'пять', *bīlgā — pīlgā* 'мудрый', *bīr — pīr* 'один' и т. д.

Указанные примеры из брахми-глосс также свидетельствуют о несоответствии между написанием и произношением звуков в ранних древнеуйгурских письменных памятниках (Щербак, 1970 б, с. 22).

Следует также учесть, что такое колебание в написании анлаутного губного согласного в турфанских брахми-глоссах, отражающих особенности фонетики определенного диалекта, лишний раз подтверждает тезис о единой традиции письменного литературного языка, существовавшего как у древних уйгуров, так и у тюркоязычных племен, пользовавшихся различными письменностями и живших на обширной территории от р. Орхон до Турфана и Кашгара. А. М. Щербак по этому поводу отмечает, что примеры из брахми-глосс и манихейских текстов отражают фонетическое состояние языка, мало чем отличающееся от того, которое было зафиксировано в «Кутадгу билиг». Подобное утверждение позволяет сделать вывод о том, что письменный памятник «Кутадгу билиг» вообрал в себя один тюркский язык или одну группу тюркских языков, начиная с VIII по XI в.

На основании данных примеров А. М. Щербак заключает, что вывод В. Томсена о наличии в языке «Кутадгу билиг» глухих и звонких согласных при устойчивости качества согласных в разных позиционных условиях остается в основном неизменным, хотя при более глубоком подходе определение, данное им древнеуйгурскому и древнетюркскому консонантизму как общему «для всех тюркских языков в их первоначальном состоянии», вызывает серьезные и принципиальные возражения. Говоря о традиции преемственности в орфографии и орфоэпии древнетюркских языков, нельзя не учитывать того, что «язык „Кутадгу билиг“ имеет те же фонетические особенности, что и язык памятников рунической письменности, и фонетически они воспринимаются как нечто единое» (Щербак, 1970б, с. 22). По справедливому замечанию А. М. Щербака (1970б), «о существовании письменной традиции в период с VIII по XI в. лишь в рамках одного тюркского языка или одной группы тюркских языков должна быть ломка глубоко укоренившихся

представлений о возможности непосредственного использования памятников рунической, уйгурской и манихейской письменности при разработке истории любого из тюркских языков» (с. 22).

С точки зрения исторической фонетики имеют немаловажное значение не только случаи несоответствия букв и звуков в составе слов и словоформ, но и дублетное и вариантное употребление отдельных фонем и морфем в составе ряда лексем, ибо «именно в дублетах обнаруживается конкуренция как в отношении фонетического облика слов, так и в их морфологическом оформлении, столь существенная для выработки окончательного стандарта» (Зиндер, Строева, 1970, с. 114). Так, благодаря «Дивану лугатит турк» Махмуда Кашгарского мы вправе судить о тех фонетических изменениях, которые произошли в древнетюркских языках, отдаленных от нас несколькими столетиями. Махмуд Кашгарский, знаток фонетики тюркоязычных племен своей эпохи, смог определить не только артикуляционно-физиологические особенности и акустические свойства отдельных звуков, но и зафиксировать в своем фундаментальном труде всякие колебания в произношении звуков в словах и словосочетаниях. Впервые в науке он указал на случаи двоякого произношения отдельных слов; в его произведении система гласных представлена в виде долгих и отрывистых, полных и кратких. Кроме того, им подробно рассмотрены гласные звуки, общие для языков группы племен, а также свойства звуков, присущие только отдельным племенам. В отношении согласных звуков впервые была высказана мысль о далеко неполном соответствии букв реальным звукам языка, а также о том, что в тюркском алфавите того времени употреблялось восемнадцать букв, которые были призваны отражать на письме семь звуков, реально существовавших в языке (МК, 1960, с. 48). Произведение Махмуда Кашгарского содержит также сведения о привходящем характере отдельных фонетических явлений, почти обо всех фонетических изменениях комбинаторно-позиционного и антропофонического характера.

При анализе древнетюркских письменных памятников в целях установления тех или иных фонетических изменений в истории языка необходимо учитывать специфику развития знаковой системы, отражающую письменную норму древнетюркских языков в различные

эпохи их существования. Это прежде всего относится к такому старописьменному языку, как уйгурский, который за свою многовековую историю успел сменить не только различные системы письменности (клинописную, квадратную, древнеуйгурскую, арабскую, латинскую и славянскую), но и претерпел значительные изменения в системе орфографии в пределах даже каждой из названных выше письменностей, поэтому вопрос соотношения, или соответствия, между системой письма и фонологической структурой уйгурского языка представляет не только теоретический, но и практический интерес.

Общее предварительное знакомство с рукописными сочинениями уйгурских поэтов последних столетий дает наглядное представление о сложном пути исторического развития уйгурского языка. Язык поэтических произведений представителей уйгурской классической литературы содержит ряд архаических черт в фонетическом и грамматическом оформлении слов и словоформ и тем самым отличается не только от прозаических произведений, но и от живого общенародного языка средневековья. Можно полагать, что язык уйгурских поэтов XIV—XIX вв. является книжным, не отражающим особенностей произношения общенародного языка. Известно, что элементы книжного языка позднего и раннего средневековья, носящие несколько искусственный характер, периодически появляются иногда и в произведениях современной уйгурской литературы. Это явление объясняется как сохранением форм традиционного стихосложения, так и стремлением подчеркнуть созвучность рифмующихся слов и часто в целях «возвышения» над обыденной речью.

При исследовании звукового строя языка с привлечением материалов из древнетюркских памятников необходимо учитывать наличие в этих памятниках специфических законов функционирования и развития определенных закономерностей в соответствии с системой орфоэпии и орфографии. Такая работа, к сожалению, ни в отечественной, ни в зарубежной тюркологии еще не ведется, что, естественно, оставляет в тени многие вопросы исторического развития звуковой системы тюркских языков не только в плане диахронии, но и синхронии.

На основе лингвистического материала, взятого из письменных памятников и диалектологических записей ученых, мы попытаемся осветить основные аспекты изме-

нения фонетических явлений, а также историю развития отдельных звуков уйгурского языка на уровнях фонетики и фонологии.

2.2. ФОНЕТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ И ИХ СВЯЗЬ С ДРУГИМИ АСПЕКТАМИ ЯЗЫКА

Развитие фонетической системы языка не происходит обособленно. Оно тесно связано с развитием структуры языка в целом и прежде всего с его морфологической и лексической системами.

По справедливому замечанию Р. И. Аванесова и А. И. Смирницкого, самое важное, на что следует обратить внимание в связи с вопросом о фонетических признаках слова, это то, что выделение слова по одним фонетическим признакам недопустимо методологически, поскольку при этом слово рассматривается так, как если бы оно представляло собой только звуковой отрезок. «Между тем слово, как единица языка, представляет собой образование, имеющее как звуковую сторону, так и сторону смысловую, семантическую» (Смирницкий, 1952, с. 190). Правы и те ученые, которые устанавливают теснейшую связь между эволюцией разных сторон языка, в частности фонетики и морфологии, так как «нередко фонетический процесс подготавливает почву для морфологического или так или иначе содействует изменению морфологической системы; и, напротив, морфологический процесс может содействовать функциональной перестройке фонетической системы. Поэтому нужно изучать не вообще фонетическую систему, а в ее реальном бытовании, в инвентаре слов и морфем языка» (Аванесов, 1947, с. 36).

Такая взаимосвязь фонетических изменений с другими аспектами структуры языка обуславливается тем, что изменение звуков происходит не изолированно от слов, а в словах и в их формах. Эти изменения постепенно могут привести и приводят к изменению морфологических элементов отдельных слов, в частности аффиксов, что влечет за собой дальнейшие преобразования в общей морфологической структуре слова. Известно, например, что такие современные уйгурские словоформы, как *қовуқ* 'наручники, кандалы', (*қол*) *қоштурмақ* 'сложить руки на груди', *қапсимақ* 'блокировать', *қапқан* 'капкан', *қапмақ* 'кусать', *қапқа* 'ворота', *қапқақ*

‘крышка, затворка’ и *қавимақ* ‘лаять, кусаться (о собаке)’, не связанные на первый взгляд семантически, в древнеуйгурском (шире — в алтайских языках) развились из общего корня, подвергшегося в определенных условиях фонетическому преобразованию (Кормушин, 1971, с. 9—28). Этим исконным для всех тюркских языков корнем был, по-видимому, глагол *қапмақ*, употребляемый в значении закрывать, цепляться, кусаться, хватать. Преобразование же его в *қовуқ* в истории уйгурского языка было вызвано тем, что на уйгурской почве корневой гласный заднего ряда [а] в позиции перед губно-губными или губно-зубными (в данном случае губно-губным глухим взрывным [п]), а также перед узким аффиксальным губным гласным [у] переходил в огубленный гласный заднего ряда [о], а билабиальный глухой смычный [п] в интервокальной позиции — в губно-губной звонкий спира́нт [в]. Такое же изменение переживало слово (*қол*) *қоштурмақ*, происходившее из той же первоначальной глагольной основы *қапмақ* (*қап + уш + тур + мақ*), где конечный смычный согласный [п] в интервокальной позиции ослаб и превратился в спира́нт [в]: *қапуштурмақ* > *қавуштурмақ*, а затем гласный [а] основы перешел в [о] по той же схеме, что и в слове *қовуқ*. Следует отметить, что в слове *қовуштурмақ* новообразованный губной спира́нт [в] в слабоударной позиции в окружении губных гласных подвергся в произношении еще большему ослаблению, в результате чего в середине слова редуцированный слог *-ву-* выпал. Таким образом, это слово приобрело в произношении современную форму *қоштурмақ* > *қап-уш-тур-мақ*.

Что касается гласного [а] основы в таких словах, как *қапқа* или *қапқан*, в положении перед негубным аффиксальным гласным, отделенным барьером из двух согласных звуков *-пқ-*, он не претерпел изменения. Таким образом, дальнейшие семантические и словообразовательные процессы привели к значительному разрыву между этими двумя типами слов, происходивших из одного корня.

Подобного рода примерами могут служить и современные слова *очуқ* ‘открыто’, *ециқ* ‘запруда арыка’ и *ачқуц* ‘ключ’, происшедшие в определенный исторический период развития уйгурского языка из одной общетюркской глагольной основы *ачмақ* ‘открывать’.

Все это говорит о том, что появление отдельных фонем или их оттенков и различных комбинаторно-позицион-

ных изменений в уйгурском языке непосредственно связано с другими аспектами его структуры, прежде всего с морфологическим строем. Наглядным примером такой взаимосвязи могут служить звуковые изменения, обусловленные качественной редукцией широких гласных основы при наращивании определенных словообразующих и формообразующих формантов.

Как было отмечено выше, древнеуйгурские письменные памятники содержат много языковых особенностей, отражающих фонетическую систему живого языка своего времени в области вокализма и консонантизма. В текстах наблюдаются отступления от традиционного письма в сторону произношения. Эти отклонения, свидетельствующие о близости языка отдельных памятников живой разговорной речи, позволяют судить о фонетической системе того времени, о качестве звуков и звуковых чередованиях, а также дают возможность представить систему сочетания звуков в слове.

Поскольку по традиции в уйгурском письме вплоть до конца XIX в. и позже не получали отражения ассимилятивные изменения гласных и согласных в словах типа *кочалар* 'улицы', *барип* (от *бармақ*) 'идя', *кәчәләри* 'ночами', *кәлип* (от *кәлмәк*) 'приходя', *чәчәк* 'цветок, соцветие', *тарығ* 'просо' и т. д., то неудивительно, что в письменных памятниках этого периода встречаются праязыковые формы, неизменно сохраняющие свой древний фонетический облик. В данном случае традиционное письмо, отражавшее этимологическое написание слов, скрывает от нас ассимилятивные изменения гласных и согласных, связанные, в частности, с обратным влиянием узких гласных, а также с редукцией, которые привели к произношению в виде *кочилар*, *берип*, *кечилар*, *келип*, *чечәк*, *териқ* и т. д. Но в отдельных памятниках различных эпох имеются ценные для исторической фонетики данные: встречаются слова и словоформы (причем, в интерпретации писцов, согласно произношению), не зарегистрированные другими письменными памятниками.

Процесс качественной (и количественной) редукции гласных характерен почти для всех тюркских языков. Он начал действовать в них не одновременно и привел к различным результатам, которые были отмечены В. В. Радловым. Особенно показательны в этом отношении случаи качественной редукции гласных в истории уйгурского языка. Фактически с момента проявления закона качест-

венной редукции, а также перегласовки гласных, что связано в том и другом случае с ударением, уйгурский язык в развитии фонетической системы отошел дальше от остальных родственных языков.

В отношении причины возникновения чередования звуков [a], [ə], с [e], [ы], [i] можно полагать, что оно возникло в результате ослабления редукции безударных гласных, но каковы причины редукции и как шел процесс возникновения и развития чередования — эти вопросы остаются пока не решенными.

Перед исследователями истории уйгурского и других тюркских языков стоит задача более глубокого сравнительно-исторического изучения и установления причинно-следственных отношений основных звуковых изменений, связанных с другими аспектами языка.

2.3. ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ РАЗВИТИЯ ФОНЕТИКИ, СВЯЗАННЫЕ С ПРОНИКНОВЕНИЕМ В УЙГУРСКИЙ ЯЗЫК ИНОЯЗЫЧНЫХ СЛОВ

Общепринято, что артикуляционная база, как исторически обусловленная система произносительных навыков, свойственна этносу и через этнос языку (Наделяев, 1979, с. 83; 1981, с. 15). Тем не менее сложившееся веками состояние языка, в частности способы артикуляции, дистрибутивные отношения фонем, не может оставаться постоянным, данным раз и навсегда, ибо «нет неподвижности в языке... В языке, как и вообще в природе, все живет, все движется, все изменяется. Спокойствие, остановка, застой — явление кажущееся» (Бодуэн де Куртене, 1963, с. 349).

Следовательно, признавая в целом «относительно большую устойчивость фонетической стороны языков, которая, видимо, поддерживается системными отношениями, существующими внутри нее» (Звегинцев, 1962, с. 238), лингвисты допускают возможность изменения фонетического строя в результате интра- и экстралингвистических факторов.

Говоря об ошибочности предположения, будто влияние истории языкового коллектива на звуковую структуру языка вообще не проявляется, чешский ученый Б. Трка и другие указывают на косвенные, но вполне реальные случаи такого влияния в истории языков. По

их мнению, это касается главным образом адаптаций и изменений в фонологической системе, вызванных (или по крайней мере ускоренных и облегченных) освоением лексических заимствований, в которых отдельные звуки находятся в иных фонологических условиях, чем в исконных словах данного языка (Звегинцев, 1960, с. 109).

История развития многих фонетических явлений в тюркских языках свидетельствует о том, что фонологические изменения происходят чаще всего в результате интенсивного заимствования значительного количества слов, содержащих новую форму или иные сочетания фонем, которые в свою очередь приводят нередко к нарушению равновесия в системе звуков и правил их дистрибутивных отношений, ибо известно, что «в тот же момент, когда нововведение появляется, оно иногда обнаруживается сперва только в некоторых словах, но поскольку оно касается способа артикуляции, а не того или иного слова, оно вскоре распространяется на все случаи» (Звегинцев, 1965, с. 426).

История развития ряда тюркских языков красноречиво свидетельствует об изменениях в фонетической структуре конкретных языков, обусловленных иноязычными влияниями.

Установлено, что исторически сложившееся количество смыслоразличительных звуковых оппозиций остается более или менее постоянным при отсутствии резких изменений в типологии языка, хотя качественно фонологические оппозиции могут подвергаться существенным изменениям под воздействием внешнелингвистических факторов. К таким факторам, как правило, относятся разные формы интенсивных контактов носителей данной речи с племенами и народами другой речи, в которой фонологический инвентарный состав обладает другими особенностями произносительных навыков. В отношении развития звукового языка В. И. Абаев отмечает, что все закономерности общественного развития находили в языке то прямое, то косвенное отражение. Язык стал чутким регистратором общественных процессов и изменений. Всякие перемены, сдвиги, колебания в отношениях как внутри коллектива, так и между соседними коллективами находили отзвук в языке, ибо язык и родился для выражения этих отношений (Абаев, 1970, с. 245). И действительно, развитие любого языка не отвергает, а, наоборот, предполагает постоянное воздейст-

вие на него экстралингвистических факторов, которое особенно усиливается в период общественных и социально-культурных сдвигов, причем наиболее чутко реагирует на это влияние лексический уровень языка, постоянно пополняющего свой словарный состав за счет заимствований.

В тюркологии известен ряд работ, связанных с изучением контактирования языков смежных территорий, которые помогли ученым воссоздать историю фонетического развития отдельных тюркских языков. Так, например, описана история формирования узбекского литературного языка на основе ареальной лингвистики с доказательством наличия изоглоссных явлений в диалектах и говорах, типологически сходных с аналогичными явлениями в смежных иносистемных языках. В трудах Е. Д. Поливанова, А. К. Боровкова, К. К. Юдахина, В. В. Решетова и других отмечаются новые элементы в фонетике узбекского языка, объясняемые влиянием внешних факторов.

Исследователи ряда тюркских языков также указывают на наличие звуковых явлений, появившихся в результате влияния на них других языков.

Уйгурский язык как один из древнейших языков тюркской семьи не мог избежать влияния древних субстратов. Однако кажутся обоснованными утверждения ученых о том, что фонетическая структура и грамматический строй новоуйгурского языка, как и узбекского, претерпели определенные изменения под воздействием иноязычной лексики (Баскаков, 1958, с. 35).

Уйгурский язык в ходе своего исторического развития испытал воздействие других языков, среди которых особое место занимает таджикско-персидский. Истоки этого воздействия уходят в глубокую древность и обусловлены тесными контактами уйгурских племен с ираноязычными племенами на территории современного Восточного Туркестана и Средней Азии. Исторические данные, основанные на согдийских письменных памятниках из Турфана, свидетельствуют о том, что предки современных таджиков (согдийцы) еще в VII—VIII вв. н. э. имели в Восточном Туркестане, в области Лобнора, и Китае свои колонии.

Б. Я. Владимирцов (1925, с. 309) указывает, что уйгуры и некоторые другие тюркские народы находились под большим влиянием и в непосредственных контактах

с народами, говорившими и писавшими на старых индоевропейских и среднеазиатских языках.

Культура древних уйгуров основывалась на разных источниках, например на переводной религиозной литературе, которая способствовала увеличению заимствований согдийского, манихейского, христианского и буддийского содержания. Как отмечают ученые, именно смена веры и сделала согдийский язык, язык новой религии уйгуров, вторым государственным языком уйгурского каганата, существовавшего в 744—840 гг. (Кляшторный, Лившиц, 1971, с. 110—112).

В течение полутора тысячелетий согдийцы не только выполняли роль носителя культуры для большей части народов Средней и Восточной Азии (Розенберг, 1925, с. 82), но в определенной степени обогащалась и лексика уйгурского и других тюркских языков за счет согдийского языка. Наличие значительного количества лексических единиц согдийского языка в древнетюркских объясняется не только продолжительностью контактов, но и отуречением согдийцев. Как указывал Махмуд Кашгарский, в городе Баласагуне население было билингвами и наряду с согдийским оно говорило и на тюркском языке.

Заимствование из иранских языков получило новый стимул в связи с переселением нового контингента уйгуров в первой половине IX в. из районов на Селенге и Орхоне в Монголии на юго-запад, в Восточный Туркестан: в область Гао-Чан, в провинции Турфан, Куча, а также в города Урумчи, Хами и др. По словам А. Ю. Якубовского, в жизни уйгурского народа это событие сыграло исключительную роль, начался блестящий период в его истории. Так, во второй половине IX в. в Восточном Туркестане сложилось полукочеевое уйгуро-турфанское княжество, которое бурно развивалось на основе богатой земледельческой культуры ираноязычных народов. Население его в Гао-Чане в V в. составляли местные иранцы и согдийцы-колонисты (Якубовский, 1947, с. 436—437). В результате указанной миграции «в этногенезе современных уйгуров, в сложении особенностей их культурной жизни, а также в проявлении той роли, которую уйгурам пришлось сыграть в домонгольский период, большое значение имела историко-культурная среда, в которую они попали, когда в массе переселились в районы рек Тарима и Ак-су. Местные иранцы и пришлые

согдийцы не только вошли как важное слагаемое при формировании уйгурского народа, но и дали много существенных элементов в его культуру» (Фрейман, 1952, с. 126).

Смешение на одной территории разноструктурных языков ираноязычных племен (согдийцев, саков, тохаров, с одной стороны, и уйгурских племен Восточного Туркестана — с другой) выразилось еще большим притоком в уйгурский язык лексических заимствований.

Установлено, что в составе лексики современного уйгурского языка имеется множество слов таджикско-персидского происхождения, общее количество которых составляет приблизительно 1200 словарных единиц, пронизывающих почти всю звуковую систему уйгурского языка. Предварительный подсчет в алфавитном порядке показывает следующее соотношение таджикских заимствований в цифровом выражении для современного уйгурского языка: на букву *А* — 48, *Ә* — 26, *Б* — 130, *В* — 9, *Г* — 61, *Ғ* — 19, *Д* — 90, *Е* — 3, *Ж* — 4, *Җ* — 43, *З* — 37, *И* — 4, *Й* — 11, *К* — 54, *Қ* — 50, *Л* — 22, *М* — 74, *Н* — 62, *О* — 8, *П* — 93, *Р* — 31, *С* — 57, *Т* — 42, *У* — 3, *Х* — 55, *Һ* — 38, *Ч* — 44, *Ш* — 41, *Я* — 11 (Насыров, 1972).

Из диалектологических материалов видно, что в лексическом составе диалектов и говоров уйгурского языка имеется значительное количество заимствований из различных языков, но подавляющее большинство из них относится к персидским.

Бесспорно и то, что средневековый книжный язык базировался на письменной традиции предшествующих эпох и содержал еще большее количество заимствований из языков ираноязычных племен, поэтому масштабность и сфера влияния лингвистического контакта на фонетику уйгурского языка огромны. Еще Махмуд Кашгарский отмечал, что в речи тюркоязычных племен, которые посещали города и являются билингвами, произошел сдвиг в артикуляции гласных в сторону их передней огласовки. Это замечание ученого имеет важное значение для объяснения причин и установления ряда явлений исторической фонетики не только уйгурского, но и других тюркских языков в их временной последовательности. При этом важно учитывать возможность появления вместе с заимствованными словами новых звуков и звуковых сочетаний. Однако не менее важно учитывать и то, что по-

следние действуют на изменение общей структуры языка весьма медленно, оставаясь, как правило, инородными включениями, находящимися вне подсистемы гласных или согласных. Тем не менее длительное воздействие того или иного адстрата приводит к видоизменению некоторых фонетических закономерностей (относительное нарушение сингармонизма в узбекском языке под влиянием иранских языков), к возникновению новых коррелятивных соотношений в составе согласных в связи с появлением новых согласных (образование придыхательных согласных в турецких диалектах восточных вилайетов под влиянием армянского языка или в тюркских диалектах Сибири под влиянием китайского языка, т. е. под воздействием соседних адстратов) (Баскаков, 1970в, с. 50—51).

В лексике уйгурского языка имеется также много слов арабского происхождения, относящихся главным образом к религии и просвещению. Проникновение арабских заимствований связано не только с религией, но и с историческими событиями, сопровождавшимися торгово-экономическими и культурными контактами арабов с народами Средней Азии в древние времена (Щербак, 1974, с. 108—112). И действительно, в средневековые одним из потенциальных источников развития и расширения лексического запаса тюркских языков были заимствования из арабского языка. Приток арабизмов мотивировался тем, что с середины VIII в. Западный Туркестан находился под властью арабов (Бартольд, 1927, с. 9).

Завоевав Иран и Среднюю Азию, арабы включили их в состав халифата, навязав им свой (арабский) алфавит. В Восточном Туркестане арабы застали уже развитый древнеуйгурский литературный язык.

Как указывает С. Е. Малов (1947), «здесь с распространением ислама, как в изящной литературе, так и в деловых актах, да и в живой речи высшего, придворного класса был язык религии, язык культуры и государственности — язык персидский, а затем язык арабский» (с. 76). Исторические данные свидетельствуют о том, что принявшая ислам городская знать Восточного Туркестана, родным языком которой был тюркский (уйгурский) язык, помогала арабам в их дальнейшем продвижении в Среднюю Азию (Фрейман, 1946, с. 380). К моменту создания «Кутадгу билиг» и «Дивану лугатит турк», по общему выражению С. Г. Кляшторного (1970), «то, что

в IX в. казалось неприемлемым и утверждалось мечом, в XI в. уже воспринималось как должное и подкреплялось пером» (с. 82).

Дальнейший процесс исламизации тюркских племен привел к завершению создания Караханидского каганата с границей на Амударье.

По свидетельству ученых, племенной состав государства караханидов, занимавшего обширную область от Восточного Туркестана и Семиречья до Мавераннахра, отличался значительной пестротой. В него входили не только уйгурские племена и карлуки, которые занимали центральное положение в государстве, но и племена аргу, тиргеши, ягма и др. (Артамошина, 1960, с. 9).

В конце 30-х годов XI в. караханиды Мавераннахра окончательно отделились от караханидов Кашгара, а через полтора столетия с небольшим лет с исторической арены сошли последние караханидские князья. Говоря об экономических, социальных и культурных сдвигах в период господства караханидов, С. Г. Кляшторный (1970) отмечает, что «уже к моменту падения караханидской династии в Мавераннахре Средняя Азия, Семиречье, Кашгария обрели новое этническое лицо, новую социальную и экономическую структуру, новый тип духовной культуры. Лишь потрясения монгольских завоевателей прервали естественный процесс наметившегося развития» (с. 85—86).

В языковом отношении эта новизна характеризуется значительным количеством лексических заимствований из арабского и других языков, проникших через письменную литературу религиозного и мифического характера. Известно, что элементы арабского и персидского литературных языков имелись уже в тюркских языках раннего средневековья (Самойлович, 1927, с. 31). По подсчетам ученых, в «Кутадгу билиг» зафиксировано около ста словарных единиц арабского происхождения (Наджип, 1960, с. 18). «Древнетюркский словарь» также содержит значительное количество заимствований из арабского языка. Э. Трыарский установил, что из 1187 словарных статей (не считая отсылок) 52 арабских заимствования приходится на букву А. В числе 1070 словарных статей на букву К эта пропорция следующая: 60 санскритских, 19 арабских, 12 китайских, 5 персидских, 2 согдийских и 1 иранское заимствование (Трыарский, 1971, с. 138).

Массовому проникновению и закреплению в языке арабских заимствований в немалой степени способствовало то обстоятельство, что тюркоязычные ученые и поэты, жившие в X в. и позже в Восточном Туркестане, Средней Азии и Хорасане, наряду с персидско-таджикским широко пользовались и арабским языком. О масштабах и сфере распространения арабского языка на обширной территории заселения тюркоязычных племен в раннем средневековье свидетельствует «Йашимат ад-даһр фи маһасин аһл Эл-эср» Абу Мансура Абдулмалик Ибн Мухаммад ас-Саалибий (961—1038 гг.), где упоминаются имена 124 тюркоязычных поэтов, создавших свои поэтические произведения на арабском языке (Абдуллаев, 1971, с. 50), не говоря уже о Махмуде Кашгарском, который написал «Дивану лугатит турк» не на тюркском языке, а на арабском.

Как показывают древнетюркские письменные памятники, основная часть арабских заимствований относится к более позднему периоду (после XI в.), когда распространение исламской религии и мусульманской культуры в Восточном Туркестане приняло тотальный характер и достигло кульминационной точки. Исследователи языковых особенностей поэтических произведений раннего и позднего средневековья отмечают интенсивное увеличение заимствований арабского и персидского происхождения в эпоху наибольшего распространения ислама. Так, в «Хибат ал-хакаик» Ахмеда Югнаки (XII в.) по сравнению с «Кутадгу билиг» (XI в.) арабских и персидских лексических заимствований гораздо больше, чем у Юсуфа Баласагунского (Бертельс, 1945, с. 29—46). Тюркоязычная поэзия позднего средневековья, по образному выражению В. Д. Артамошиной (1960), «надевала на себя наряд вычурности, изысканности и искусственности, следуя персидской литературной традиции. Это проявлялось главным образом в громадном увеличении числа персидских и арабских слов в тюркских стихах, так что тюркская основа превращалась в бледную канву из послелогов и вспомогательных глаголов...» (с. 12). По ее подсчетам, в поэтических произведениях поэтов XIV—XV вв. — Лютфи, Атай и Саккаки — заимствования арабского и персидского происхождения составляют от 40 до 70% общего количества словоупотреблений (Артамошина, 1960, с. 18).

В дальнейшем, в эпоху расцвета классической тюрко-

язычной литературы (конец XV — начало XVI в.), арабо-персидские заимствования в поэтической речи как Средней, так и Малой Азии достигли еще большего размаха.

Таким образом, «эпоха распространения ислама, вызвавшая огромный приток арабских лексических заимствований, несравнима в этом отношении с эпохой глубокой древности, когда не могло быть такого интенсивного влияния одного языка на другой через литературу, церковь и т. п.» (Серебренников, 1952, с. 208).

Все это позволило ученым утверждать, что приблизительно к XV—XVI вв. в Центральной Азии изменилась религия, а вместе с ней алфавит и частично язык, что в фонетическом отношении выразилось переходом тюркского *д*-языка в тюркский *й*-язык. Еще С. Е. Малов (1947, с. 478) в своих историко-филологических трудах подметил, что с XV в. Китайский Туркестан (терминология С. Е. Малова. — *Т. Т.*) становится окончательно таким, каким он является теперь.

Восточный Туркестан с давних времен имел торговые и экономические связи с Индией. Из научной литературы известно, что отдельные группы тюркских племен и многочисленных родов начали проникать в Индию еще в V—VI вв. А в начале XIII в. под натиском монголов миграция тюркских племен в Индию стала еще интенсивнее. В результате такого передвижения огромная территория северной, северо-западной и центральной Индии оказалась наводненной разнородными тюркскими племенами. В начале XIII в. образовался Делийский султанат, объединивший многочисленные тюркские племена — выходцев из Восточного Туркестана, Средней Азии, Семиречья, Дашт-кыпчак и Хорезма (Наджип, 1982, с. 75). Особо следует отметить, что сложившиеся в древности и развивавшиеся на протяжении многих веков тесные экономические и культурные контакты и особенно длительные торговые связи между Индией и Хотаном и вообще Восточным Туркестаном сопровождались еще и культурными связями, которые выражались в пропаганде буддизма (Stein, 1907, с. 209). Поэтому совершенно не удивительно, что «буддизм со своей внешней стороны глубоко проник в народную словесность уйгуров» (Малов, 1912, с. 467). По мнению исследователей, в X в. были переведены на уйгурский язык основные буддийские сочинения, получившие широкое распространение в уйгурской среде (Тугушева, 1970, с. 103).

Изучая различные стороны исторического развития структуры языка, ученые сделали заключение, что диалекты уйгурского языка имеют следы воздействия со стороны языка индийских племен, а это перекликается с высказываниями по этому поводу Махмуда Кашгарского (1960, с. 49) о том, что фарингальный [h], например, попал в древнетюркские языки, в частности в хотанский, в результате общения с индийскими племенами.

Наблюдения над диалектной лексикой показывают, что такие названия растений, как *һиң*, *һелилэ*, широко употребляемые уйгурами с древних времен в качестве лекарственных средств в народной медицине, индийского происхождения. Индийские элементы в уйгурском языке еще не стали предметом специального исследования, однако можно предположить, что в активизации функциональной нагрузки отдельных фонем, в частности фарингального [h], [x], а также аффрикаты [ч], [ж], определенная роль принадлежит языку индийских племен.

В уйгурском, да и в других тюркских языках имеется большое количество монгольских заимствований, проникших в уйгурский язык в результате тесных контактов древнеуйгурских и монгольских племен в IV—VII вв. в Китае, в VIII—XII вв. в Прибайкалье и в XIII—XIV вв. в Туркестане.

В период господства буддизма, манихейства, арабской культуры с ее исламской религией, нашествия монгольских завоевателей, китайского и маньчжурского господства в состав уйгурской лексики вошло большое количество религиозных, общественных, хозяйственно-бытовых, военно-административных и других терминов из выше указанных языков (Васильев В. П., 1872; Новгородский, 1951; Рахимов, 1970; Тихонов, 1958).

В уйгурском языке вышли из употребления слова религиозного характера. Тем не менее он не мог избежать влияния древних субстратов, что отразилось на фонетической структуре и грамматическом строе новоуйгурского языка.

Народы Средней Азии более двух тысяч лет поддерживали связи с Китаем (Васильев В. П., 1872, с. 103). С начала нашей эры на территории современного Восточного Туркестана и Ганьсу уйгуры и китайцы находились в политической, культурной и языковой взаимосвязи, которая наиболее сильно проявилась в V—VI и

VIII—XII вв. (Тенишев, 1963, с. 127). Так, древние тюрки поддерживали тесные отношения с танским Китаем. В танский период (618—906 гг.) восточная часть тюркского каганата в течение пятидесяти лет находилась под властью феодального Китая. В языковом отношении это влияние выражалось в том, что представители тюркской родовой знати, усваивая китайскую «образованность», прельщались «сладкой речью...» китайцев (Кляшторный, 1964, с. 55—71), «несмотря на предостережения хана и его мудрых советников» (Бартольд, 1968, с. 327). На основе анализа языковых явлений, отраженных в эпистолярных, а также эпитафиях, ученые отмечают, что богатые сановные люди, не довольствуясь тюркским образованием, подолгу жили в китайской среде, говорили по-китайски (Кызласов, 1960, с. 74), что в свою очередь не могло не повлиять на частичную трансформацию тюркской фонетики. Китайское влияние на звуковую структуру тюркских языков выразилось в перебоях отдельных согласных фонем в орхонских и енисейских надписях. Э. Р. Тенишев (1971), например, пишет: «Если полагать, что перебой *с/ш* в рунических памятниках тюрков возник под иноязычным (т. е. китайским. — Т. Т.) воздействием, то трансформацию должны были испытать не только [с] и [ш], но и вся система согласных. Это вполне очевидно для взрывных [п], [т], [к], [к], ...» (с. 294—295). Однако следует отметить, что данный вопрос не получил сколько-нибудь удовлетворительного освещения в тюркологии (Кононов, 1980, с. 64—66), поэтому трудно судить о реальных фактах такого влияния. Тем не менее необходимо признать более вероятным утверждение ученых о чисто тюркском характере происхождения такого перебоя (Батманов, 1964, с. 118—121), корни которого «уходят к общетюркскому языковому состоянию» (Аманжолов, 1970, с. 169), являющемуся «одним из ярких, может быть самым ярким проявлением диалектных признаков, нашедших отображение в ТРП» (Кононов, 1980, с. 66).

То же самое можно сказать и в отношении указанного звукового чередования в истории кыпчакской группы тюркских языков, которое, по мнению Б. А. Серебренникова, «...явилось следствием чисто внутренних сдвигов в системе консонантизма этих языков» (Серебренников, 1980, с. 65).

Когда речь идет о перебое [с] — [ш] под влиянием

китайской фонетики, уместно допустить и обратное явление (влияние тюркской фонетики на китайскую) ибо, как известно, влияние не бывает прямолинейным и односторонним.

В. И. Новгородский (1951, с. 18) писал по этому поводу, что вековые культурные, политические и экономические связи между уйгурами и китайцами должны соответствующим образом отразиться и на китайском языке и, конечно, в первую очередь на языке синьцзянских китайцев и дунган. Изучение уйгурских заимствований в китайском языке сопряжено с большими трудностями, связанными с особенностями адаптации их в китайском произношении. Даже зная специфику китайской фонетики, вряд ли можно установить, например, разницу, которая существует между орфографией и орфоэпией русских заимствований в китайском языке, например, *совиэй* 'Совет', *Яшя* 'Азия', *Гавжасу* 'Кавказ', *тулажи* 'трактор', *Шапян* 'Чапаев' и т. д. (УЭТКНК, 1954, с. 53).

Как отмечал Ч. Валиханов (1904), китайское влияние в Восточном Туркестане выразилось внешним образом, но довольно сильно. «Среди представителей Восточного Туркестана имеется... особенно много китайских слов в Кашгарском языке» (с. 418).

О масштабах китайских элементов в уйгурском языке можно судить по специальным исследованиям, в которых установлено, что в силу различных связей с Китаем, и прежде всего торгово-экономических, уйгурский язык заимствовал из китайского слова, относящиеся к самым различным отраслям общественной жизни уйгуров Восточного Туркестана. Произведенный Э. Н. Наджипом подсчет китаизмов в газетной лексике уйгуров Восточного Туркестана показал, что в 30-х годах китаизмы составляли всего 2%. «Религиозная отчужденность уйгуров, — пишет Э. Н. Наджип, — резко ограничивала сферу проникновения китайских элементов в уйгурский язык. Особенно осторожно относились к китайским словам духовенство и уйгурская интеллигенция. Поэтому круг обращения этих слов был крайне ограничен» (Наджип, 1960, с. 234, 235). «Процесс введения в уйгурский язык китаизмов особенно активизируется с конца 50-х годов, когда в Китае усиливается администрирование и в области языковой политики. Не случайно более 80—85% заимствованных китайских слов, употребляющихся в на-

стоящее время в уйгурской периодической печати и литературе на уйгурском языке, проникло в последние годы» (Рахимов, 1970, с. 6).

Следует отметить, что обилие китайских лексических заимствований в уйгурском языке, как ни странно, не могло оказать сколько-нибудь значительного влияния на звуковую структуру современного уйгурского языка на уровне фонологии. Это вовсе не означает, что уйгурская фонетика, отделенная «китайской стеной», осталась в стороне от китайского влияния, а также других смежных языков. Одни ученые полагают, что «...беспрерывные связи с народами, говорящими на чужих языках, не могли не иметь сильного влияния на их говор (по терминологии В. В. Радлова «таранчей» — илийских уйгуров. — Т. Т.)» (Радлов, 1886, с. 2). Такое же мнение было высказано более ста лет тому назад В. П. Васильевым, а в наши дни — Э. Р. Тенишевым, Н. А. Баскаковым и др.

На наш взгляд, следует учитывать, что в течение очень долгого времени уйгуры Восточного Туркестана имели самый тесный контакт с дунганями в области культуры, религии и быта. Поэтому вполне естественно предполагать, что многие слова, ошибочно приписываемые к китайским заимствованиям в уйгурском языке, дунганского происхождения. Хотя в уйгурском произношении диалектные различия между китайским и дунганским языками нивелируются, тем не менее бесспорно, что некоторые из китайских слов бытовой тематики — названия одежды, утвари, кушаний и отчасти термины земледелия (огородничества) — уйгуры заимствовали из языка дунган (Новгородский, 1951, с. 14). То же самое можно сказать и о заимствованиях маньчжурского и тибетского происхождения.

Китайские и дунганские слова, заимствованные уйгурами, фонетически сильно искажаются из-за приспособления (адаптации) к фонетике уйгурского языка, получая новое звуковое оформление. То же самое можно сказать и о новейших китайских заимствованиях, которые «пока что остаются лишь достоянием печати» (Наджип, 1960, с. 23). Как справедливо отмечает Т. Р. Рахимов (1970), употребление в настоящее время в уйгурском языке китайских заимствований не вызвано жизненной необходимостью, поэтому они еще не стали составной

частью и активными элементами современной уйгурской лексики (с. 7).

Очень трудно определить степень влияния китайского языка на фонологическую систему уйгурского языка. Однако ход развития уйгурского и других языков, территориально смежных с китайскими, не может оставаться безразличным к китайским заимствованиям. Так, анализ китайско-дунганских лексических заимствований в уйгурском языке свидетельствует о том, что в расширении функциональной нагрузки отдельных фонем, в частности, [ж], [й], [г], [к], [д], [х], [ш], [ң], а также аффрикат [ч], [ж] и других согласных в отдельных позициях слова, определенная роль принадлежит этим заимствованиям. За счет лексических заимствований увеличились удельный вес интервокальных консонантных сочетаний звуков типа -ңг-, -ңм-, -ңп-, -ңд- и др. в уйгурском произношении, где первым компонентом выступает увулярный носовой сонант [ң], а также количество слов с лабиальной структурой фонем, слов с палатальной дисгармонией типа *потай* 'огневая точка', *мэнтаң* 'отвар', *сэйпуң* 'портной', *чайду* 'секира', *жоза* 'низкий обеденный стол' и мн. др.

Большую роль в изменении звукового строя уйгурского языка сыграли также русские заимствования. Известно, что с древних времен славянские и тюркские народы находились в тесном контакте, в результате чего в языки отдельных тюркских народов проникли русские слова и выражения, обозначавшие новые для них понятия и реалии. Славянские языки в свою очередь также пополнились лексическими заимствованиями из тюркских. Это слова, встречающиеся в древнерусских письменных памятниках и в живом разговорном языке: аргмак, лошадь, утюг, караул, алтын, балык, кумыс, табун, карандаш, арык и т. д. (Шипова, 1976, с. 7).

Следует отметить, что до Великой Октябрьской социалистической революции в тюркских языках преобладали заимствованные слова бытового, хозяйственного, военного и административного характера.

В уйгурском языке до революции вошли такие русские слова, как *устал* 'стол', *пэтимс* 'поднос', *симишка* 'семечки', *сараңга* 'серянка', *қамут* 'хомут', *доға* 'дуга', *самавур* 'самовар', *гезит* 'газета' и т. д.

Совершенно иную картину представляют заимствования из лексического запаса русского языка после

Октябрьской революции, когда в связи с развитием письменности и литературы на уйгурском языке, изданием газет и распространением переводной литературы русские слова и термины входили в уйгурский язык без изменения норм русской орфографии. В советское время существенно изменился характер русско-интернациональных заимствований, теперь они охватывают все стороны экономической, политической и культурной жизни.

Объем заимствованной лексики в связи с изменением социального строя в послеоктябрьский период развития уйгурского языка значительно увеличился.

В отношении масштаба лексических заимствований в уйгурском языке уместно обратиться к родственным языкам, общая тенденция обогащения и развития лексики которых сходна с уйгурским. Так, по подсчетам ученых, в современной узбекской прессе употребляется 15—20% русских и интернациональных слов (Мирзаев, 1952). Как показывают исследования, аналогичное явление типично и для современного уйгурского (Исмаилов, 1965), а также и других тюркских языков, где русско-советско-интернациональная лексика занимает не меньший процент от общего числа лексики, чем в узбекском.

Советские ученые, исследующие развитие национальных языков народов СССР, отмечают, что «наиболее быстро развивающимся, расширяющимся разделом словарного состава любого литературного языка в Советском Союзе является терминология. В большинстве языков советских народов 70—80 процентов новых научно-технических, общественно-политических, учебно-педагогических и других терминов составляют заимствования из русского языка и через него из других языков» (Бертагаев, Дешериев, Исаев и др., 1959, с. 2).

Касаясь вопроса обогащения словарного состава азербайджанского языка, Н. Гаджиев отмечает, что в обогащении лексики и создании научной терминологии особенно много дал азербайджанскому русский язык, из которого было заимствовано большое количество интернациональных слов и выражений. «Если учесть,— пишет он,— что в первом терминологическом словаре, составленном Г. Гаджибековым в 1907 году, было всего около 2 тысяч общественно-политических и научных терминов, а в двенадцати словарях, изданных за последние годы, стало уже свыше 40 тысяч таких терминов, то станет очевидным, насколько продвинулся вперед азербайджан-

ский язык» (Гаджиев, 1962, с. 68). Для всех языков народов СССР характерна тенденция к языковой интернационализации, к дальнейшему взаимному обогащению и сближению.

Сейчас никем не оспаривается факт благотворного влияния русского языка на тюркские и другие языки. Как отмечают советские лингвисты, за последнее время фонетическая система тюркских языков пополнилась новыми гласными и согласными звуками, ранее отсутствовавшими в этих языках (Баскаков, 1952а; Ахунзянов, 1955, с. 33; Хаков, 1970, с. 170; Кенесбаев, Сулейменова, 1968, с. 14—23, 68).

Исследователи современных тюркских языков считают, что под влиянием массового заимствования происходит обогащение фонемного состава языков. Так, в консонантизме и вокализме ряда тюркских языков появились фонемы [ф], [в], [х], [ч], [ц], [э]. Некоторые фонемы расширили сферу своей реализации, обогатив тем самым фонетическую систему конкретных тюркских языков (Кенесбаев, Чарыяров и др., 1980, с. 30; Ахматов, 1970, с. 100).

Что же касается вопроса о включении в фонологическую систему языка тех или иных фонем, употребляемых только в составе заимствованной лексики, то большинство ученых склонны относить их к области периферической фонологической системы. По мнению Л. Д. Шагдарова, «эти новые фонемы, появившиеся в литературном языке в советский период и употребляющиеся в основном в заимствованных словах, нельзя ставить в один ряд с оригинальными бурятскими фонемами. Употребление последних не ограничено определенными группами слов. Притом эти звуки пока еще мало распространены в разговорном бурятском языке. Лишь в отдельных случаях, когда оригинальные бурятские фонемы имеют какие-либо оттенки, артикуляционно и акустически близкие к некоторым русским фонемам, можно говорить о тенденции появления новых фонем в разговорном бурятском языке...» (Шагдаров, 1967, с. 13). Такой же точки зрения придерживается и М. И. Исаев (1968), говоря, что фонему следует считать заимствованной только тогда, когда она станет появляться и в исконных лексемах (с. 162). Итак, если фонемы участвуют в образовании слов и словоформ родного языка, их можно отнести к числу фонем, входящих в фонологическую систему язы-

ка, если же они употребляются только в составе отдельных лексических заимствований, то остаются за пределами фонетики родного языка. Поэтому о ряде фонетических явлений в тюркских языках можно судить лишь как об определенных тенденциях, а не как о твердо установившихся нормах. Эти тенденции выражаются в разной степени освоения тех или иных фонетических новшеств, вызванных влиянием языков иной структуры.

Применительно к уйгурскому языку можно сказать, что под влиянием русско-интернациональных заимствований появились новые фонемы и совершенно новые типы звуковых сочетаний, ранее не известных уйгурской фонетике. Многие фонетические новшества в уйгурском языке, характеризующие сдвиги в области литературного произношения, формировались, в частности, не без влияния письменной формы языка. К числу письменнорфографических особенностей с точки зрения произносительных норм языка можно отнести следующие:

постепенное усвоение норм произношения русских аффрикат [ц] и [щ] в составе русско-интернациональных заимствований типа авиация, центрифуга, социализм, борщ, щи, Щедрин и т. д.;

активизацию в произношении двух гласных в связи с массовым заимствованием специальных терминов (аорта, театр, реакция, коалиция и т. д.);

мягкое произношение палатализованных согласных в русских заимствованиях (артель, калька и т. д.);

твердое произношение отдельных согласных в составе русских заимствований (адъютант, подъезд и т. д.);

активизацию функции губно-губного глухого спиранта [ф] в связи с усвоением фонемы [ф] русского языка и проведение четкой дифференциации ее с фонемой [п] в составе заимствований [фар — пар, фунт — пут (пуд), факт — пакт и т. д.];

внедрение в орфографию (и в орфоэпию) графем [я], [ю], [ѐ] согласно орфографии и орфоэпии русского языка (июнь, елка, Юля и т. д.);

активизацию функции гласных [о] и [е] в непервых слогах слова в связи с заимствованием множества специальных и научно-технических терминов (телефон, луноход, космодром, мотороллер и т. д.);

внедрение в произношение йотированной разновидности фонемы [е] в русских заимствованиях (Енисей, Елена, Европа, ефрейтор и т. д.);

активизацию функции нейотированной фонемы [э] в связи с усвоением множества русских заимствований, имеющих в своем составе данную фонему (электрон, энергия, элемент и т. д.);

активизацию произношения сочетания двух согласных и появление в связи с этим нового типа слогов с двумя и более согласными:

а) в начальной позиции слова (трактор, профессор, стратосфера и т. д.);

б) с тремя и более согласными в середине заимствованного слова (астроном, Арктика, Армстронг и т. д.);

в) с двумя и тремя согласными в конечной позиции слова (аспирант, гонг, бумеранг, контракт, министр, контр и т. д.);

еще большее отклонение от закона сингармонизма:

а) по линии палатальной гармонии гласных (телеграф, методика, мочевина, меридиан, термос и т. д.);

б) по линии лабиальной гармонии гласных (бульдозер, кооператив, социология и т. д.);

изменение в области ударения и усвоение в связи с этим природы русского разноместного ударения в русских заимствованиях;

появление родовых окончаний и некоторых других морфологических форм, содержащих не только [о] и [е], но и гласный [ы] (Калнынь, Цицын, Кононенко, Метревели, Ксенофонтов и т. д.).

Из этого перечня видно, что хотя фонетика и является наиболее устойчивой к внешним, экстралингвистическим факторам языка, но все же не может не подвергаться соответствующим изменениям при наличии внутренних и внешних условий на определенном этапе своего развития.

2.4. СДВИГИ В АКЦЕНТНОЙ СТРУКТУРЕ И ПОЗИЦИОННЫЕ МОДИФИКАЦИИ ЗВУКОВ В ИСТОРИИ УЙГУРСКОГО ЯЗЫКА

М. А. Кастрен (1845), изучая особенности акцентуации марийского языка, в «Элементах черемисской грамматики» впервые обратил внимание на редуцированные гласные и попытался объяснить их происхождение особенностями словесного ударения в этом языке. По мнению ученого, в марийском кроме главного имеется еще побочное ударение: «...если первый слог является удар-

ным, второй... принимает на себя более слабое, чем первый слог, ударение, и в результате ударение первого слога ослабевает или совсем снимается» (с. 8).

Позднее, в конце XIX в., о двухполюсном ударении в тюркских языках писал В. В. Радлов в книге «Фонетика северных тюркских языков». По его мнению, «...в тюркских языках каждый комплекс слогов, склеенный в одно слово, включает два ударяемых слога, а именно: первый (корневой) слог имеет восходящее полуударение, в то время как конечный слог имеет полное нисходящее ударение. Между этими ударяемыми слогами неударяемые образуют равномерно выделяемые гласные.

Особенно сильно выделяется полный ударяемый слог в диалекте таранчей, наиболее слабо в киргизском, довольно ясно в восточных диалектах, менее ясно в западных и южных диалектах» (Radloff, 1882, с. 97).

Почти полное отсутствие сведений о просодических закономерностях уйгурского языка ранней поры (ударности, долготы, распределении акцентных характеристик как ударных, так и слабоударных, а также безударных слогов, тоне, интонации и т. п.), т. е. о том, что, по выражению Дж. Ферса, составляет «душу, дыхание, жизнь слова» (Firth, 1958, с. 123), заставляет нас ограничиваться фрагментарными замечаниями по данному вопросу. Однако какими бы гипотетическими и неполными ни были наши суждения о фонетических изменениях в истории уйгурского языка, одно совершенно очевидно, что именно просодика играла (и продолжает играть) решающую роль в фонетической эволюции. Законы слабости начала слова, качественной редукции инлаутных безударных гласных, максимального выделения подударного ауслаутного слога, оглушения, озвончения, спирализации и других явлений в области согласных — вот главные определяющие моменты фонологической истории уйгурского языка. Изучение просодических закономерностей, управляющих и синхроническими и диахроническими фонологическими процессами в уйгурском языке, — особенно важная задача.

Требование рассматривать просодические свойства языка как имеющие не меньшую значимость, чем фонематические, в явной форме сформулировано у Н. С. Трубецкого, Р. О. Якобсона, В. В. Радлова и у других ученых. Исследования ученых в области балто-славянской и германской акцентологии показали, что без учета форм

взаимодействия фонетических и просодических явлений не может быть вскрыт внутренний механизм фонематических изменений.

Фонетические явления, связанные с акцентными изменениями, наблюдаются и в истории тюркских языков. Так, переход от пратюркской к общетюркской системе сопровождался значительными изменениями в акцентной системе. В тюркологической литературе неоднократно высказывалась точка зрения, согласно которой передвижение гласных, например в истории уйгурского языка, явилось следствием словесного ударения. В. В. Радлов (1882) неоднократно подчеркивал в «Фонетике», а также в других своих трудах, что весьма интересное фонетическое явление, характерное только для уйгурского языка — так называемый «умлаут» (или перегласовка гласных), является следствием словесного ударения. Аналогичное мнение было высказано также Н. Н. Пантусовым (1880, с. 5), который «звуковую мягкость» уйгурского языка (по терминологии Н. Н. Пантусова — таранчинского языка. — *Т. Т.*) связывал с особенностями проявления ударения.

Представляется возможным допустить, что сдвиг акцентной системы был поворотным пунктом в переходе от пратюркского к общетюркскому состоянию. Одним из следствий акцентного сдвига явилось сужение, следовательно, сокращение длительности гласных начального слога со слабым ударением и, наоборот, качественное и количественное изменение (в сторону расширения, т. е. удлинения) гласных конечного слога с его сильноцентрализующим и ярко выраженным характером.

В области согласных акцентное изменение повлекло за собой переход глухих смычных в соответствующие глухие фрикативные или звонкие, появление геминат, а также аспирированных (или, наоборот, неаспирированных вместо прежних аспирированных) и других модификаций фонем. Стабилизация новой акцентной системы значительно видоизменила и такие ряды корреляций, как, например, вместо прежней сильной позиции на первом слоге многосложных слов появилась слабая позиция, а вместо первоначальной слабой — сильная позиция. Репласация древнетюркского ударения значительно видоизменила вокализм, а также консонантизм слова не только на противоположных полюсах слова, но и во всем звуковом составе слова в целом.

Значительные фонетические изменения произошли также между двумя полюсами ударений. Здесь с особой силой проявились качественная и количественная редукции гласных, ассимиляция, а также диссимиляция согласных, преобразование в структуре слога и другие не менее важные звуковые изменения.

В древнетюркском языке, когда еще господствовала начальная акцентная система, слабая позиция обычно выступала как позиция нейтрализации фонемных противопоставлений. При начальной акцентной системе не могло быть и речи о качественной модификации гласных звуков, приводящей к нейтрализации фонемных противопоставлений в указанной позиции. Все это послужило основой для утверждения ученых о том, что тюркские языки, будучи языками агглютинативными, характеризуются стойким звуковым обликом корня. Иначе говоря, гласные корневых морфем тюркских языков, будучи в сильной позиции, в качественном отношении являются наиболее определенными и постоянными. Что же касается гласных непервых слогов, то они, выступая в слабой позиции, подвержены различным позиционным и комбинаторным изменениям, обусловленным, в первую очередь, особенностями просодической системы, сингармонизмом, а также агглютинативным строем тюркских языков.

Известно, что в фонологическом отношении сильной позицией для гласных в тюркских языках является положение в первом слоге, а гласные непервых слогов в большинстве случаев не имеют фонематического значения. На основании этого ученые приходят к выводу о том, что для наиболее раннего состояния развития тюркских языков было характерно явление нейтрализации всех дифференциальных признаков гласных фонем непервых слогов (Трубецкой, 1956, с. 77).

Исходя из анализа древнетюркской метрики, а также других данных тюркских языков, Б. Я. Владимирцов высказал мнение о том, что в пратюркском ударение падало на первый слог слова, которое передвинулось затем на концы слов. При этом ученый основывался также на факте проведения закона сингармонизма по первому гласному слова (Владимирцов, 1929, с. 112).

Устанавливая причины редукции гласных непервых слогов, Ф. Корш (1909, с. 70—71) также склонен был утверждать, что в древнетюркском языке ударение падало на первый слог слова.

В наше время большинство ученых, занимающихся вопросами акцентной системы, а также выяснением особенностей просодики конкретных тюркских языков, высказываются в пользу этого же мнения.

Так, например, Н. А. Баскаков полагает, что на более ранних этапах развития тюркских языков, когда в большей степени был выражен аналитический изолирующий строй языка, ударение было на первом слоге (на первой коренной морфеме); с редукцией же знаменательного значения постпозиционных элементов и потерей фонетической окраски их вокализма ударение переносилось на последующие слоги. (Баскаков, 1975; Гаджиева, 1976, с. 21).

Следует, однако, отметить, что в общетюркском языке в силу происшедшего акцентного сдвига судьбы как сильной, так и слабой позиции сложились иначе. В древнеуйгурском, например, как ни парадоксально, в фонетическом отношении сильная грамматическая часть слова несколько ослабла, что привело к частичной нейтрализации фонологических корреляций анлаутных гласных по признакам подъема и ряда.

Точно такие же изменения произошли и в слабой позиции: она не только оставалась позицией нейтрализации, но и явилась в известном смысле источником новых звуковых отношений. Таким образом, в связи с репласацией древнетюркского ударения складывается совершенно другая закономерность. Параллельно продолжающейся редукции слабоударного, а также неударного слога возникают количественные изменения в ударном слоге в зависимости от характера стыка между ударным и неударным слогом (удлинение и увеличение интенсивности в открытом слоге). В этом плане очень рельефны качественные изменения узких гласных в сильной позиции, где позиционные изменения их достигали большей амплитуды по подъему. Так, например, узкие гласные [и], [у] и [ү] в условиях сильного динамического акцента имели тенденцию к расширению. При этом узкие гласные высокого подъема [и], [ү] дают последовательно [и], [ү] > [e], [ə], а узкие гласные высокого подъема [ы], [у] соответственно — [ы], [у] > [o], [a].

Фонологический смысл редукции слабоударных и особенно неударных гласных заключался в потере ими функциональной нагрузки; с одной стороны, эта потеря объяснялась совпадением и нивелировкой гласных в ука-

занных положениях, а с другой, сама утрата функции обуславливала совпадение и нивелировку гласных. Именно по этой причине бывшие варианты гласных фонем — продукты перегласовки — приобретают качество фонем. Так, например, если в древнеуйгурском языке ударение фиксировалось на первом слоге слова, то различие между словами *ашып* — *эшп* от *ашмақ* 'перевалиться' — *эшмэк* 'вить, сучить', *барып* — *бәріп* от *бармақ* 'пойти, ходить' — *бәрмэк* 'дать, давать', *йаңы* — *йәңі* от *йаңы* 'новый' — *йәңі* 'рукав', *таңы* — *тәңі* от *таң* 'заря, зарево, утро' — *тәңі* 'равный, одинаковый' заключалось в противопоставлении как широких, так и узких гласных в лексической, а также в грамматической частях слова. В позднеуйгурском, когда ударение передвинулось на последний слог слова, содержащий индифферентный гласный [и], эти же слова стали отличаться друг от друга именно наличием противопоставления слабоударных широких гласных [а] и [ә] в анлауте и содержанием в нем новой индифферентной фонемы [е]. Таким образом, слабоударные гласные анлаута [а] и [ә] потеряли здесь фонологическую значимость в позиции перед узкими гласными [и] и стали выступать в виде *ешип*, *берип*, *йеңи*, *теңи* и т. д.

Следует указать, что этот процесс не мог происходить в виде скачка, так как возникновение новых фонем, как известно, подготавливается в недрах старой системы. Можно предполагать, что еще в эпоху наличия противопоставления слабоударных [а] и [ә] известную, с течением времени все усиливающуюся функциональную нагрузку имело фонетическое различие между ударным [ы] и [і]. Здесь это различие графически не выражалось, но в случае *қалып* от *қалмақ* 'оставаться, остаться' — *кәліп* от *кәлмэк* 'приходить' оно выступало очень ярко.

По-видимому, редукция слабоударного, а также безударного гласного и фонологизация ударного гласного осуществлялись одновременно, так как гласные ударного слога [ы], [і] переставали быть представителями старой фонемы, и на их месте появлялась новая индифферентная фонема [и]. В то же время ассимилирующие звуки [а] или [ә] предшествующего слога также переставали быть представителями старой фонемы. В этой позиции, т. е. в слабоударном анлаутном слоге в позиции перед индифферентным [и], качественные признаки широких глас-

ных нивелировались, в результате чего указанные гласные, подвергаясь редукции, переходили в качественно безразличное [e]. Качественное различие вокализма сохранилось лишь в пролонгированных основах, т. е. в основах, имеющих предполагаемую первичную или вторичную долготу. Сохранение в древнеуйгурских письменных памятниках слабоеударных [a] или [ə] уже после того как в ударном слоге фонологическое преобразование получило письменное отражение, объясняется, по-видимому, сильной орфографической традицией.

Рассматривая регрессивную ассимиляцию как одно из следствий динамического ударения, укажем на процесс качественной редукции слабоеударного гласного, тогда как количественное преобразование, т. е. пролонгирование гласного в ударном слоге, выступает как своеобразная компенсация за утрату четкого и ясного произношения безударного.

Важно отметить, что, несмотря на значительное количественное преобразование гласного ударного слога, такое изменение гласных в истории уйгурского языка с самого начала не имело фонологического значения, так как в нем в исторически обозримое время не было противопоставления в одинаковых позициях долгих и кратких гласных. По мнению М. Граммона (1913), «интенсивность всегда проявляется вместе с долготой и часто с изменением высоты тона: обратное — неправильно. Но часто одно из трех качеств заменяет другое по компенсации, но слух не всегда бывает достаточно тонким, чтобы различить, какая часть принадлежит каждому» (с. 102).

Позже высказывание М. Граммона было подтверждено другими учеными. Р. О. Якобсон (1923), например, на основе показаний сравнительной акцентологии устанавливает, что «если в фонологической системе какого-либо языка в результате фонетических изменений возникает сосуществование двух независимых элементов: динамического ударения слова и количества, то один из этих элементов исключается из фонологической системы» (с. 24).

С точки зрения исторической и сравнительной фонетики тюркских языков эти высказывания ученых представляют немаловажный интерес. Дело в том, что в отдельных тюркских языках, например в киргизском, динамически более сильный слог может быть кратким, а более слабый — долгим. Другими словами, в киргизском

языке динамически более сильный последний слог, а предупредительный может быть длительным и в то же время слабым.

Подобное явление наблюдается также и в других тюркских языках, где количественный признак гласного наделен фонологической функцией. Так, например, в хакасском, а также в туркменском языках в отдельных словах широкий гласный [а] последнего слога (причем ударного) произносится с заметной редукцией: хак. *ара-га* 'водка', туркм. *гара* 'черный', *юка* 'тонкий' (Исхаков, 1955б, с. 66).

Нечто похожее отмечено Н. И. Ильминским в казахском языке (по терминологии Н. И. Ильминского в киргизском наречии. — *Т. Т.*). По мнению ученого, в казахском языке «ударение не нарушает природной длинноты и краткости, поэтому слова двусложные, имеющие в первом слоге гласную протяжнее, чем во втором, произносятся так, что может показаться, как будто они имеют ударение на первом слоге: *сағым, арыс*» (Ильминский, 1860, с. 119).

Проведенные нами наблюдения также подтверждают, что в казахском произношении в отдельных случаях имеет место не только частичная, но и полная редукция и оглушение конечного гласного элемента (т. е. слога). Так происходит, например, с общетюркским аффиксом *-туруп/-тур* (с фонетическими вариантами), выражающим настоящее-будущее время, который в казахском, киргизском, а также некоторых других тюркских языках представлен усеченным вариантом *-ды* (*-di*), *-т* (*-d*) (Юнусалиев, 1954, с. 6).

Максимальная редукция безударного ауслаутного слога в казахском языке встречается также в случаях *барам* (вм. *барамын*) 'пойду', *келем* (вм. *келемін*) 'приду' и т. д. Аналогичное явление отмечается в татарском языке, а также в диалектах современного уйгурского языка. Так, например, Л. А. Аганина указывает, что в чиликском говоре иногда отбрасывается не один гласный, а целый слог, состоящий из гласного и согласного в конечной позиции многосложных слов. По мнению ученого, это происходит, когда ударение падает не на последний слог слова: *тәһи* (*йә*) 'подушка', *неси* (*йә*) 'кредит' (Аганина, 1954, с. 134).

Когда речь идет о южных говорах, следует указать на диалектологические записи Г. Ярринга (1933, с. 54), в

которых он отмечает редукцию аффиксального узкого гласного [i] в составе глагольных форм: *дед¹, йед¹* (с. 54). В. В. Радлов (1881, с. 33), напротив, в своих записях «таранчинских» текстов гласный [i] в указанной позиции снабжает знаком долготы, специально подчеркивая этим длительность гласного (с. 33).

Как было сказано выше, новая акцентная система имела принципиальное значение не только для окончательной кодификации системы корреляции в фонетическом строе уйгурского языка, но и в изменении структуры слога. Как писал Л. В. Щерба (1974), «в идеале, если только так можно выразиться, ударяемый слог является и самым сильным, и самым высоким, и самым долгим» (с. 176—177). Л. Р. Зиндер (1979) отмечает, что «если не все три, то два средства одновременно используются, по-видимому, во многих языках» (с. 263).

Различная градация силы выделения как ударного, так и слабоударного, а также безударного слога имела немаловажное значение для качественных и количественных отношений как в системе вокализма, так и в системе консонантизма уйгурского языка. Ибо «...словесное ударение — это не только выделение тем или иным способом отдельных слогов, но и наличие в ударном слоге специальных свойств, отсутствующих в безударном» (Зиндер, 1979, с. 265).

Установлено, что в уйгурском языке ударение имеет, по крайней мере, три резко бросающиеся в глаза градации: ударный, слабоударный, а также безударный слог. При этом ударный слог выполняет кульминативную (объединяющую) роль, характеризуясь наиболее яркими признаками ударности: интенсивностью и длительностью гласного ударного слога. Иначе говоря, в уйгурском языке ударные гласные выделяются относительно большей длительностью и напряженностью, чем безударные, а также слабоударные гласные предударных слогов. Такая разница в качественной, а также в количественной характеристике гласных особо рельефно выступает при сравнении гласных слабоударного, а также безударного слогов, где степень редукции широких гласных, например в открытых слогах многосложных слов, различна. Так, в слабоударном анлауте широкие гласные [a] и [ə] реализуются обычно в звуковом качестве, близком к [e], а в безударном инлауте эти же гласные выступают с оттенком, близким к этимологическому [ы] или [i],

например: *тепи* от *тапмақ* 'находить', *келиду* (от *кэл* + *ду*) 'придет', *балилар* (от *бала* + *лар*) 'дети' и т. д. Таким образом, разница в степенях редукции гласных в уйгурском языке связана с положением слабоударного, а также безударного слогов относительно ударного.

Для уйгурского языка раннего периода позиция слога по отношению к ударению имела существенное значение. Это объясняется тем, что с самого начала акцентный слог по длительности и интенсивности существенно отличался от прочих слогов. С этим связано, в частности, происхождение геминированных согласных в числительных *икки* 'два', *йәттә* 'семь', *сәккиз* 'восемь', *тоққуз* 'девять', *оттуз* 'тридцать', *әллик* 'пятьдесят' и др.* По этому поводу имеется и другое мнение ученых: долгота преконсонантного гласного с одинарным интервокальным согласным в числительных *се:гис* 'восемь', *то:гуз* 'девять' в отдельных тюркских языках, в частности в чулымско-тюркском, связана с выпадением согласного в пратюркских геминатах и имеет, следовательно, компенсирующий характер (Бирюкович, 1981, с. 13, 14).

Однако большинство тюркологов склоняется к мнению о том, что для древнетюркских языков с агглютинативным строем геминация согласных не была типичной (Дмитриев, 1955а, с. 261; Серебренников, 1970, с. 53; Рясянен, 1955, с. 122). Что же касается случаев геминации согласных в современных тюркских языках, то они, по общему мнению ученых, образовались позже не без участия акцентных и просодических факторов (Щербак, 1970а, с. 104). О способах образования геминированных согласных в уйгурском языке имеются отдельные статьи (Садвакасов, 1968; Трофимов, 1974). Не вдаваясь в детали по данному вопросу, в общих чертах укажем на основные способы образования геминированных согласных в поздней истории уйгурского языка. В уйгурском языке геминированные согласные образовались в результате:

фонетических процессов, связанных с ассимиляцией (регрессивной, прогрессивной, а также взаимной контактной): *таққа* (*тағ* + *ға*) 'к горе, в гору', *әккән* (*әг* + *гән*) от *әгмак* 'сгибать', *чоққа* (*чоғ* + *ға*) 'к раскаленному угольку' и т. д.;

* В указанных количественных числительных, которые произносятся с интонацией перечисления, ударение падает на анлаутный слог (Баскаков, 1963, с. 507).

редукции и оглушения безударного инлаутного гласного и стяжения двух одинаковых согласных: *балла* (*ба-ла+лар*) 'дети', *калла* (*кала+лар*) 'коровы' и т. д.;

морфологических процессов, когда на стыке морфем встречаются одинаковые согласные: *атта* (*ат+та*) 'на лошади', *чөкән* от *чөкмәк* 'погружаться' и т. д.

Несколько слов об образовании геминации посредством ассимилятивных процессов. Речь идет о форме глагола повелительного наклонения 2-го лица ед. числа *-ғыл/-гил*, который в орхоно-енисейских памятниках присоединялся ко всем глагольным основам независимо от характера финального согласного (В. Насилов, 1960, с. 59; Батманов, 1959, с. 87; Кондратьев, 1970, с. 27). На этой основе Ш. Шукуров утверждает, что фонетический вариант указанного аффикса *-қыл/-кіл* появился в результате регрессивной ассимиляции в целях облегчения произношения (Шукуров, 1980, с. 47). Если принять это утверждение, то мы вынуждены будем признать, что геминация согласных в словах типа *таққин* (из *тақ+ғыл*) от *тақмақ* 'прикреплять', *төккин* (из *төк+гил*) от *төкмәк* 'выливать' произошла в поздней истории уйгурского языка. При этом, как нам кажется, следует учесть тот факт, что геминация звонких согласных типа *-ff-* или *-gg-* вообще крайне редкое явление в языке, объясняемое антропофоническими причинами произношения последних. Поэтому в уйгурском, узбекском, а также других тюркских языках в сильной ауслаутной позиции в основном реализовался вариант аффикса *-ғыл/-гил* с сильными (глухими смычными) согласными, т. е. вариант *-қын/-кін*.

С точки зрения исторической фонетики уйгурского языка исключительный научный интерес представляет геминирование согласных в интервокальном положении, а также в соседстве с сонорными. Так, в литературном произношении последовательное употребление негеминированных согласных в консонантном сочетании типа *-рм-*, *-лм-* в инлауте в речи представителей южных говоров нередко нарушается, причем в направлении геминации. Например: диал. *баммидим* вм. лит. *бәмидим* (из *бармадим*) 'я не пошел', *кәммиди* вм. лит. *кәмиди* (из *кәлмәди*) 'он не пришел' и т. д. При сравнении соответствующих диалектных форм слов с их литературной формой выясняется, что возможно двоякое оформление их по длительности: либо с долгим (т. е. двойным) соглас-

ным и предшествующим ему кратким гласным, либо с долгим (т. е. пролонгированным) гласным и последующим кратким (т. е. одиночным) согласным. Такая взаимосвязь и взаимозависимость долготы гласных и согласных трактуется А. М. Щербаком (1968, с. 24) с точки зрения корреляции разновершинных слогов в истории тюркских языков. И действительно, при вокальнOVERшинном слоге (т. е. при наличии позиционной долготы гласного) могли образоваться формы слов с пролонгированным гласным основы типа чулымско-тюркского или казахского *segiz* 'восемь', *toғыз* 'девять', а при консонантнOVERшинном — инлаутные геминированные согласные типа уйгурского, узбекского *саккиз*, *тоққуз* и др.

Как видно из нашего примера, уйгурскому анлаутному краткому гласному с последующей геминатой в казахском, а также чулымско-тюркском языках соответствует пролонгированный гласный с последующим озвонченным одиночным согласным. В данном случае наблюдаются определенные соотношения по длительности гласных и согласных: обычны сочетания пролонгированного гласного с кратким согласным или же краткого гласного с долгим (геминированным) согласным. Такая качественная, а также количественная модификация гласных и согласных в ряде общетюркских слов, по мнению А. М. Щербака (1968), объясняется следующим: «В словах с вершиной на вокалической части присоединение гласного способствовало большему ослаблению артикуляции согласного, в слогах же с вершиной на консонантической части оно обусловило появление геминат» (с. 24—25). В связи с этим отметим, что появление геминации в истории тюркских языков в ряде случаев могло быть связано также с разным типом примыкания последующего согласного предшествующему гласному основы, при котором более сильное примыкание согласного к предшествующему гласному, согласно О. Броку (1910, с. 189), как бы компенсируется увеличением длительности этого согласного. Иначе говоря, в случаях краткого гласного имеет место резкое примыкание, а в случае долгого гласного — плавное. Такое же объяснение образования геминированных согласных в наши дни дается в трудах Р. Якобсона и др. О связи геминации с ударением писали К. Г. Менгес, А. Мартине и др. (Щербак, 1968, с. 25).

Возвращаясь к сказанному и восстанавливая обще-

тюркский источник числительных *sakiz*, *toquz*, в которых ни один из известных нам древнетюркских памятников графически не отражает геминии интервокальных согласных [к] и [қ], мы вправе утверждать, что удвоение указанных согласных в отмеченных выше числительных (да и не только числительных) происходило постепенно в недрах самого уйгурского языка, причем не без влияния акцентно-просодических факторов. Что же касается казахского, а также других тюркских языков кыпчакской группы, то в них акцентный слог развивался не по линии интенсивного выделения как в уйгурском, а по линии пролонгирования (т. е. эмфатического удлинения) предупредительного гласного и, соответственно, ослабления (т. е. озвончения) интервокального смычного согласного. Таким образом, уже здесь наметилась тенденция к позднейшей дифференциации по глухости-звонкости, охватившая не только тюркские языки вообще, но и диалекты уйгурского языка. Так, в сильной позиции уйгурская фонетическая система допускала в основном глухую фонему. В слабой позиции реализовался озвонченный вариант данной фонемы. Но с течением времени данный вариант фонемы в одних диалектах (или языках) развивался в звонкую разновидность фонемы, а в других — сохранял характер глухой фонемы.

Следует особо указать, что геминирование согласных в уйгурском имеет большую сферу распространения, чем в других тюркских языках, в частности в казахском. Наши предварительные наблюдения дают основание предполагать, что широкое распространение геминии в уйгурском объясняется, по-видимому, более развитой, чем в казахском, тенденцией к усилению артикуляционной напряженности акцентного слога. Само собой разумеется, что для окончательной верификации этого предположения необходим еще значительный дополнительный лингвистический материал из тюркских языков и объективное исследование характера указанного фонетического явления в них средствами современной экспериментальной фонетики.

В отношении перебоя в ассимиляции согласных по глухости-звонкости мы полагаем, что употребление после сонорных [л], [р], [н], [й], а также звонкого [з] глухого смычного [т] вместо [д] и, наоборот, звонкого смычного [д] после глухих шумных вместо [т] в тюркских языках развилось относительно поздно, причем не без

участия акцентно-просодических закономерностей в различных тюркских языках и их диалектах. Так, в языке тех племен или племенных объединений, в которых словесное ударение проявлялось с заметной силой, произношение таких слов, как *барар эрті* 'ходил', *анта* 'там', *будунқа* 'народу', *қалты* 'остался' с глухим смычным согласным допускалось их фонетической системой. Что же касается других тюркских языков и их диалектов, где акцентный слог имел менее напряженный характер произношения, то там могли развиваться интервокальные консонантные сочетания со звонкими согласными типа -лд-, -рд-, -нд-, -йд- и т. д. в словах *барар эрді*, *анда*, *будунға*, *қалды* и т. д., встречающихся в рунических, а также древнеуйгурских памятниках. Для образования аллофонических рядов имели определенное значение не только качество и количество преконсонантного гласного и согласного с примыкающим последующим согласным, но в подавляющем большинстве случаев и сонантизация (т. е. спирантизация) смычных в положении после пролонгированных гласных и после сонорных согласных.

Сложный процесс взаимодействия и взаимовлияния различных тюркоязычных племен в долгой истории их контактирования не позволяет хотя бы приблизительно установить последовательность проявления закона ассимиляции согласных по глухости-звонкости в пределах даже одного конкретного тюркского языка. Так обстоит дело, например, со многими тюркскими языками, где наряду с более или менее равномерным развитием ассимиляции согласных по звонкости (*алды* 'взял', *кәлді* 'пришел') отмечается ее нарушение (*алтә* 'шесть', *қалтә* 'короткий'). В этом плане особо выделяется хотанский говор уйгурского языка, который, по общему мнению ученых, сохранил больше древнеуйгурских черт в фонетике, чем другие говоры. Например, в ауслаутном слоге реализуются в основном глухие смычные согласные [т], [к], [к] вместо звонких их аллофонов [д], [ғ] и [г].

Это же можно отнести и к глухому смычному [к], который в сильно выделяемом акцентном слоге илийского говора остался смычным, а в менее интенсивном, пролонгированном слог южных говоров соответственно развился в звонкий оттенок, т. е. в [ғ], например:

в южных говорах
қандағ 'как, какой?'

в литературном языке
қандақ, қайдақ

улағ 'тягло, тягловый скот'
 қучағ 'объятие, охапка'
 қуруғ 'сухой'
 қіх 'сорок'
 қейіғ 'лодка'

улақ
 қучақ
 қуруқ
 қириқ
 қейиқ

Из сказанного видно, что в положении после пролонгированных (иначе долгих гласных, а также сонорных согласных) ауслаутные глухие смычные [к] и [к] в ряде тюркских языков, а также в отдельных диалектах и говорах уйгурского языка подверглись позиционному ослаблению и спирантизации, реализуясь в виде [ғ] и [г].

По-видимому, такой же процесс фонологизации (или, наоборот, дефонологизации) древнетюркских глухих смычных [к], [к], а также щелевых [ғ], [г] произошел в истории ряда тюркских языков, в которых «после дефонологизации количественного противопоставления гласных и утраты количественных различий, [к] [к] и его спирантная разновидность приобрели статус самостоятельных фонем» (Щербак, 1968, с. 36).

Таким образом, акцентно-просодические явления древнетюркских языков разъясняют нам загадку непоследовательного (или, наоборот, последовательного) проявления ассимиляции согласных по глухости-звонкости в языке древнетюркских памятников.

Следует отметить, что ничем иным, как влиянием ударения, объясняются многочисленные и разнообразные случаи спонтанных изменений вокализма, а также консонантизма уйгурских диалектов: дифтонгизация монофтонгов или, наоборот, монофтонгизация дифтонгов, синкопа, апокопа, протеза, элизия, метатеза и т. д.

Все эти изменения, разумеется, не могли не вызвать значительные преобразования не только в звуковом облике слов и словосочетаний, но и на всех уровнях языка.

Как видно из нашего краткого обзора фонетических изменений, связанных с изменениями в акцентной системе древнеуйгурского языка, такое многообразие общих тенденций фонетического развития уйгурских диалектов объясняется различной последовательностью их осуществления. Значительную роль при этом играют особенности проявления словесного ударения.

Итак, при сравнении отдельных фонетических явлений, отраженных в старописьменных памятниках, с те-

ми же явлениями современного уйгурского, а также других тюркских языков обнаруживаем, что с течением времени в фонемном инвентаре этих языков произошли более или менее значительные сдвиги. Определенные сдвиги наметились также в области таких фонетических явлений, как закон начала и конца слова, сингармонизм, редукция, ассимиляция, диссимиляция звуков и т. д.

Изменения, начавшиеся в системе древнетюркского языка раннего периода, связаны главным образом с явлениями, происходившими в просодической и акцентной системах древнетюркского языка. Ослабление главного ударения, покоящегося первоначально на анлауте многосложных слов, повлекло за собой возникновение нового (по сравнению с ранним древнетюркским) слабоударного гласного в указанной позиции. Перебой гласных начального слога в истории уйгурского языка связан в основном именно с изменениями в просодии и акцентной системе языка.

Особенно много безударных слогов отмечается в уйгурском языке раннего средневековья. В результате наметившихся морфологических изменений появилось много слабоударных и безударных служебных слов в составе сложных предложений.

Ряд таких односложных слов, как некоторые местоимения, вспомогательные и модальные глаголы, на ранней стадии развития уйгурского языка, по-видимому, не были лишены ударения (как в позднейуйгурском).

Фонетическая деформация древнеуйгурских основ, вызванная передвижением места главного ударения, позднее была поддержана экстралингвистическими факторами, в частности традиционным способом арабского письма, при котором краткие гласные вообще не имели графической фиксации. Можно допустить, что арабская система стиха аруз, характеризующаяся альтернативой ударных и безударных слогов, также имела определенное влияние на стабилизацию закона редукции звуков уйгурского языка в последующие периоды его развития.

Таким образом, взаимодействие внутриязыковых и экстралингвистических причин с переходом уйгурской просодии на иной структурный принцип привело к значительному изменению фонетического облика языка.

ОГЛАСОВКА ШИРОКИХ И УЗКИХ ГЛАСНЫХ В АНЛАУТНОЙ ПОЗИЦИИ СЛОВА

3.1. ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ О ТЮРКСКОМ АБЛАУТЕ

Огласовка анлаутного широкого гласного обнаруживается во многих языках мира. При этом почти во всех языках устанавливается первичность широкого гласного и вторичность узкого. Исследователи кетского языка, например, отмечают ассимилятивное происхождение гласных среднего ряда, отдаленно напоминающее результаты качественной редукции широких гласных [а] и [э] в слабоударной анлаутной позиции с переходом их в [е], [и], [ы] в уйгурском языке. Ср., например: кет. *кыи^вн* (вм. *каин*) 'лось' — уйг. *қейин* (вм. др. *қайын*, *казын*) 'береза'; кет. *дэибел* (вм. *даибил*) 'она поет' — уйг. *тепил* (вм. др. *тапыл* — от *тапылмақ*) 'находить'; ср. также диал. *былық*, *белиқ* (вм. др. *балық*) 'рыба', *ыйығ*, *ейиқ* (вм. др. *адығ*, *азығ*, *айығ*) 'медведь' и т. д. (Дульзон, 1969; Деннинг, 1973, с. 26).

Какова бы ни была природа указанного звукового перехода в истории кетского языка, главное — это развитие слов с широкими гласными основы в сторону позиционного сужения, которое проходило, быть может, не без участия просодических факторов, в частности акцентного сдвига на определенном этапе развития кетского языка, как и других тюркских языков.

По свидетельству ученых, огласовка гласных основы наблюдалась и в древнеяпонском языке. Говоря о фонетических дублетах типа древнетюркского *қазнақ* — *қызнақ* 'казна' и сравнивая эти формы с древнеяпонскими *казу* 'число' и *кызу* 'зарубка', Н. А. Сыромятников (1975) предполагает, что указанный пример «с очевидностью свидетельствует о том, что они имеют общее происхож-

дение, но могут приобретать и свои оттенки значения» (с. 57).

Оставляя открытым вопрос о генетической общности приведенных дублетных пар слов в разноструктурных языках, отметим, что форма слова *қазнақ* с широким анлаутным гласным в древнетюркских языках была, по-видимому, исконной, а с узким (*қызнақ*) — результатом позднего развития, хотя и не исключается, что данное слово проникло в древнетюркские языки из древнеиранских. Даже если это и так, то в древней форме слова с узким анлаутным вокализмом налицо результат качественной редукции широкого гласного в указанной позиции.

Перебой анлаутных широких и узких гласных характерен и для германских языков, где он появляется в виде своеобразного умлаута.

Хотя качественная редукция анлаутных гласных в тюркских языках обращает на себя внимание ученых, однако многие аспекты этого явления остаются еще на уровне догадок и предположений. «На этом вопросе, — справедливо указывает В. А. Богородицкий (1953), — настоятельно требующем детального изучения по тюркским языкам, исследователи, за редкими исключениями, пока или совсем не останавливаются, или же останавливаются сравнительно мало; между тем здесь имеем один из пунктов для сравнительной характеристики тюркских языков и их диалектов» (с. 96).

В последнее время в тюркологической литературе появился ряд работ, в которых довольно полно описывается известное явление чередования узких гласных с широкими в корнях-основах и аффиксальных морфемах. Более ста лет тому назад еще В. В. Радлов (1882) в работе, посвященной фонетике северных тюркских языков, указал на эту особенность их фонетики (с. 84—91).

По мнению Э. В. Севортяна (1974), «чередование [а]—[ы], представляющее собой один из отделов в общем чередовании широких — узких, хорошо известно... в якутском, тувинском, в турецком диалектах, sporadически в других тюркских языках, в их истории, начиная с древнейших памятников» (с. 27).

А. Н. Кононов (1980), относя это чередование к прототюркскому состоянию, считает его характерной особенностью языка двух диалектных групп — так называемых *а-языка* и *ы-языка*. Как полагает ученый, носителями *а-*

языка были тюркюты (основным ядром которых были огузы), аргу, кыпчаки, чигили и современные чуваш и якуты (отчасти), а носителями *ы*-языка — древние уйгуры и подавляющее большинство современных тюркоязычных народов (с. 37). Говоря об этих дифференцирующих древнетюркские языки признаках, ученый указывает на факты наличия их в истории одного языка, что, по его мнению, явилось результатом сложного исторического взаимодействия носителей *а*-языка и *ы*-языка, выразившегося в довольно частых объединениях и разъединениях тюркских племен (Кононов, 1980, с. 37), приведших к взаимовлиянию языков (Малов, 1947, с. 479), что не всегда позволяет исследователю фонетических особенностей того или другого из древнейших тюркских языков «с полной определенностью установить, какие из тюркских рунических памятников полностью сохранили огласовку широкими гласными и какие из них были огласованы узкими гласными...» (Кононов, 1980, с. 40).

А. М. Щербак (1970), касающийся в своих исследованиях вопроса о фонетической эволюции гласных, в частности чередования гласных [а] — [ы] в различных позициях тюркского слова, отмечает трудность объяснения причин такого чередования в истории тюркских языков. По мнению ученого, «появление [ы] на месте [а] невозможно объяснить ни характером вокализма непервых слогов, ни особенностями непосредственного фонетического окружения: изменение [а] в [ы] наблюдается в начале слова, после любых согласных и перед любыми согласными, независимо от качества гласных последующего слога» (с. 145). Но тем не менее ученый полагает, что одной из причин указанного явления в древнетюркских языках было постепенное нарушение небной гармонии гласных по признаку раствора и возникновения лабиальной гармонии гласных (с. 76).

Это обстоятельство послужило основанием для объяснения указанного явления с точки зрения исторической диалектологии. «Переход [а] в [ы], — пишет А. М. Щербак, — является особенностью одной из диалектных групп праязыка» (Щербак, 1970а, с. 145).

По мнению Э. В. Севортяна (1973), «несмотря на аргументы А. М. Щербака, приводимые им в пользу эволюции слов с узким корневым гласным в тувинском языке из формы с широким гласным, вопрос, например, об

[а] — [ы] пока далек от своего решения и допускает возможность иного направления поисков» (с. 140).

И. В. Кормушин (1981) считает, что, «возможно, гармония гласных имела более широкую амплитуду (и по небности, и по подъему), затем гармония по раствору стала затухать, произошло распределение типа огласовки по формантам; в словообразовательных рядах пережиточно сохранились старые морфологические модели, в более грамматичных показателях могла произойти филиация алломорфов на самостоятельные морфемы, не исключена разная направленность обобщения огласовки в разных древних ареалах» (с. 143—144).

Говоря о явлении аблаута в чувашском языке, Б. А. Серебренников (1974) связывает его с эпохой булгаро-хазарской общности, когда «на месте общетюркского [а] в некоторых словах по какой-то причине образовался звук неясной артикуляции (шва), который в дальнейшем, в период изолированного существования булгарского и чувашского языков, мог превращаться в [ы]» (с. 81).

В недавней работе ученый вновь обращается к этому загадочному явлению тюркской фонетики. На сей раз, основываясь на фактах богатого иллюстративного материала современных тюркских языков, он приводит более 20 случаев аффиксального, а также корневого аблаута [а] — [ы] и предпринимает серьезную попытку объяснения причины его появления. Так, по мнению Б. А. Серебренникова (1980б), «гласный [ы] в аффиксах возник из гласного [а] в результате редукции еще в тот период, когда ударение в тюркских языках приходилось на первый слог. Однако это недостаточно убедительно, поскольку данное допущение не объясняет, почему же в ряде случаев гласный [а] сохраняется. Может быть, причиной превращения [а] в [ы] было существование в древних тюркских языках каких-то различных типов интонаций, из которых один превращал гласный [а] в [ы]? Но даже с чисто антропофонической точки зрения механизм действия такой интонации представить все же трудно» (с. 42—44). Далее ученый продолжает: «Аблаут [а] : [ы], нередко встречающийся в аффиксах, по-видимому, связан с выражением определенного психологического эффекта. Он создавал впечатление общей слабости и неустойчивости гласного [а]. Под влиянием этого эффекта гласный [а] в корне слога мог измениться в [ы], в

результате чего возникали чередования типа *тарт- : тырт- 'тащить'*» (с. 43). При этом ученый оставляет место для дальнейших поисков исследователей в этом направлении, не претендуя на окончательное решение загадки этого интересного явления фонетики тюркских языков — загадки тюркского аблаута [а] — [ы]. В этом высказывании для нас важно то, что загадка тюркского аблаута так или иначе связывается с фактором ударения.

Говоря о тенденциях развития тюркского анлаута и связанных с ним всевозможных фонетических трансформациях фонемы [а] в указанной позиции слова, Н. З. Гаджиева, на наш взгляд, справедливо связывает их с передвижением ударения (Гаджиева, 1976а, с. 90; 1976б, с. 6).

В результате исследования особенностей орфографирования отдельных слов в письменных памятниках средневековья Э. Н. Наджип (1961) также приходит к выводу о том, что отсутствие обозначения анлаутного гласного [а] или [ə] в таких словах, как *قرا* 'черный', *بشاق* 'наконечник стрелы', *بلوت* 'облако', *قموق* 'все' и многих других, свидетельствует о безударности слога и редукции гласного в указанной позиции (с. 22, 108).

Ф. Г. Исхаков, (1955б), занимавшийся вопросами фонетического развития тюркских языков, также отмечает, что в современных языках мы часто встречаемся с историческими фонетическими явлениями типа дублетного произношения одних и тех же слов в различных тюркских языках и даже в одном языке (с. 66). Ученый, безусловно, прав, когда говорит о том, что «соответствие в значительном количестве общетюркских слов в тувинском, якутском и чувашском языках гласному [а] узкого гласного [ы] следует рассматривать как исторические результаты явления редукции гласных в тюркских языках» (с. 68). На основе конкретных примеров он показал процесс происхождения узкого гласного твердого ряда [ы] в ряде слов современных тюркских языков исторически от древнетюркского широкого гласного [а], примерно по следующей схеме: [а] > [ǎ] > [ы] (Исхаков, 1955б, с. 95).

Качественная редукция широкого гласного [а] в анлауте спорадически отмечается также в казахском языке.

Как указывают исследователи, в произношении казахов Поволжья зафиксированы случаи качественной редукции широких гласных в анлаутной позиции, например: *тыстау* (вм. лит. *тастау*) 'бросать', *қыра* (вм. лит. *қара*) 'скот' (Доскараев, 1960, с. 205). Сюда же могут быть отнесены фонетические параллелизмы, отмеченные в «Орфоэпическом словаре», а также в работах ученых, посвященных культуре речи и орфографии казахского языка (Сыздыкова, 1975, с. 33—38; Неталиева, 1977; Уйыкбаев, 1976).

Из числа тюркских языков, входящих в так называемую огузскую группу, укажем на современные турецкий, туркменский и азербайджанский языки, в которых также наблюдаются результаты качественной редукции широких гласных в различных позициях слова. Так, в диалектах азербайджанского языка сужение анлаутного широкого [ə] до уровня [e] проходило в определенных позиционно-комбинаторных условиях — после и перед [j], а также перед узким гласным [i] последующего слога. Аналогичное явление наблюдается также в татарском, каракалпакском, башкирском, тофаларском, караимском и других тюркских языках (Дмитриев, 1948, с. 69, 70; Баскаков, 1952б, с. 36, 46; Махмутова, 1955, с. 155; Ахатов, 1963, с. 58; Дыренкова, 1963, с. 20; Мусаев, 1964, с. 39, 62—63; Миржанова, 1967, с. 6; Рассадин, 1982, с. 20, 22).

Генезис позиционного ослабления широких гласных основы в уйгурском языке, как и в других тюркских языках, еще не служил предметом специального рассмотрения. Правда, в целом ряде работ встречаются те или иные попутные замечания по данному вопросу — от тезиса о вероятном его возникновении на собственно уйгурской (т. е. собственно тюркской) основе до категоричного его отрицания, а также предположения о том, что указанная фонетическая особенность, носящая локальный характер, имеет место лишь «в испорченной» под влиянием территориально смежного иностранного языкового антуража речи илийских уйгуров. Разумеется, подобные предположения, всецело апеллирующие к тем или иным экстралингвистическим факторам, не дают сколько-нибудь убедительного истолкования причин возникновения в языке явления позиционного ослабления корневых широких гласных.

Говоря о явлении позиционного ослабления широких

гласных корня и основы в тюркских языках, мы ограничимся лишь замечаниями самого общего характера, склоняясь к мнению о том, что причина позиционного сужения широких гласных анлаута восходит к наиболее ранней истории развития современных тюркских языков и их диалектов.

Вполне надежным аргументом в пользу этого предположения являются проступающие сквозь традиционное письмо реликтовые явления в области качественного и количественного ослабления гласных звуков в безударном, а также слабуударном положениях. В связи с этим, с большей долей вероятности можно допустить, что в древнетюркском, как и в современных тюркских языках, широкие гласные в слабуударном анлаутном слоге имели не только менее напряженную, но и более закрытую артикуляцию по сравнению с теми же гласными в ударном открытом слоге. Это дает повод говорить о зависимости степени открытости-закрытости однородных гласных от силы как основного, так и второстепенного ударения.

Можно предполагать, что в то далекое время, в условиях, когда еще силовое словесное ударение падало на первый слог, однородные гласные непервых слогов имели менее напряженный и более закрытый характер произношения. С репласацией древнетюркского ударения, т. е. с его передвижением с начальной позиции слова на последующий слог многосложного слова, соотношение гласных становится обратным по степени открытости и напряжения. По-видимому, только в этом и кроется главная причина перебора широких гласных в анлаутной позиции общетюркских корней и основ.

Параллельно существующие в языке дублетные формы слов типа *қарға-қырға*- 'проклинать, ругать' (ДТС, 1969, с. 426), *йарыл-йерил*- 'страдать от *йар*- 'раскалываться, расщепляться' (ДТС, 1969, с. 258) отражают, по-видимому, реальную картину различного характера проявления древнетюркского словесного ударения (как главного, так и второстепенного) в многовековой истории тюркских языков.

Сказанное не противоречит общепринятому мнению о том, что «та или иная степень ослабления ударения может вызвать не только некоторую закрытость гласного, но и обуславливать возникновение вместо одних гласных других» (Богородицкий, 1953, с. 82—88).

Нам представляется, что проявление и действие этой особенности словесного ударения в качественном и количественном изменениях звуков (Щерба, 1958, с. 114) не ограничивается хронологическими рамками одного какого-нибудь исторически определенного отрезка времени. Основное сходство и характер словесного ударения в тюркских языках, по-видимому, не претерпели сколько-нибудь значительного изменения, по крайней мере со времени появления первых памятников тюркоязычной письменности. Изменились в основном степень и сила проявления как основного, так и второстепенного ударений, а также степень качественной определенности или неопределенности звуков неударных слогов конкретных тюркских языков, положивших начало многим своеобразным явлениям в истории развития звукового строя тюркских языков и их диалектов.

3.2. РЕДУКЦИЯ ГЛАСНЫХ В ИСТОРИИ УЙГУРСКОГО ЯЗЫКА

3.2.1. Качественная редукция и позиционное сужение анлаутных широких гласных

В тюркоязычных письменных памятниках раннего периода явление позиционного сужения широких гласных, вызванное качественной их редукцией в определенных позициях слова, отражено весьма незначительно. Однако из этого не следует, что в то время подобного явления вообще не было. Отсутствие его в древних письменных памятниках объясняется, с одной стороны, тем, что позиционное сужение широких гласных является языковой особенностью не всех древнетюркских, тем более древнеуйгурских племен. С другой стороны, обыкновенное уйгурское или руническое, а также енисейско-орхонское письмо не располагало специальными знаками для изображения позиционных модификаций звуков. Поэтому отсутствие каких-либо следов, например качественной редукции широких гласных анлаута, связанной с регрессивной ассимиляцией, в письменных памятниках ранней поры еще не значит, что на ранней стадии развития древнетюркских языков не было варьирования инициальных широких гласных под влиянием узкого гласного последующего слога. Помочь решению вопроса о таком варьировании и о возможном его диапазоне в данную

эпоху может, по-видимому, только знание фонологических признаков этих фонем.

По свидетельству ученых, все письменности, которыми пользовались древние тюрки, как правило, были полифонными. Для исторической фонетики уйгурского языка особое значение имеют письменные памятники, дошедшие до нас на древнеиндийском, так называемом брахми, письме. Если руническое, енисейско-орхонское и другие разновидности письма являются полифоническими, то брахми в этом отношении занимает особое положение. В нем насчитывается около сорока знаков для согласных и более десяти — для гласных. Этого количества достаточно для более или менее точного отражения фонетических особенностей старых текстов. Поэтому вполне естественно, что правильная интерпретация древних написаний, в которых так или иначе отражены явления живой народной речи, возможна при учете графических особенностей письменной культуры, которой владели предки современных тюркоязычных народов. Некоторое представление об этой культуре дают прямые или косвенные, правда скудные, данные письменных памятников разных времен.

Уже то обстоятельство, что ни в древнем, ни в современном письме не находит адекватного отражения все разнообразие устной речи, ограничивает возможности точного описания и непосредственного воссоздания реальной картины качественного, а также количественного изменения гласных (даже в пределах одного говора уйгурского языка). Несмотря на это, несомненно, что любой результат реализации [e], [y], [i] различного происхождения в безударной и слабуюдарной позиции у авторов и писцов ранних письменных памятников уйгурского языка постоянно ассоциировался со слабуюдарными широкими гласными [a] и [ə], а отсутствие обозначения на письме [y], [i], [y], [y] — с безударными узкими гласными.

Основываясь на графических особенностях древнетюркских памятников письма, можно предположить, что история позиционного ослабления гласных восходит к древнейшему периоду развития тюркских языков — к эпохе нераздельного их существования. Относя истоки позиционного ослабления широких гласных [a] и [ə], а также узких гласных [y], [i], [y], [y] к раннему состоянию развития тюркоязычных племен, можно предполо-

жить, что реализация его в виде более или менее устойчивой системы относится ко времени не позже начальных периодов нашего летосчисления.

Сведения о качественной редукции гласных в слабоударном слоге в памятниках VIII—XI вв. имеют опорадический характер (Кондратьев, 1981, с. 18). Об этом явлении впервые находим более или менее достоверные сведения в «Диване» Махмуда Кашгарского. Так, говоря о словах, размещенных в разделе «манкус» (МК, 1963, с. 128), он вполне определенно замечает, что гласные звуки в составе односложных основ при осложнении их аффиксами личных местоимений подвергаются редукции. Как указывает ученый, в слове *қол* 'рука' гласный звук [о] при аффиксации слова притяжательным аффиксом 3-го лица произносится не как *аның қолы* 'его рука', а как *аның қулы*; *аның йәлі* 'его ветер' также произносится как *аның йілі*. По его мнению, такая особенность в произношении гласных в слабоударном анлауте является присущей как глаголам, так и существительным (МК, 1963, с. 176—177).

Следует указать, что процесс качественной редукции гласных слабоударного анлаута Махмуд Кашгарский рассматривает с точки зрения их письменного отражения. Иными словами, слабоударные гласные анлаута он относит к числу выпадающих в произношении звуков.

Чередование анлаутного гласного [а] и [ә] неодинаково представлено в древнетюркских письменных памятниках. Так, например, если в одних памятниках широкий гласный [ә] транскрибируется как [ә], то в других — как [е] или [і]. В тепсейской надписи, например, в слоге *әгә* 'хозяин, дух, божество' в инициале написан широкий гласный [ә] (Васильев Д., 1977, с. 80), а в уйгурских фрагментах из Турфана — узкий [и] в виде *igä* (Rachmatı, 1963, с. 29), например *йер сүз igäsi* 'дух вселенной (земли, вод)' (транскрипция заменена нами. — Т. Т.).

Если принять во внимание высказывания известного интерпретатора древнетюркских эпиграфических памятников из Монголии С. Г. Кляшторного (1976, с. 70) о том, что надписи из Тепсея и Турфана датируются примерно VIII—IX вв., то станет возможным установить верхнюю границу перехода анлаутного широкого гласного [ә] в узкий [и] в отдельных диалектах уйгурского языка, в частности в турфанском, задолго до написания указанных памятников.

Известно, что на основе анализа вариантности написания слов в памятниках И. А. Батманов (1971, с. 4) в числе десяти изоглосс выделил наличие в анлауте [ə] или [i] в качестве одного из существенных признаков для установления «явно выраженных» племенных, а не территориальных диалектов.

Если учесть тот факт, что древнеуйгурские племена до массового переселения на территорию современного Восточного Туркестана, в частности в Турфанский оазис, населяли обширные территории современной Монголии, Тувы и других районов Сибири и Енисея, то можно говорить не о позднем происхождении такого чередования анлаутных гласных, а о наличии его на еще более ранних этапах развития древнеуйгурского языка.

При этом не следует забывать также и об экстралингвистических факторах, так или иначе стимулировавших развитие явления перегласовки гласных анлаута в ранней истории уйгурского языка. Так, процесс редукции широких гласных анлаута (хотя мы и склонны считать его чисто тюркским фонетическим явлением), по-видимому, в определенной степени поддерживался экстралингвистическими факторами.

Тюркские народы, особенно древнеуйгурские племена Восточного Туркестана, на различных этапах своего развития находились в непосредственном контакте не только с ираноязычными, но и с народами индоевропейской семьи, жившими примерно в первом тысячелетии н. э. в Восточном Туркестане и Средней Азии. В их языке (в так называемом восточноиранском или хотанском диалекте) [ə] соответствовало [i] (Владимирцов, 1925, с. 313). Основываясь на этом факте, можно предположить, что процесс позиционного сужения широких гласных анлаута, вызванный редукцией слабоударных широких гласных основы, будучи исконно тюркским явлением, мог вобрать в себя также частично черты восточноиранского или хотанского типа соответствия гласных. Именно это, по-видимому, имел в виду В. Д. Смирнов, когда, возражая В. В. Радлову, отрицал самобытность явления перегласовки гласных в пользу приводящего характера его в истории уйгурского языка.

Прежде чем говорить о качественной редукции гласных и причине ее появления в истории тюркских языков, в самых общих чертах рассмотрим отдельные высказывания ученых, так или иначе раскрывающие суть

этого фонетического явления. Особо следует остановиться на вопросе о слоговой структуре древнетюркского слова. Как известно, слоговая структура древнеуйгурского слова изменялась на разных стадиях древнетюркского периода, а корневая для всего этого периода оставалась, как правило, постоянной. Однако на последующих этапах пратюркского языка происходило изменение состава слова в сторону его расширения, т. е. оно усложнялось аффиксами словообразования и словоизменения. По мнению Э. В. Севортяна (1971, с. 5), на наиболее ранних этапах и стадиях развития древнетюркских языков имелись стадия корневая и стадия первоначальных аффиксов и их источников.

Можно полагать, что так называемая стадия «чистых корней», соответствующая наиболее древнему периоду развития древнетюркского языка, отражала состояние языка, при котором гласный звук имел большую или меньшую самостоятельность. Это объясняется тем, что при односложной структуре слова ударение могло находиться только на корневой морфеме, организующим ядром которой служил гласный звук. Естественно полагать, что в ударном слоге гласный звук мог наиболее полно проявлять свое качество, однако из этого вовсе не следует, что он был свободен от всевозможных комбинаторных влияний. По-видимому, гласные звуки испытывали влияние фонетического окружения на всех стадиях развития языка. Хотя возможность широкого использования слов, состоящих из чистых корней, делает их внешне менее мотивированными, «оголенность» этих слов «приводит к прозрачности их фонетического облика, к более четкой ассоциации акустических характеристик слова с его семантикой... именно этим удается объяснить наличие значительного пласта специальных идеофонических, звукоописательных слов во всех алтайских языках» (Мельников, 1971, с. 68—69).

Можно предположить, что за корневой стадией наступила стадия «первоначальных аффиксов», а постепенное «склеивание» аффиксальных морфем с корневой положило начало агглютинативному строю языка. Таким образом, количество слогов в основе увеличилось за счет аффиксальных элементов, что привело к некоторому сдвигу структуры слога; соответственно главная часть слова — корень — изменила стабильную звуковую структуру, создавая тем самым возможность для качественной

модификации звуков корня. Следует отметить, что это изменение стало возможным благодаря преобразованиям в акцентной структуре древнетюркского языка. В связи с происшедшим в древнетюркском языке перераспределением главного и второстепенного ударений корень был подвержен своего рода колебаниям, приводящим к переразложению слоговой структуры множества древнетюркских слов и словоформ, что видно, в частности, из явлений апокопы, синкопы и др.

На основании данных письменных памятников можно предполагать, что в древнеуйгурском языке процесс редукции кратких гласных проходил приблизительно в первые века нашего летосчисления, что подкрепляется фактами графических особенностей одного из самых ранних памятников уйгурского письма «Хуастуанифт» («Покаянная молитва манихейцев»), датируемого V—VI вв.

Говоря о графических особенностях указанного памятника, С. Е. Малов (1951) отмечал, что он «отражает довольно сносно разговорный язык» (с. 126). Поскольку, по мнению В. В. Радлова и С. Е. Малова, указанный памятник был написан уйгурским языком и уйгурским письмом, естественно, что в нем находит отражение ряд фонетических явлений древнеуйгурского языка, обусловленных произношением (отчасти и графикой).

Так, сравнение графических особенностей сводного текста всех трех списков памятника показывает, что в нем имеются случаи пропуска гласных звуков в различных позициях слова, что означает, надо полагать, их слабое положение (Дмитриева, 1963, с. 214—232). Заслуживает особого внимания в этом отношении отсутствие графического обозначения широких гласных в анлауте, например: *й(а)рук* 'свет, сияние, блеск, луч', *м(а)настар* (рел.) 'молитвенная формула', *й(а)влақ* 'плохой, скверный', *й(а)лавачы* 'посол', *й(а)ратмыш* 'создатель, творец', *б(а)ру* 'все', *т(э)ңри* 'небо, бог, божество', *т(э)гіб* от *таг-* 'доходить, касаться', *к(э)ргэк* 'нужный, необходимый' и т. д.

Следует заметить, что в списках «Хуастуанифта» некоторые из отмеченных слов с опущенными на письме гласными дают далеко не одинаковую, а потому и довольно пеструю картину. Дело в том, что в списках указанного памятника отмечается дублетное написание слов: *қ(а)м(а)ғ* — *қам(а)ғ* 'весь, целый', *й(а)лавачы* —

йалавачы 'посол', й(а)ратмыш — йаратмыш 'создатель, творец', б(а)ру — бару 'все', к(э)нтү — кэнтү 'сам, свой', т(э)ртү — тэртү 'обратно, наоборот', т(э)гін — тэгін 'доходить, касаться' и т. д.

Приведенные выше примеры свидетельствуют, с одной стороны, о неустойчивом характере орфографии того времени, с другой — дают некоторое основание предполагать, что в то время существовала тенденция к утрате графического обозначения редуцированных широких гласных в слабоударном анлаутном положении многосложного слова.

В этом, пожалуй, и заключается ответ на замечание С. Е. Малова о графике «Хуастуанифта». Итак, отсутствие обозначения гласного анлаута в двусложных, а также трехсложных словах не только в этом, но и в других письменных памятниках, хронологически более поздних, — это графическое выражение результатов качественной и количественной редукции гласных, свойственной языку того или иного памятника определенной эпохи, например: йна (вм. йана) 'еще, снова', крөп (вм. көрүп) 'увидев', труп (вм. туруп) 'стоя', қлынч (вм. қылынч) 'поступок', птіг (вм. пітіг) 'книга', плігсіз (вм. біліксіз) 'непросвещенный, неграмотный', қчан (вм. қачан) 'когда', қны (вм. қаны) 'где?', сні (вм. сәні) 'тебя', йқын (вм. йақын) 'близко' и т. д. (Gabaın, 1950, с. 6; Махмудов К., 1972, с. 41, 47, 66, 81, 210).

На основе анализа графических особенностей старописьменных памятников можно утверждать, что качественная, а также количественная редукция гласных в древнеуйгурском проявлялась неодновременно и неодинаково в разных фонетических положениях. Более того, указанный процесс по-разному проявлялся и для гласных разного качества, о чем будет сказано ниже.

Известно, что некоторые исследователи древнетюркских письменных памятников склонялись к мнению о том, что в древнетюркских языках наряду с широким гласным [э] существовал также звук [е]. Однако, по мнению большинства ученых, происхождение указанного звука относится к поздней истории развития тюркских языков.

Так, еще В. В. Радлов, а затем В. А. Богородицкий и другие ученые определили в истории западнотюркских языков переход широкого гласного [э] в узкий [і], но Э. Р. Тенишев (Тенишев, 1972, с. 39) не разделяет точку зрения В. В. Радлова по данному вопросу. Несколько

иною мнения по этому поводу придерживается М. Моллова. Основываясь на высказываниях М. Мансуроглу, Я. Эккман, Ж. Какук и др., она приводит доводы в пользу колебания [ê/e] ~ [i] (Моллова, 1966, с. 137).

А. М. Щербак полагает, что ни один из вариантов широкого нелабиализованного гласного мягкого ряда [ə] в первом слоге не совпадал ни с [ə], ни с [i]. По мнению ученого, «Кутадгу билиг», а также турфанские тексты являлись памятниками более выраженного *e* ($\text{ə} > \text{ā}$)-диалекта, тогда как легенда об Огузе и все поздние тексты представляют менее выраженный *e* ($\text{ə} > \text{i}$)-диалект. Он считает, что в непервых слогах употреблялся только открытый вариант [ə] — [$> \text{ā}$] (Щербак, 1962, с. 33). Такое варьирование гласного [ā] в разных позициях слова основано на графическом смещении различных знаков в уйгурских текстах из Восточного Туркестана. Прав ученый, когда он видит в графических особенностях передачи гласного [ā] знаками уйгурского письма сдвиги его в сторону качественного сужения (Щербак, 1962, с. 32).

Известно, что еще В. Томсен, К. Фой, П. М. Мелиоранский и другие признавали возможность наличия одного из видов закрытого [e] вместе с широким [ā] в языке рунических памятников (В. Насилов, 1974, с. 16). Э. Р. Тенишев также полагает, что сужение [ā] — [e] в виде редких примеров встречается в языке старописьменных памятников.

На основе сравнения и анализа многочисленных примеров на соответствие широких и узких гласных Э. Р. Тенишев (1961, с. 244, 293) приходит к вполне обоснованному, на наш взгляд, выводу о том, что корень с широким гласным исторически предшествовал вариантам с узким гласным, и что наиболее древним является тот его вид, в котором имеется широкий корневой гласный [ə], представленный в современном уйгурском, а также якутском языках. Важно отметить, что, конкретизируя сказанное о сужении широкого гласного [ə] в различных тюркских языках, ученый не только устанавливает относительную хронологию этого явления, но и раскрывает причину, обусловившую его появление. Так, по его мнению, звуковые колебания [ə] — [i], относящиеся к VI—VIII вв. (Тенишев, 1961, с. 260), а также [o] — [y] и [ə] — [y] стали возможными благодаря тенденции к уменьшению подъема, ведущему к частичному совмещению признаков

и, следовательно, к ослаблению прежних фонологических значимостей (Тенишев, 1972, с. 39). Э. Р. Тенишев, как и другие ученые, не детализирует и не раскрывает причины сужения анлаутного широкого [э] в истории тюркских языков, хотя в отдельных трудах и придерживается конкретного мнения относительно роли и значения словесного ударения в качественной модификации анлаутного [э] в истории, например, татарского языка.

Такого же мнения придерживался и Дж. Г. Киекбаев (1957, с. 60—61). Он писал, что качественное изменение широких гласных в сторону сужения в системе древнетюркского вокализма, как и расширение узких в определенных позициях слова, было связано с изменениями, происшедшими в акцентной структуре древнетюркского языка. Н. З. Гаджиева объясняет неустойчивость широких гласных в безударном положении и позиционную тенденцию ко всякого рода фонетическим изменениям исключительно фактором ударения. По ее мнению, в результате репласации древнетюркского ударения «гласный первого слога утрачивал доминирующую, направляющую силу» (Гаджиева, 1976а, с. 90), и «первый неударный слог подвергался самым разнообразным трансформациям» (Гаджиева, 1976б, с. 5).

Исследование графических особенностей тюркоязычных письменных памятников, в которых графически не обозначаются первослоговые гласные, позволило Э. Н. Наджипу (1961, с. 22, 109) связать это явление с безударностью слога.

Аналогичное мнение в отношении татарских гласных высказывали в свое время Г. Шараф, а также В. А. Богородицкий (Шараф, 1928, с. 243; Богородицкий, 1953, с. 83—85). Однако Ф. Г. Исхаков относит гласный [э], употребляемый в уйгурском и азербайджанском языках в корнях и неразложимых основах, общих с другими тюркскими языками слов, к древнетюркскому [э]. По его мнению, «тюркское [э] (е) генетически восходит к древнетюркскому [ā]» (Исхаков, 1955б, с. 71, 80).

Известный алтаист нашего времени О. П. Суник (1971) склонен рассматривать позиционное сужение [э] в тюркских языках как следствие эволюции древнетюркского анлаута. Так, говоря о сужении широкого гласного [э] в слове *эр—эр—ір* 'мужчина' в древних, а также современных тюркских языках, ученый задается вопросом: «не повлияла ли на изменение тюркского гласного в из-

вестных основах $ap > e > i$ 'быть', во-первых, утрата губного [в]—[w] (если, разумеется, такая утрата происходила в обще- или пратюркском) и не произошло ли здесь хорошо известное по тунгусским языкам развитие $a > ar > \bar{a}r > i$ (типа тунг.-манчж. *nar — nari > naj > nai > ni* 'мужчина, человек, люди' и т. п.) (с. 393).

Разумеется, в настоящей работе мы специально не рассматриваем развитие анлаутного гласного как результат выпадения губных согласных в инициале, так как данный вопрос не только в тюркологии, но и в алтаистике еще не получил достаточной разработки, тем более что наше исследование основано на фактах исторического периода, т. е. на лингвистических фактах, зафиксированных в письменных памятниках. При этом мы исходим из того, что всякое колебание в написании знаков для широких и узких гласных [а]—[ы], а также [ə]—[i] анлаута в древнеуйгурских письменных памятниках из Восточного Туркестана обусловлено не столько орфографической особенностью старописьменных памятников, сколько реальным отражением живого произношения, уходящего своими корнями к пратюркскому языковому состоянию. Итак, именно слабоударное анлаутное положение широких гласных способствовало позиционному ослаблению и переходу их в более узкие звуки [e], [ы], [i].

Как свидетельствуют многочисленные письменные памятники ранней поры (Рясянен, 1955, с. 47), уже в предыстории уйгурского языка совершался процесс позиционного ослабления безударных, а также слабоударных гласных, находящихся перед сильным ударением двусложных слов, а также в позиции между слабым и сильным ударениями многосложных слов.

Ослабление анлаутного широкого гласного характерно почти для всех тюркских языков, но степень проявления его в истории конкретных тюркских языков различна. Так, например, сужение (т. е. качественная редукция) анлаутного широкого гласного имело место в истории огузской, болгарской, а также кыпчакской групп тюркских языков. Однако позиционное сужение широких гласных анлаута в указанных языках распространяется главным образом на широкий гласный [ə], хотя при внимательном рассмотрении обнаруживается ряд словоформ с результатом качественной редукции анлаутного широкого гласного в кыпчакских, а также огуз-

ских языках, например: в «Памятниках древнетюркской письменности» др. *авыт*- 'успокаивать' (1951, с. 362), каз. *жубат*-; *аты* 'очень, весьма' (с. 362), каз. *өте*; *абуч* 'горсть (ладонь)' (с. 353), каз. *ұвыс* (орф. *уыс*); *әблә*- 'женить' (с. 362), каз. *үйле*-; *кадім* (с. 392), каз. *кійім* (орф. *киім*) 'одежда' и т. д.

Несмотря на ряд оговорок, качественная редукция широких гласных [а] и [э] в различных позициях слова отмечается, как это было сказано выше, в той или иной степени почти во всех известных науке памятниках тюркоязычной письменности.

К числу последних относятся многочисленные случаи фонетического параллелизма с «колеблющимся» вокализмом в древнетюркском языке; *асығ* — *ысығ* 'такелаж', *тавар* — *тывар* 'товар, имущество', *йана* — *йіна* 'еще, опять, снова', *кәчә* — *кічә* 'вечер, вчера', *мән* — *мін* 'я', *сән* — *сін* 'ты', *мәнің* — *мінің* 'мой' и т. д.

Отечественные тюркологи полагают, что чередование широких гласных с узкими в анлаутной позиции слова в письменных памятниках отражает междialeктную дифференциацию гласных, существовавшую в глубокой древности и охватывавшую хронологически значительный отрезок времени (Кононов, 1970, с. 143; 1980, с. 40, 66, 73, 122, 200; Батманов, 1959, с. 118; 1964, с. 118—121; Севортян, 1973; Щербак, 1970а, с. 145; Тенишев, 1976, с. 27—33; 1979, с. 80—90; Айдаров, 1971, с. 132—134; Аманжолов А. С., 1978; 1970, с. 169).

Примеры качественной редукции слабоударных, а также безударных гласных в истории уйгурского языка можно дополнить также за счет реликтовых явлений, сохранившихся в других языках. В этом отношении научный интерес представляют ранние уйгурские заимствования в монгольском языке. Ценность их заключается в том, что все те слова и термины, которые заимствованы у древних уйгуров, встречаются «в той же форме, в какой эти термины впоследствии были заимствованы монголами у уйгуров» (Бартольд, 1909, с. 44).

Б. Я. Владимирцов отмечал, что вокализация уйгурских слов, встречающихся в древнеуйгурском оригинале со стечениями (скоплениями) согласных в различных позициях слова, происходила в древнемонгольском языке не на монгольской почве, а на уйгурской. В связи с этим он пишет, что «уйгуры, конечно, никогда не произносили *чқсап*, *тңрі*, *бодіств* и монголы заимствовали от

уйгуров их чтение (Владимирцов, 1929, с. 167). По утверждению ученого, уйгурские формы, становясь достоянием монголов, не изменялись и сохранились до сего времени; монгольский язык в этом отношении является как бы «хранителем» старых уйгурских форм.

И действительно, монгольский письменный язык, как и современные диалекты монгольского языка, в качестве «хранителей» фонетических особенностей языка древних уйгуров донесли до наших дней произношение «на уйгурский лад» множества слов (Санжеев, 1977, с. 36, 42). К числу последних могут быть отнесены следующие слова общетюркского, а также согдийского происхождения (Владимирцов, 1925, с. 329), попавшие через уйгурское посредство в монгольский язык:

в др. уйгурском	в др. монгольском
эмчї, емчї 'лекарь, врач'	емчї
чэріг, черіг 'воин, войско'	черіг
чэчэглиг 'цветник'	чечегліг
кэсэк, кесэк 'кусок, отрезок'	кесег
йэмїш 'ягоды'	чїміс, жїміс
кэрэк, керэк 'нужда, необходимость'	керек
эгэчэ 'старшая сестра'	егечи
тэмүр, темір 'железо'	темір

в совр. уйгурском
эмчї (диал. емчї)
черік
чечэклік (диал. чечэглиг)
кесэк (диал. кесэг)
йемїш (диал. йїмїш)
керэк
егїчэ (диал. егэчэ)
төмүр (диал. темір)

Когда речь идет о качественной редукции гласных уйгурского языка, следует принимать во внимание высказывание Б. Я. Владимирцова относительно материального содержания отдельных знаков письма в хотанском, а также кучарско-карашарском говорах. Для

изучения реликтовых явлений в фонетике собственно хотанские формы имеют исключительное значение. Ибо, как отмечают ученые, в силу различных причин они содержат в себе много архаичного не только в фонетике, но и в других сферах языка (Малов, 1934; Тенишев, 1963, с. 146).

Так, Б. Я. Владимирцов замечает, что в хотанском языке часто иранскому [ə] соответствует звук, который графически изображался через [ə], но очень приближался к [i]. Ученый приводит уйгурские формы, имеющие [i] там, где соответствующие санскритские слова содержат [ə]. Монгольский язык сохранил эти хотанско-уйгурские заимствования в неизменном виде, являясь, таким образом, «верным хранителем старых хотанских буддийских терминов» (Владимирцов, 1925).

Такие же «законсервированные» фонетические особенности уйгурского произношения ранней поры отмечаются в языке небольшого тюркоязычного племени хотон, волей судеб оказавшегося в Западной Монголии, например: *egeɾ* 'старшая сестра' (уйг. *егичә*), *esän* 'здоровый' (уйг. *есән*), *йер* 'земля, страна' (уйг., *йәр*, диал. *йер*), *segis* 'восемь' (уйг. *сәккиз*, диал. *секкіз*), *семіз* 'жирный, тучный' (уйг. *семиз*) и т. д.

Традиционное произношение полуширокого или узкого гласного вместо широкого в отдельных комбинаторно-позиционных условиях, можно полагать, уходит корнями в глубь истории уйгурского языка. Так, на основе форм слов с [ə], например в уйгурском языке, воссоздаются переходы пратюркских гласных в различных позициях слова [a]—[e], [a]—[ы], [a]—[и], [ə]—[e], [ə]—[i]. Путем реконструкции удастся восстановить исконнотюркское [ə], которое соответствует закрытому [i] или индифферентному [e] в современном уйгурском и других тюркских языках. Например, уйг. *ериқ*, каз. *арық* (др. тюрк. *арығ*) 'арык'; уйг. *кепәк*, каз. *кебек*, чув. *кипек* (др. тюрк. *кәпәк*) 'отруби'; уйг. *кемә*, каз. *кеме*, туркм. *гә:ми*, чув. *киме* (др. тюрк. *кәмә*, *кемі*) 'судно' и т. д.

Н. Ф. Катановым, Г. Яррингом и другими учеными зафиксирован редуцированный оттенок широкого гласного [ə] в составе многосложных слов и в речи представителей других говоров южных районов Восточного Туркестана.

Как видно из диалектологических записей С. Е. Ма-

лова, (1954, с. 164—165), в хамийском говоре имеется узкий вариант глагола *кэт*- 'уходить', представленный в нем формами *кет*- и даже *кит*-.

Сравнивая различные модификации широкого гласного [э] в ряде односложных слов типа *кэт*- (*кет*-), *кит*-, приходим к выводу о том, что гласный [э] во многих односложных основах в диалектах уйгурского языка представлен, по крайней мере, тремя аллофонами: исконного, т. е. древнеуйгурского [э] в илийском говоре и некоторых говорах северного диалекта; современного межтюркского инлаутного [e] в южных говорах, по своему качеству близкого к казахскому [e]; более закрытого [e] типа узкого [i] в хамийском, а также в некоторых говорах, прилегающих к хамийскому. В литературном произношении основной оттенок гласного выступает в качестве максимально открытого гласного [э].

На основе перебора качественного признака широкого гласного [э] в диалектах и говорах уйгурского языка можно предположить, что огласовка гласных корня первоначально охватывала не всю восточнотуркестанскую территорию, и соответствующее расхождение длительное время образовывало диалектную изоглоссу.

В письменных памятниках уйгурского языка, различных по хронологии, наблюдается диалектное варьирование, проявляющееся в изменениях отдельных слов и морфем. Это явление объясняется неравномерным развитием системы языка в результате непрерывного взаимодействия языков и диалектов и хронологического несовпадения одних и тех же процессов.

Не исключено, что вариации одного и того же фонетического явления могли значительно увеличивать число диалектных изоглосс и притом в различные периоды истории уйгурского языка иметь свою специфику развития и диалектного варьирования.

Позиционное сужение широких гласных основы иногда дает совершенно различные изоглоссы с самыми различными вариациями. Например, переход широких гласных основы соответственно в узкие или полуширокие наблюдается почти во всех без исключения говорах уйгурского языка. Однако, судя по диалектологическим записям ученых, указанное явление в кучарском, лобнорском, турфанском, комулском, доланском говорах, а также говоре с. Гумы отражается по-разному. Так, если

в первых вместо общенародного [e] произносится краткий [i], то в последнем широкий гласный [a] или [ə] не подвергается качественной модификации (ср., например: *сетип—ситип—сатип* от *сатмақ* 'продавать', *женим—жиним—жаним* 'моя душа, милый' и т. д.).

Еще большее расхождение в проявлении закона качественной редукции обнаруживаем в речи представителей кашгарского, а также яркендского говоров, в которых отмечается большая степень редукции гласного первого слога многосложных слов, чем в остальных говорах.

Судя по диалектологическим записям Н. Ф. Катанова, опубликованным Карлом Менгесом, в диалектах и говорах Восточного Туркестана, как и в древнеуйгурском, имеются такие фонетические дублиеты, из которых трудно отдать предпочтение той или иной форме, например: *чэчэк — чечэк* 'цветок, соцветие', *кэйік — кейік — кійік* 'серна, горный козел', *бэлвақ — белвақ — білвақ* — 'кушак, пояс', *әліг — іліг* 'рука', *әшід — ішід* 'слушать' (Рясянен, 1955, с. 79—81), *мәнің — мінің* 'мой', *сәні — сіні* 'тебя' (Gabain, 1950, с. 91), *тәрімақ (تارماق) — тірімақ (ترماق)* 'сеять, сажать семена', *Тарім — Терім* (от *терімақ*) (Raquette, 1928, с. 154, 157) и т. д.

Следует отметить, что по линии развития анлаутного [ə] приведенные выше примеры из южных говоров обнаруживают поразительное сходство с письменно-литературным памятником средневековья «Тәшхис ул-инсан», в котором древнетюркское широкое [ə] анлаута чаще отражается как [e], а также [i]: *емгәк — імгәк* (вм. *эмгәк*) 'страдание, нужда', *йет — йіт-* (вм. *йәт-*) 'доходить, достигать' и т. д. (Насилов В. М., 1974, с. 16).

Своеобразное развитие вокализма в анлауте в основных чертах подтверждает правомерность выводов ученых о том, что «ни один из вариантов широкого нелабиализованного гласного мягкого ряда [ə] в первом слоге древнетюркского слова не совпадал ни с [ə], ни с [i]» (Щербак, 1962, с. 33). Такое объяснение качества гласного в различных позициях слова справедливо, как нам кажется, только для последней эпохи развития вокализма тюркских языков. Как было сказано выше, в качественной модификации широких (да и не только широких) гласных решающая роль принадлежит явлению передвижения древнетюркского ударения. Исходя

из этого можно предположить, что закрытый характер анлаутного гласного [ə] в истории тюркских языков был не первичным, а вторичным явлением, соответствующим моменту передвижения древнетюркского ударения с начальной позиции на последующие слоги слова. Только этим, пожалуй, можно объяснить факты убывания сонорности анлаута, т. е. несколько слабое произношение в артикуляционном отношении и значительное сужение гласного [ə] в этой позиции — в акустическом.

3.2.2. Качественная редукция и лабиализация анлаутных широких гласных

Качественная модификация анлаутных широких гласных [a] и [ə] уйгурского языка в сторону их лабиализации впервые была отмечена В. В. Радловым (1882). Говоря о причине, вызывающей огубление анлаутных широких гласных, ученый указал на палатализирующее (суживающее), а также лабиализующее влияние узких (губных и негубных) гласных на качество предшествующих широких гласных основы, связанное с просодическими факторами — передвижением ударения.

Огубление анлаутных широких гласных наиболее рельефно выступает в узбекском языке. О генезисе этого явления ученые придерживаются различных точек зрения (Решетов, 1959; Абдуллаев Ф., 1957; Махмудов, 1963; Атамирзаева, 1962).

В узбекском языке, — пишет Н. З. Гаджиева (1975), — «истoki оканья зарегистрированы там, где отмечается некоторая открытость слегка редуцированного начального [a] первого слога типа *қара*» (с. 25). Аналогичного мнения придерживается Ф. Г. Исхаков (1955б, с. 68), согласно которому соответствие [a] — [o] — [y] в анлауте является ничем иным, как историческим результатом явления редукции гласных в тюркских языках.

Кроме того, огубление широких гласных анлаута в антураже губных, а также увулярных согласных составляет одну из отличительных особенностей фонетики узбекского языка (Махмудов, 1963). Подобное явление встречается также в уйгурском, азербайджанском и других тюркских языках. Однако в уйгурском языке оно не имеет столь большого распространения, как в узбекском. Тем не менее В. В. Радлов, а также Н. Н. Пантусов высказывали предположение об общей склонности

к произношению звука [а] в указанной позиции в огубленном варианте в речи илийских уйгуров. Говоря о «немотивированном изменении гласных основы» (т. е. «перемене гласных основ без доказанной причины»), В. В. Радлов (1908, с. 4) указывал, что это изменение «проявляется в якутском языке так же, как и в уйгурском языке» (по терминологии В. В. Радлова — в таранчинском наречии. — *Т. Т.*). Однако в ряде работ отдается предпочтение приводящим факторам — влиянию на фонетику якутского языка эвенкийского, а также тунгусского или эвенского языков (Иванов С. А., 1980). Е. И. Убрятова (1960б) замечает, что «так называемое „аканье“ и „оканье“ в диалектах якутского языка никакой связи с „аканьем“ и „оканьем“ в диалектах эвенкийского языка не имеет ни фонетически, ни территориально» (с. 41). Поэтому «сопоставлять якутское „аканье“ и „оканье“ с эвенкийским трудно», так как «они представляют собой совершенно разные фонетические явления» (с. 47). Но в то же время якутское «аканье» по своему происхождению связано с влиянием своеобразной монгольской акцентуации (с. 42) (Иванов С. А., 1980, с. 132).

Несмотря на наличие ряда фонетических особенностей уйгурского языка, с одной стороны, и якутского — с другой, появление «оканья» в этих языках, обусловленное внутренними и внешними факторами, нам представляется допустимым. Это вполне приемлемо и для объяснения звукового перехода [а] и [ə] в [о] и [е] в уйгурском языке, где замена, например, гласного [а] в начальной позиции ряда слов с губным [о] связана, как и в якутском (Убрятова, 1960б, с. 41—42), с регрессивным влиянием ударяемого аффиксального узкого губного гласного [у] на широкой негубной гласный основы.

Как отмечает Б. А. Серебренников (1970, с. 221), тенденция к превращению анлаутного [а] в [о] прослеживается одновременно в татарском, чувашском и марийском языках. В марийском языке [а] первого слога превратилась в [о], в чувашском в разных диалектах — в [о] или [у], а в татарском языке — в лабиализованное [а]. По мнению ученого, лабиализация анлаутного широкого гласного [а] в литературном чувашском языке, «несомненно, находится в связи с аналогичным до некоторой степени явлением превращения древнего [а] в [о] в луговом марийском языке» (Серебренников,

1955, с. 15). Основываясь на данном высказывании Б. А. Серебренникова, Г. В. Лукоянов (1973, с. 92, 93, 97) приходит к заключению о том, что «лабиализация [а] в чувашском языке обусловлена воздействием нетюркского субстрата, точнее влиянием марийского языка». Аналогичная мысль высказана ученым по поводу лабиализации древнечувашского переднерядного широкого [э] в чувашском языке, где он обнаруживает влияние марийского языка, выразившееся в приобретении сходных звуков, в соблюдении наиболее выдержанной гармонии гласных в северо-западном говоре верхнего диалекта чувашского языка (Лукоянов, 1973, с. 93).

Э. В. Севортян (1955, с. 38) для азербайджанского, а К. М. Мусаев (1964, с. 54—55) для караимского языков отмечают, что губные согласные комбинаторно влияют на соседние негубные гласные, образуя, таким образом, своеобразное «оканье».

Лабиализация анлаутных широких гласных в тюркских языках проявляется по-разному. Так, в узбекском языке огубление наблюдается в общетюркских односложных основах, таких, как *оз* 'мало', *ой* 'луна', *ол* 'алый', *онг* 'сознание', *от* 'лошадь', *оч* 'голодный', *ош* 'пища', *оқ* 'белый' и др. вместо *ай*, *аз*, *һал*, *аң*, *ат*, *ач*, *аш*, *ақ* — в других тюркских языках. В отличие от узбекского языка в уйгурском не встречается (или почти не встречается) такая немотивированная лабиализация широких гласных в односложных основах. Правда, в уйгурском, как и в других тюркских языках, отмечается лабиализация широких гласных в односложных словах под влиянием соседних губных согласных: *о(в)* (др. *ав*) 'охота', *өй* (др. *эб*, *эв*) 'жилище, жилье, дом', *сөй-* (др. *сэв-* от *сэвмэк*) 'любить' (Гаджиева, 1975, с. 32, 43; Щербак, 1970, с. 40—41), а также в многосложных словах: *төгә* (др. *тэвә*) 'верблюд', *боқуш* (др. *бағыш*) 'веревка у юрты', *босунчақ* (др. *басынчақ*) 'униженный, немощный', *бова* (ср. *баба*) 'дедушка', *мома* (ср. *мама*) 'бабушка', *бовақ* (ср. *бабақ*) 'младенец', *жовап*, *жувап* (из *жавап*) 'ответ' и мн. др.

В истории уйгурского языка, кроме указанных случаев, встречалась лабиализация как следствие регрессивного влияния узких губных гласных непервого слога на широкие гласные первого слога, например: диал. *көк-күк* (Наджип, 1968, с. 652), *коккук* (ср. *каккук*) 'кукушка', *оға* (др. *ағу*) 'яд, отрава', *оғуз* (др. *ағуз*) 'молозиво',

ошук (др. ашук) 'лишний, излишек', өшкә (др. әчікү 'коза' и др.

В ряде случаев лабиализация анлаутного гласного проходила под влиянием двух факторов: комбинаторного и позиционного, например: *тәмүр* (др. *тәмүр*) 'железо', *оч* (др. *абуч*) 'горсть, пригоршня', *чөримәк* (др. *чәвүрмәк*) 'вертеть, вращать', *тошқан* (др. *тавушқан*) 'заяц' и т. д.

В отдельных случаях в диалектной речи встречается так называемая немотивированная лабиализация анлаутных широких гласных, таких, как *торуза* (Наджип, 1968, с. 313) вм. лит. *тараза* 'весы', *көрпә* (Наджип, 1968, с. 648), вм. лит. *кирпә* 'еж', *орук* (др. *арык*) 'тощий, худой', отдаленно напоминающая таковую в узбекском (Решетов, 1959; Махмудов А., 1963; Атамирзаева, 1962), а также в татарском (Гаджиева, 1976 б, с. 30—32) и других языках.

Анализ различных способов лабиализации анлаутных широких гласных в уйгурском и других тюркских языках показывает, что объяснить причину возникновения этого явления одним каким-нибудь фактором невозможно. В огублении [а] и [ә] в указанной позиции, по утверждению А. М. Щербака, участвуют как внутренние (т. е. комбинаторно-позиционные), так и внешние (субстратные) факторы. Комбинаторно-позиционная расположенность [а] к лабиализации могла способствовать эффективному проявлению субстратного воздействия (Щербак, 1970, с. 41). Это послужило основанием для утверждения ученых о том, что в звуковом строе тюркских языков действует общетюркская система соответствий, т. е. общие тенденции, дающие в зависимости от конкретных условий более или менее одинаковые результаты. «Такого рода условия медленно и постепенно назревали в самом языке, и внешние воздействия явились только катализатором, ускорившим эти внутриструктурные процессы» (Иванов С. А., 1980, с. 103).

Итак, лабиализация анлаутных широких гласных — это сугубо специфическое фонетическое явление и, несмотря на множество общих моментов, в различных тюркских языках проявляется по-разному. Если в одних тюркских языках «имеются корни, фонетический облик которых в течение истории не претерпел существенных изменений» (Севортян, 1974, с. 34), то в других — наблюдается обратное явление. Таким образом, в истории

конкретных тюркских языков различные причины обуславливают определенные звуковые изменения, которые совершаются не хаотично, а закономерно. При этом в тех или иных конкретных случаях могут участвовать и внешние факторы, нередко служащие стимулом для распространения фонетического явления лабиализации негубных широких гласных анлаута.

Процесс ослабления первослоговых широких [a] и [э] привел также к появлению полушироких гласных [o] и [ə] во многих древнетюркских односложных, а также многосложных основах. Это было связано с общей тенденцией ослабления анлаута на одной из ранних стадий истории древнеуйгурского языка. При этом важно отметить, что указанное явление уйгурского языка с самого начала не было связано с перестройкой фонологической системы древнеуйгурского языка и трансформация широких гласных [a] и [э] в [o] и [ə] не имела фонологического значения, поскольку такая трансформация корневых гласных с самого начала была связана с позиционными, а также комбинаторными условиями древнеуйгурского языка.

3.2.3. Качественная и количественная редукция инлаутных гласных (синкопа)

История развития фонетики тюркских языков свидетельствует о том, что процесс ослабления и выпадения отдельных звуков или целых слогов в составе ряда слов и словосочетаний встречался почти на всех этапах истории их развития (Стеблева, 1972, с. 208—212).

Как подтверждают многочисленные письменные памятники ранней поры, уже в предыстории уйгурского языка совершался процесс позиционного ослабления качества безударных, а также слабуюдарных гласных, находящихся непосредственно перед сильным ударением в двусложных, а также в позиции между слабым и сильным ударениями в многосложных словах (Рясянен, 1955, с. 47).

Турецкий ученый Талат Текин (1968, с. 73—74) отмечает, что в орхонских памятниках письма имеются почти все разновидности выпадения гласных: синкопа, апокопа, красис и гаплогия. Правда, при объяснении причины выпадения ученый допускает некоторую неточность, связывая ее не с характером распределения сло-

весиого ударения, а с качеством сонорных звуков [p], [л], [н], а также [г], [ґ] и [й].

В качестве примера синкопы гласных можно привести следующие обще- и межтюркские слова, встречающиеся в письменных памятниках как с гласным в середине слова, так и без него: *адурук* — *адрук* 'разный, различный, разнообразный', *буйурук* — *буйрук* 'приказный', *йүгүрук* — *йүгрук* 'быстрый', *сүпүр* — 'мести, подметать', *сүпүрүнді* 'мусор, сор', *ағыры* — *аґры*, *аґру* 'болеть', *ағына* — *ағна* — 'валяться, биться, метаться', *елік* 'самка серны, дикой козы' — ср. *елкі* 'его (ее) коза' и т. д.

Как видно из наших примеров, в определенных словоформах многих древнетюркских слов выпадению подверглись в подавляющем большинстве случаев узкие, т. е. краткие по природе, гласные неполного образования. Открытые гласные полного образования, подвергаясь в слабоударяемом слоге качественному и количественному ослаблению, в той или иной степени сохраняли свое качество. Однако в некоторых случаях выпадение гласного полного образования, как нам представляется, могло произойти только через определенную ступень ослабления этого звука.

Можно полагать, что древнетюркская открытая фонема [а] или [э] второго слога в составе таких слов, как *йалаңуқ* 'человек', *йалаңуз* 'один, единственный', *тыраңақ* 'ногти', *кәкәлік* 'куропатка', могла исчезнуть только через ступень редуцированных [а] или [э], напоминающих на слух закрытые гласные [ы] или [і].

Наличие уже в древнетюркских письменных памятниках наряду с предполагаемой исконной (т. е. полной) формой слов дублетных их форм типа *йалынғуқ*, *йалыңуз*, *тырыңақ*, *кәкілік*, с одной стороны, и *йалңуқ*, *йалңуз* (*йалңус*), *тырңақ* (*тыңрақ*) и *кәклік* — с другой, наводит на мысль о том, что последняя форма указанных слов с «исчезнувшим» [а] и [э] в середине слова могла присутствовать в языке только благодаря сильной редукции этого звука, доходящего до полного исчезновения.

Несколько иначе трактует явление синкопирования узких гласных И. В. Стеблева. Так, причину выпадения узких гласных в середине слова она объясняет фактом регулирующего влияния метров аруза в поэтических текстах «Дивана» Махмуда Кашгарского. По ее мнению, синкопированные гласные являются лишними в схеме

метров и поэтому при скандировании по метру они опускаются: «...подобная практика синкопирования... существовала и в эпоху древнетюркской поэзии в качестве средства темпорального выравнивания разносложных строк» (Стеблева, 1972, с. 212).

Когда речь идет об исчезновении тех или иных гласных в безударной позиции слова, необходимо указать на следующее не менее важное обстоятельство. Как показывают наши наблюдения, выпадение гласного в середине многосложных слов было возможно лишь при условии, если оно не влекло за собой образования нежелательного стечения звуков. В противном случае выпадение гласного, за редким исключением, в указанной позиции слова не наблюдалось.

В результате выпадения гласного в середине слова образовались сочетания согласных звуков, состоящие из одних плавных (в данном случае сонорных): *-лн-, -лң-, -нл-, -рн-, -мр-, -йн-, -йр-,* либо сочетания согласных, вторым компонентом которых являются преимущественно плавные: [л], [н] или [р], т. е. сочетания типа *-др-, -кр-, -чр-, -нр-, -гр-, -гр-, -тр-, -пл-, -гл-, -гн-.* Исключения составляют такие редкие словоформы, как *қапығ—қапғы* 'его (ее) дверь', *елік—елкі* 'его (ее) коза', где стечение согласных *-нғ-* и *-лк-* в середине древнеуйгурских слов, по-видимому, не противоречило закону дистрибуции их в языке той эпохи.

К ним же могут быть отнесены многие слова и словоформы общетюркского происхождения, которые по тем или иным причинам «укоротились» на один слог в середине, а также в конечной позиции слова.

Письменные памятники X—XI вв. свидетельствуют о том, что «укороченню» на один слог в середине многосложных глагольных форм подвергались основы глаголов, оканчивающиеся на сонорные [р] и [л]. Как видно из письменных памятников раннего средневековья, глагольные основы *бар-* от *бармақ* 'идти', *көр-* от *көрмәк* 'видеть', *ал-* от *алмақ* 'брать' и др. в языке X—XI вв. употреблялись как в полной (*барығсады, көругсәді, алығсады*), так и в усеченной форме (*барсады* 'хотеть идти', *көрсәді* 'хотеть видеть', *алсады* 'хотеть брать' и т. д.).

По свидетельству Махмуда Кашгарского (1960, с. 278), как полный, так и стяженный варианты указанных форм глаголов употреблялись в речи факультатив-

но. Ученый пишет: «...вместо *барыґсады, көрүґсәді* можно употреблять формы *барсады, көрсәді...*, но обычно предпочтение отдается первому варианту» (т. е. полной форме, по всей вероятности, отвечающей требованиям традиционного письма в ущерб произношению. — Т. Т.).

К числу слов, сокращенных на один слог в инлауте, можно отнести следующие: *қоғурмач* 'поджаренная пшеница' (совр. *қомач*), *қоғурсақ, қуруғсақ* 'желудок' (совр. *қосақ, қоссақ*), *татығлығ* 'сладкий, вкусный' (совр. *татлық*), *йаңақ* 'сторона' (совр. *йақ* (орф. *яқ*)), *қудуруқ, қузуруқ* 'хвост' (совр. *қу(й)руқ, қуйруқ*), *көпүрүк* 'мост' (совр. *көрүк*), *қарағу* 'слепой, слепец' (совр. *қарғу*) и т. д.

Резюмируя сказанное о синкопировании гласных в уйгурском языке раннего периода, отметим, что редукция гласных слабоударных, а также безударных слогов, начав действовать еще в пратюркскую эпоху и перейдя в древнетюркский, в частности в древнеуйгурский язык, продолжала определять его фонетическую систему не только в дописьменный, но и в начальный исторический период его развития. Однако эта закономерность, по-видимому, с самого начала не была общей для всех тюркоязычных племен, хотя тенденция к ее реализации наблюдалась почти во всех древнетюркских языках. С другой стороны, эта пестрота обусловлена еще и тем, что древнеуйгурский язык, как и другие языки, будучи письменно-литературным языком своей эпохи, представлял собой язык не одного, а разных племен.

В истории тюркских языков можно найти целый ряд отступлений от указанного закона, но проявлялся он более или менее последовательно, что подкрепляется многочисленными примерами из древнетюркских письменных памятников.

Наблюдениями установлено, что в большинстве случаев наличие или отсутствие слабоударных открытых гласных в середине слова тесно связано не только с распределением словесного ударения, но в определенной степени с характером и особенностями дистрибуции указанных гласных с различными согласными. Неудивительно поэтому, что во многих случаях основные сведения из исторической фонетики уйгурского языка позволяют определить характер гласного [а]. Например, в словах *қарчуқ* 'зрачок', *қармуш* 'черный перец', *қарғу* 'слепец, слепой', *қарқат* 'смородина' и другие современ-

ные формы с нулевым гласным [а] восходят к первоначальным формам с редуцированными гласными: *қарачуқ*, *қарағу*, *қара буруч*, *қара қат* и т. д.

Из приведенных примеров видно, что если слова *қарчуқ*, *қарғу* состоят из основы *қара* 'черный', 'смотреть' и словообразовательных элементов *-чуқ* и *-ғу*, то последние два (*қармуш*, *қарақат*) относятся к фонетически стяженным словам, состоящим из компонентов *қара* 'черный' и самостоятельных слов *буруч* 'перец' и *қат* 'ягода'.

Можно полагать, что особое фонетическое положение второслогового [а] при слитном произношении, когда главное ударение перешло на последний слог стяженного (сложного) слова, способствовало значительному качественному изменению лишнего самостоятельного ударения гласного [а] первого компонента слова. В этой, а также аналогичной фонетической позиции наличие открытого гласного [а] в уйгурском произношении сводилось часто до нуля-звука. Однако следует особо отметить, что в силу различных причин правило о редуцированных гласных в уйгурском произношении с самого начала действовало не всегда последовательно и одинаково. Произносят, например, только *қарчуқ*, но наряду с первоначальным *қарилик* 'траурный', *арилик* 'промежуточный, средний' (из др. *қара+лык* и *ара+лык*) — также *қарлик*, *арлик*. При этом следует учитывать и то, что употребление редуцированных гласных во многих случаях может зависеть и от особенностей индивидуальной речи говорящего: *балила* — *балла* 'дети', *калила* — *калла* 'коровы', ибо одна и та же группа согласных для одного может представлять трудность, а для другого — нет. Иногда двоякое произношение возможно у одного и того же лица.

Так, нередко возникают колебания между двумя латеральными [л] в различных жанрах поэтической и прозаической речи, например:

*Тағда яйлиған калла,
Қарғай арилап кәтти.
Йеңи өсмә яш балла,
Жуттин арилип кәтти* (фолькл.).

Дословно: 'Коровы, пасшиеся на летнем пастбище, ушли к елкам, а парни расстались с родным селом'.

Теперь сравним слова *калла* и *балла* в составе следующей пословицы, структурный размер которой, т. е.

метрика, гарантирует сохранение редуцированного гласного [a] в безударном слоге: «*Арпа тапсаң, атқа бә(р), саман йесун калила(р), тапқан нанни өзәң йә, тепип йесун балила(р)*» — 'Если добудешь ячмень — корми им коня, коровы пусть довольствуются соломой, если добудешь хлеб, то ешь сам, а дети пусть сами себя кормят хлебом'.

Необходимо особо отметить, что степень редукции и синкопирования широких гласных зависит и от темпа речи. Так, при обычном, т. е. замедленном темпе речи, широкий гласный второго слога [a] в словах *балалар, калалар*, редуцируясь, произносился как узкий [и]: *балила, калила*. Однако при очень быстром темпе речи указанный гласный в безударном инлаутном слоге, теряя свое качество, редуцируется до нуль-звука: *калла, балла*. Следовательно, в данном случае релевантную фонетическую информацию несет главным образом просодическая модель слова, слога, синтагмы и т. д. Иначе говоря, полный тип произнесения способствует устойчивому восприятию данного отрезка в изолированном произношении слов *кала* и *бала*. Напротив, количественная и качественная редукция, характерная для слабой позиции *кал(и)ла, бал(и)ла*, т. е. *калла, балла*, создает условие для реализации неполного типа. Таким образом, фонетическую цельность слову в уйгурском языке сообщает именно ударение, которое выполняет прежде всего кульминативную и объединяющую функции.

Как было отмечено выше, в качественной редукции гласного [a] в приведенных словах немаловажное значение имеет также дистрибуция консонантных сочетаний *-рч-, -рм-, -рг-*, артикуляция которых в середине слова не представляет особых затруднений.

Таким образом, большое значение приобретает антрофонический фактор при произношении групп согласных, получившихся в результате соединения двух слов или слова с аффиксом словообразования или словоизменения, а также принцип артикуляции звуков.

Памятники древнеуйгурской письменности свидетельствуют о том, что и древние уйгуры подобные сочетания согласных в инлауте, возможно, произносили без особых затруднений, например: *борлуқ* 'виноградник', *курмуш кизіз* 'кошма', *урчуқ* 'веретено', *арғу, қырқыз* — названия племен и т. д.

Анализ фактов на выпадение гласного [a] в древне-

уйгурских словах позволяет предполагать, что открытый гласный [а] преимущественно терял свою качественную неопределенность, исчезал (или подвергался абсорбции) между сонорными [р] + [л], [р] + [м], [р] + [н], а также сонорным и шумными смычными согласными типа [р] + [ч], [р] + [к], [р] + [к], [р] + [д], [р] + [т] и др.

Данное предположение подкрепляется также фактами лексических заимствований из различных языков. Например, в ранних арабских и персидских заимствованиях такие слова, как *һәркәт* 'действие', *барәкә* 'изобилие, достаток', в уйгурском языке произносятся часто без срединного [ә] — *һәркәт*, *беркәт*. И в этом сказывается особенность уйгурской фонетики, допускающей сочетание *рк* в середине слова.

В этом примере, как и в предыдущем, в выпадении безударного [ә] в консонантном окружении не последняя роль принадлежит сонорным согласным (в данном случае сонорному [р]) в сочетании со смычным [к], но не [к] с [р].

Дело в том, что при обратном порядке сочетаний согласных качественная градация открытого гласного имеет несколько иной характер. Это объясняется, очевидно, природной особенностью сонорных согласных, которые при гласном и согласном окружении ведут себя по-разному. Например, в заимствованных словах *ақарәт* 'оскорбление', *шакарап* (перс. *шакар аб*) 'насыщенный соленый раствор', гласный [а] в позиции между шумными смычными [к], [к] и сонорным [р] также подвергается качественной редукции, но не до нуля-звука.

Что же касается редукции узких гласных, то следует заметить, что в древнеуйгурском она носила двоякий характер: краткие по природе узкие гласные в слабом фонетическом положении часто не произносились, в сильном же положении они качественно расширялись.

Во многих современных тюркских языках, как и в современном уйгурском, в коренных двусложных словах с закрытым последним слогом, оканчивающимся сонорными звуками [р], [л], [м], [н] и (в редких случаях) звонким фрикативным [з], при присоединении аффикса, начинающегося гласным звуком, синкопируется узкий гласный последнего слога корня. Например: *бегир* — *бағрим* 'моя печень', *эрик* — *эрким* 'моя воля', *әңил* — *әңлим* 'моя одежда', *орун* — *орнум* 'мое место', *ағиз* — *ағзим* 'мой рот', *исим* — *исми* 'его имя' и т. д.

Однако узкие гласные сохраняют свое качество в условиях, когда к указанным словам, оканчивающимся сонорными согласными, присоединяются аффиксы, начинающиеся согласным звуком, например: *ағизға* (дат. падеж) 'ко рту', *орунларға* 'к местам' и т. д.

Разумеется, синкопа не распространяется на все без исключения случаи, когда слово оканчивается сонорными согласными, например (в уйгурском языке): *отун* — *отунум* 'мои дрова', *совун* — *совунум* 'мое мыло', *апқур* — *апқури* 'его чаша' и т. п.

К сожалению, вопрос о характере редукции и выпадении гласных в древнетюркском, с одной стороны, и в современных тюркских языках — с другой, недостаточно изучен.

Резюмируя сказанное о редукции гласных в анлаутной, а также инлаутной позициях слов, можно сделать следующие выводы. В отличие от большинства тюркских языков в уйгурском гласные слаבודарных, а также безударных слогов подвергаются как количественной, так и качественной редукции. Количественная редукция безударных гласных заключается в том, что последние, по сравнению с ударными, становятся более короткими. Что же касается качественной редукции, то гласные безударных слогов при этом корреспондируют с гласными другого качества.

Так, например, некоторые первослоговые гласные [о], [ə] и [е] являются вторичными: они происходят в основном от древнеуйгурских гласных [а] и [ə]: *бо-ва/бува* 'дед' (др. *баба*), *мома/мума* 'бабушка' (др. *ма-ма*), *қери* 'старый, старик' (др. *қары*), *белиқ* 'рыба' (др. *балық*), *ериқ* 'чистый' (др. *арығ*), *өрүк* 'урюк' (др. *эрүк*), *сөңәк/сүйәк* 'кость' (др. *сәңүк*), *өтүк/үтүк* 'сапоги' (др. *әтүк*) и т. д. То же самое следует сказать и о гласном [и] в середине слова.

Произносимые с меньшим артикуляторным усилием гласные срединных безударных слогов обладают менее выраженным тембром и потому легко подвергаются влиянию соседних звуков, меняют свое качество в зависимости от занимаемой ими позиции в слове и в определенных условиях могут даже выпадать. Последнее непосредственно связано также со стилем произношения — «полным» и «разговорным» (т. е. неполным), впервые разработанным и введенным в обиход Л. В. Щербой. При полном стиле произношения все звуки слова полу-

чают определенную фонемную интерпретацию, тогда как при неполном стиле данный отрезок речи не воспринимается как однозначная фонетическая единица. Судя по письменным памятникам различных времен, можно прийти к выводу о том, что, по-видимому, также проходила качественная и количественная редукция гласных в ранней истории уйгурского, а также других тюркских языков.

3.3. ЯВЛЕНИЕ АПОКОПЫ В ИСТОРИИ УЙГУРСКОГО ЯЗЫКА

3.3.1. Апокопа в сложном аффиксе *-лағу**

Прежде чем приступить к освещению вопроса об апокопе в истории уйгурского языка, необходимо в общих чертах остановиться на вопросе перехода одной части речи в другую, имеющем, как нам представляется, непосредственное отношение к нашей теме.

Ниже мы рассмотрим лишь один из возможных путей транспозиции прилагательных, а также причастий в существительные по способу эллипсиса словосочетаний.

Процесс перехода прилагательных и причастий в существительные, в частности на основе эллипсиса словосочетаний, наблюдается в истории многих языков. Таким способом, например, образовались следующие слова: уйг. *йағлуғу*, *йағлағу*, *йағлағ* (Баскаков, 1939, с. 67; Наджип, 1968, с. 775), куман. *йағлов*, *йавлов* 'сковорода', каз. *саңрав* (орф. *саңрау*), уйг. диал. *сарғу* из др. *саңрағу* 'глухой' и др., потерявшие свое первоначальное лексическое значение формы причастий.

Можно предположить, что на одной из ранних стадий развития древнетюркских языков имело место функционирование прилагательных, образованных сложным по структуре аффиксом *-лағу* (*-ла+ғу*), который употреблялся в сочетании с определяемым словом. В такой конструкции прилагательное выступало в предложениях в роли определения, т. е. в виде «определение+определяемое». Следовательно, таким способом могли образоваться многие общеупотребительные в древнетюркских языках прилагательные: *отлағу йәр* 'место, предназначенное для выпаса скота', *ағылағу шишэк* (Аттухфа,

* Здесь и далее рассматриваются случаи апокопы, связанные только с гласными звуками. Аффиксы приведены только в одном фонетическом варианте.

1969, с. 46) 'плаксивый козленок', т. е. 'плаксивый, плакса', *бозлағу торум* 'базлающий, орущий верблюжонок, т. е. 'орущий, орун' и мн. др.

Аналогичным же образом могли образоваться и такие названия религиозной лексики, как *қыйаматлык* 'посаженная мать, посаженный отец', *Питрау* 'Петров день' в речи крещеных татар, а также *хайматлах* в том же значении в чувашском (Егоров, 1964, с. 289; Сбоев, 1865, с. 36), где налицо результат эллипсиса, поддерживаемый фактом наличия в марийском полных (по-видимому, татарских. — Т. Т.) форм сочетаний слов *кийамат ава* 'посаженная мать' и *кийамат ача* 'посаженный отец'.

Применительно к современному казахскому языку в работе «К вопросу о возможной интерпретации фонетической модификации слова *оглақ/лақ* 'козленок' в тюркских языках» (1980а) мы указывали на такие примеры заимствованной лексики, как *ыстанавай* 'становой пристав', *мунанай* 'меновый двор', *ауылнай* 'аульный староста' и др., где также имеет место процесс перехода прилагательных в существительные на основе эллипсиса словосочетаний.

В дальнейшем в результате выпадения второго компонента, а именно определяемых слов типа *торум, эчикү, шишэк* и т. д., могли образоваться первоначальные полные формы субстантивированных причастий (прилагательных) *ағылағу* 'плаксивый', *бозлағу* 'базлающий', *йағлағу* 'мажущаяся (посуда), смазываемая жиром' и т. д., где еще в значительной степени сохранилось прежнее грамматическое значение указанных слов.

В связи с этим нельзя не согласиться с В. В. Радловым (1897), который указывал на то, что уже в древнейших енисейско-орхонских надписях «каждое прилагательное может применяться и как существительное...» (с. 47). Однако следует подчеркнуть, что уже тогда в истории ряда языков сохранение грамматических значений глагола делает субстантивированные причастия специфической гибридной глагольно-существительной категорией.

Дальнейшее изменение фонетического облика слов на *-лағу*, при котором почти повсеместно выпал финальный гласный сложного аффикса, могло привести к окончательной субстантивации указанных гибридных слов с одновременным изменением их семантики.

Другими словами, в истории уйгурского и других

тюркских языков с изменением фонетического облика прилагательных и причастий одновременно происходило также более или менее значительное изменение их первоначальной семантики, которая в дальнейшем, можно полагать, стала выражать параллельно значения и предмета и признака. По словам Э. В. Севортына (1966), «сосуществование значения предмета и признака в одной именной форме вполне законосообразно и с общетюркологической точки зрения и подтверждается тем общеизвестным фактом, что почти все словообразовательные формы имен исторически... означают как предметы, так и признаки» (с. 54).

Следовательно, так могли образоваться древнетюркские отглагольные имена *бозлағ*, *ағлағ*, *отлағ*, *яйлағ* и многие другие с конкретными лексическими значениями: 'верблюжонок', 'козленок', 'пастбище', 'летовка' и т. д.

Можно предполагать, что явление апокопы, связанное с выпадением безударного узкого гласного в финальной позиции многих слов, характерно почти для всех тюркских языков раннего периода и появилось, по-видимому, еще задолго до написания первых письменных памятников. В связи с этим уместно сослаться на высказывание Махмуда Кашгарского (1960) о том, что булгары, сувары и печенеги, места проживания которых граничат с Румом, говорят на тюркском языке с усеченными в части слов окончаниями (с. 66). Можно не сомневаться в том, что неустойчивость финальных узких гласных в составе сложного аффикса *-лағу* (так же, как и *-ағу*) в безударной слабой позиции имеет прямую связь с фактами, отмеченными Махмудом Кашгарским.

По всей вероятности, в древнетюркских языках, в частности древнеуйгурском, аналогичным путем могли образоваться многие современные формы существительных с ауслутным морфологическим элементом на *-лақ* в словах типа *оғлақ*, который является индифферентным по отношению к прогрессивной губной гармонии гласных во многих тюркских языках.

Таким образом, все сказанное о транспозиции прилагательных, а также причастий в существительные путем эллипсиса словосочетаний и апокопы в субстантивированных словах в результате сдвигов в акцентной структуре древнетюркских языков подтверждает справедливость мнений ученых о том, что «все в природе, а следовательно, и в языке «причинно» «естественно», «за-

конно», «рационально». В языке нет никакого «произвола» (Бодуэн де Куртене, 1881, с. 312).

Итак, примерно с момента выпадения финального безударного гласного в составе сложной аффиксальной морфемы *-лағу* (а также *-ағу*) и окончательного закрепления словесного ударения на первом компоненте *-лағ* появилось колебание в произношении финального согласного аффикса.

На начальном этапе образования сокращенного варианта аффикса в тюркских языках могло иметь место вариантное произношение многих слов с этим аффиксом как со звонкими спирантами [ғ] и [г], так и со смычными глухими [к] и [к']. При этом аффикс *-лағ* по инерции мог некоторое время оставаться частично показателем прилагательного, однако вскоре он перешел в разряд словообразующих формантов существительных. Пожалуй, только в этом правы ученые, которые рассматривают варианты аффиксы типа *-ла(ғ)/-лақ*, а также *-лығ/-лық* с чередующимися финальными согласными [к]—[ғ], а также [к]—[г] в качестве дифференцирующих признаков существительных и прилагательных.

В. В. Радлов (1897) отмечал, что *-лығ* и *-лық* составляют один аффикс, который в древнеуйгурском языке (по терминологии В. В. Радлова — в восточном диалекте) в финале имел глухой согласный, в языке же енисейско-орхонских надписей (по терминологии В. В. Радлова — в среднем диалекте) — звонкий согласный (с. 51). В связи с этим уместно вспомнить и высказывание П. М. Мелиоранского (1905), который также отмечал, что, например, «аффикс *-лығ/-лық* и по функции, и по форме в некоторых даже древних диалектах (уйгурском?) начали смешиваться, между тем как в других (османском, казак-киргизском, казанско-татарском) различались и различаются весьма ясно» (с. 88).

Как видно из нашего краткого обзора, еще в обзорной истории тюркских языков было утрачено различие между словообразовательными формантами с широким вокализмом с финальным глухим смычным [к] и [к'], а также звонким спирантом [ғ] и [г].

Итак, в ряде уйгурских диалектов и говоров словообразовательный элемент *-лағу* (*яғлағу* и *саңрағу*) сохраняется как реликт в составе отдельных словоформ и употребляется в том же значении, что и в древнетюрк-

ских языках, выражая идею обладания чем-либо. Поэтому вполне правомерно допустить, что в современных тюркских языках многие имена содержат в своем составе лабиально дисгармоническую аффиксальную морфему *-лақ* с широким вокализмом, которая закономерно идентифицируется с древнетюркским сложным аффиксом *-лағу*, к настоящему времени сохранившимся в качестве реликтового явления в составе лишь отдельных слов типа *йағлағу* 'сковорода', *саңрағу* 'глухой'.

Правда, на первый взгляд фонетическое преобразование форматива *-лағу* в *-лақ* может показаться неубедительным в связи с тем, что в современном языке обычно отсутствуют языковые элементы, послужившие непосредственной основой для возникновения явления апокопы в указанных словах. Однако это обстоятельство вовсе не отрицает того факта, что слова с предполагаемой полной формой сложного аффикса *-лағу*, как и *-ағу*, продолжают оставаться реальностью. Ибо реальность бытования в древнетюркских языках отглагольного имени *йағлағу* подтверждается наличием «промежуточной» формы слова в письменных памятниках различных времен. Так, например, в знаменитом памятнике тюркоязычной письменности XIV в. «Кодекс куманикус» мы обнаруживаем формы слов *йағлав*, а также *йавлов* с лексическим значением 'сковорода'. Здесь в отличие от уйгурской диалектной формы слова *йағлиғу* обнаруживается структурное своеобразие не только в виде сокращения ее на один слог за счет выпадения финального узкого гласного, но и образования нового «полузакрытого» ауслаутного слога за счет чередования финального [ғ] с [в].

Анализ путей фонетической модификации древнетюркского слова *йағлағу* свидетельствует о том, что в обоих случаях мы имеем дело с закономерным фонетическим изменением согласного [ғ] в [в]. Согласно фонетическим особенностям кыпчакских тюркских языков, в частности казахского, древнетюркское слово *сағрығу* 'глухой' также преобразовалось в современную форму *саңрау* и *сарғу* (Радлов, 1905, с. 288; Аттухфа, 1968, с. 13).

Резюмируя сказанное о форме слова с аффиксальной морфемой на *-лағу* и *-лақ*, отметим, что исследования подобных реликтовых явлений имеют, по нашему убеждению, огромное значение для тюркологии. Они дадут

возможность по-новому оценить известные результаты как фонетических и семантических, так и словообразовательных процессов в тюркских языках.

В ряде случаев неточное отнесение различных по происхождению словообразовательных элементов *-лақ* и *-лық* к априорно взятой «единой» праязыковой форме и идентификация их в тюркских языках нередко приводит к смешению указанных аффиксов, встречающихся в топонимических названиях *Ташлақ* (ср. каз. *Тастақ*) и *ташлық* 'каменистое место, местность, изобилующая камнями'. Так, например, в отдельных трудах топонимы *Ташлақ* и *ташлық* считаются формами с адекватными лексическими значениями. Однако лексический, а также морфологический анализ указанных словоформ убеждает нас в том, что *Ташлақ* и *ташлық* — это не только разные словоформы из разных источников, но и слова, принадлежащие к разным грамматическим категориям: в одном случае — к глагольной основе *ташла-* от *ташламақ* 'покинуть, оставить, забросить', а в другом — к именной основе *таш* 'камень'. Следовательно, аффиксы *-лақ* и *-лық* в приведенных выше словоформах исторически являются разными не только по звуковому составу, но и по значению. Последнее обстоятельство подтверждается мнением В. Котвича (1962) о том, что «разные суффиксы иногда настолько совпадают фонетически и семантически, что создается впечатление общности их происхождения. Чаще всего это наблюдается в аффиксах, которые отличаются друг от друга только по степени открытости образования входящих в них гласных» (с. 57).

И действительно, в уйгурском языке, как и в других тюркских языках, имеется ряд словоформ, которые различаются между собой лишь содержанием аффиксального вокализма. Например: *күзлүк* 'осенний' — *күзләк* 'место осеннего пребывания', *отлуқ* 'травянистый' (место, изобилующее травой) — *отлақ* 'место для выпаса скота', *қишлиқ* 'зимний' — *қишлақ* 'место зимовки', *язлиқ* 'летний' — *яйлақ* (язлақ) 'место летовки', *тузлук* 'соленый' — *тузлақ* 'продукт, предназначенный для соления и вяления' и т. д.

Из примеров видно, что семантика аффиксов *-лақ* и *-лық* в современном языке совершенно не совпадает. По-видимому, не совпадала она и в древнетюркских языках,

по крайней мере, в периоды создания наиболее ранних письменных памятников.

В связи с этим уместно отметить, что аффикс *-лық* в уйгурском языке полностью сохранил свою древнюю форму, в то время как в большинстве тюркских языков в результате исторического развития этот аффикс с узким вокализмом лишился финального консонантного элемента [к].

Согласно А. Н. Кононову (1956), в тюркских языках «в историческом плане отпадение конечного согласного *к/г* имело весьма широкое распространение» (с. 35). Так же обстояло дело со сложным аффиксом *-лақ* с широким вокализмом, в котором финальный увулярный [к] или заднеязычный [к] имеет исключительную позиционную устойчивость почти во всех тюркских языках. Это также подтверждает наше предположение о развитии аффикса *-лақ* из другого источника, исторически не совпадающего с аффиксом *-лық*. А. П. Дульзон (1971) писал по этому поводу: «Не следует смешивать этот словообразовательный компонент (т. е. аффикс *-лақ*. — Т. Т.) с *-лық* — гласные в них восходят к различным архетипам...» (с. 24).

Итак, нам представляется возможным утверждать, что слова, образованные при помощи указанных аффиксов, не могут считаться омоформами. Что же касается аффикса *-лақ*, в составе таких слов, как *оғлақ*, то он также не может считаться показателем уменьшительного аффикса в аналогичных образованиях.

3.3.2. Апокопа в сложном аффиксе *-ағу*, образующем порядковые числительные

В связи с рассмотренным выше вопросом об апокопе в сложном аффиксе *-лағу* в истории тюркских языков следует говорить также о его разновидности — аффиксе *-ағу*, при помощи которого в древнетюркских языках от количественных числительных образовывались собирательные числительные.

Функционирование сложного по структуре словообразующего аффикса *-ағу* в языке древнетюркских племен раннего периода хорошо прослеживается на фактах письменных памятников исторически обозримого периода. Относительно сложного характера этого аффикса тюркологи придерживаются единого мнения, об-

наруживая расхождения лишь в частных вопросах, касающихся структуры аффикса. Так, В. Ш. Псянчин (1975) утверждает, что финальный гласный древнетюркского аффикса собирательных числительных *-агу* восходит к аффиксу притяжательности 3-го лица (с. 72). Для подтверждения своего мнения В. Ш. Псянчин приводит отмеченный Э. Р. Тенишевым и Б. Х. Тодаевой (1966) факт наличия в языке желтых уйгуров собирательного числительного *ышк-го* 'вдвоем', где, однако, «в сочетании с именем существительным данный аффикс (т. е. *-го*. — Т. Т.) опускается и получает форму *ушкосы* (*уш қысы*) 'три человека' (втроем), *торткысы* 'четыре человека' (вчетвером)» (с. 22—23).

Здесь нет необходимости доказывать, что в форме числительных *ушкосы*, *торткысы* в языке желтых уйгуров мы имеем дело с аффиксом *-агу* собирательных числительных в палатализованном варианте, осложненном притяжательным аффиксом 3-го лица (*үчәгуסי*, *төртәгуסי* и т. д.), а не с другим аффиксом, употребляющимся в сочетании с именем существительным.

Фонетическую модификацию форм числительных типа *үчәгуסי* в *ушкосы* в языке желтых уйгуров можно объяснить тем, что выпадение медиального безударного гласного привело к структурному сокращению и образованию специфической формы числительных. Что же касается мнения В. Ш. Псянчина (1975) о том, что собирательные числительные «образуются путем прибавления к количественным числительным особого аффикса *-ау* (*-ағ*), *-әу* (*-әг*)» (с. 73), то его следует считать неточным, ибо, как отмечалось выше, в тюркских языках количественные числительные первой десятки образовались при помощи сложного по структуре аффикса *-агу*: *бирәгу*, *икәгу*, *үчәгу*, *төртәгу*, *бәшәгу*, *алтагу*, *йәтәгу*, *сәксәгу*, *тоқсагу* (Brockelmann, 1954, с. 162—163).

Правда, на этот счет имеется другое мнение ученых, согласно которому, первичной является форма количественных числительных не на *-агу*, а на *-агун*, встретившаяся только однажды в рунических письменных памятниках и выполняющая роль субстантивированного имени числительного в форме *үчәгун* 'трое, все трое, втроем'. По А. Н. Кононову (1980), «дальнейшее закономерное фонетическое развитие этого аффикса (т. е. аффикса *-әгун*. — Т. Т.) шло следующим путем: *агун* >

>-əgʏn>-aɣʏ>-əgʏ» (с. 114), а по Ф. Г. Исхакову (1956в) — °gʏn > °gʏ > °vy > °v > -y > ʏ (с. 195—200).

В разных тюркских языках (нередко в одном и том же языке) указанный аффикс выступает в различной модификации, например: желт. уйг. *işkege*, *işkego*, *işkegy* (Радлов, 1893, с. 1417), *işkego* (Малов, 1957, с. 33), где еще сохраняется этимологический гласный в абсолютном исходе древнетюркского аффикса числительных -aɣʏ. Что же касается татарского, башкирского, а также казахского языков, то в них этот аффикс стал короче на один слог за счет выпадения финального гласного -aʏ/-əʏ (-eʏ). Сюда же можно, видимо, отнести и современное вопросительное числительное *nəçə* 'сколько' имеющее, по словам Н. К. Дмитриева, вариант *ne çaty*, по отношению к которому современная казахская форма числительного *нешев* (орф. *нешеу*) является апокопированной, а совр. уйг. *nəççə*, тат. *ничə*, баш. *нисə*, кара-калп., кирг. *неше*, азерб. *нече* — дальнейшей ступенью его изменения.

Следует сказать, что в истории тюркских языков фонетическое преобразование древнего сложного аффикса количественных числительных не ограничивалось лишь явлением апокопы. Почти во всех тюркских языках бывший этимологический увулярный [к], а также заднеязычный [к] после выпадения финального безударного [ʏ], оказавшись в финале, спирантизовался и перешел в губно-зубной [в]. Более того, в отдельных тюркских языках финальный согласный через ступень спирантизации вокализовался, образовав, таким образом, специфические формы числительных *бирə* (вм. др. *бирəgʏ*), *икə* (вм. др. *икəgʏ*) и т. д. Преобразование древнетюркского сложного аффикса -aɣʏ в вокалический элемент -o/-ə в истории ряда тюркских языков весьма своеобразно проходило в якутском языке. Так, в последнем древнее звуковое сочетание -aɣʏ в финале слова в зависимости от вокализма начального слога перешло в -*ыа*, -*уо* или -*үө*, -*иə*, например: *алтыа* 'шестеро', *бəһиə* 'пятеро' и т. д. (Дьячковский, 1982, с. 48; Иванов С. А., 1980, с. 122).

3.3.3. Апокопа в аффиксе -ақы, образующем имена существительные и наречия

Несколько слов о явлении апокопы в отдельных наречиях, прилагательных, а также существительных, образованных при помощи древнетюркского сложного словообразовательного аффикса -ағу с его фонетическим вариантом -ақы.

Явление апокопы в словах, содержащих этот аффикс, как и другие фонетические явления, не носило в тюркских языках всеобщего характера. Имеются случаи, когда сложный аффикс -ағу в долгой истории тюркских языков в составе отдельных слов сохранял структуру двусложного аффикса. К числу таких праформ можно отнести следующие формы слов в современном уйгурском языке: *бузақи* 'шалун, распутный, развратный', *ойнақи/ойнақ* 'резвый, игривый' (Наджип, 1968, с. 115). Например: *Улар мингән ойнақи атлар йолға сифишмайдиғандәк... келишмәктә* (КТ, 1979, 10 февраль) 'Резвые кони, на которых ехали они,... шли, как будто бы дорога им мала'; *Март шамилли гүрүлдәп салди ойнақ, Долқунлири үзләрни чайқап өтәр* 'Мартовский ветер дует резвясь, а волны его по лицу глядят нежно' — ср. каз.: *Ойнақы, сауықшыл жігіт Өтегелді ноғай аулының өз кісісі боп кеткен адам* 'Джигит Отегелды, игривый и весельчак, был своим человеком в ногайском ауле'. К ним же относятся параллельные формы слов типа узб. *йиғлоқи/йиғлоқ* 'плаксивый, плакса' (УТИЛ, 1981, с. 351) и др.

Можно полагать, что древнетюркское прилагательное *ойнақы* 'игривый, кокетливый' уже ко времени появления «Дивана» Махмуда Кашгарского имело апокопированную форму *ойнақ*, например: *ойнақ, ишләр* 'кокетливая, игривая женщина' (МК, 1960, с. 142). Однако в указанном сочинении отмечаются случаи, когда вместо ожидаемой усеченной формы аналогичных слов встречается их полная форма. Например, *озақы билгәләр* 'прежние мудрецы' (МК, 1960, с. 115, 367) — ср. совр. *озуқ* 'превосходящий, обгоняющий', *ойнағу йәр* 'место для игры' (МК, 1960, с. 142).

Таким образом, формант -ақы, выступающий в отмеченных выше словах как показатель аффикса прилагательного, является ничем иным, как слегка модифи-

цированной разновидностью древнетюркского словообразующего аффикса прилагательных *-ағу*. Важно при этом отметить, что аффикс *-ақы*, как реликт, сохранившийся в современных словах *бузақи*, *ойнақи* и др., отражает древнетюркскую структуру двусложного аффикса.

В древнетюркских языках при помощи сложного аффикса *-ағуы* образовались такие общеупотребительные наречия, как *йырақ/ырақ* 'дальний, далекий' (ДТС, 1969, с. 268), *узақ* 'долгий, продолжительный' (ДТС, 1969, с. 620), которые, возможно, восходят к полной форме слов *йырақы*, *узақы*. Древнетюркское слово *озақы*, *озағы* в значении 'прежний, давний' употреблялось в письменных памятниках раннего средневековья (ДТС, 1969, с. 375). Насколько нам известно, древнетюркское слово *озақы* 'минувший' встречается в знаменитом «Сирадж аль-Кулуб» (в переводе «Көңүлләр чырағы» — «Светоч сердец») (Наджип, 1975, с. 23).

В современном уйгурском языке и его диалектах слово *озағы* представлено в формах *оза* 'в позапрошлом году', *озақи* 'в позапрошлый' (УРС, 1961, с. 140). По всей вероятности, сюда же можно отнести слово *узақ* 'долгий, долго, продолжительный, длительный', встречающееся во многих современных тюркских языках. Нам представляется, что как *озақ*, *оза*, так и *узақ* в генетическом плане восходят к единому первоисточнику *узағу/озағу*, употреблявшемуся в древнетюркских языках в значении 'удалившийся, минувший'.

Не исключено, что древнетюркская форма слова *узағу* в результате различных изменений в истории уйгурского языка в одном случае сократилась до современного *оза* 'в позапрошлом году', *озақун* (от *озағу күн*), 'позавчера', в другом — до формы *узақ*, за которой закрепилось значение наречия 'долгий, продолжительный, длительный, долго, далеко' (ср. тат. *озақ* 'долго'). Что же касается древнеуйгурской полной формы слова *озақы*, то в ней стабилизировалось лексическое значение 'позапрошлый год, позапрошлогодний'.

На основе сказанного можно предполагать, что аффиксальная морфема *-қы*, встречающаяся в таких наречных словоформах уйгурского языка, как *бултуқи* 'прошлогодний', *бийилқи* 'этого года, ныне, в этом году', *түнүгүнқи* 'вчерашний', *этики* 'завтрашний' и т. д., является, по-видимому, деформированной разновидностью древнего аффикса на *-ғу* с фонетическими разновидностями. Этот аффикс в истории отдельных тюркских язы-

ков, в том числе и уйгурского, подвергаясь фонетическому изменению, сохранил лишь палатально-велярный вариант *-қи* и *-ки*, а в казахском — *-ғы* и *-гі*, пополняя тем самым число иллабиально-индифферентных аффиксов в последнем.

В историческом плане много интересного в фонетической модификации таит в себе также общетюркское слово *ырақ/йырақ* 'дальний, далекий' (ДТС, 1969, с. 268) в современных тюркских языках. Дело в том, что это слово в современном алтайском, якутском, киргизском, а также туркменском языках употребляется в форме *ыраак* без инициального [й], но с пролонгированным ауслautным гласным [а], в то время как в большинстве тюркских языков оно встречается с инициальным [й] в форме *йырақ*, но с гласным [а] нормальной долготы в ауслaute. Такие расхождения в фонетическом оформлении этого слова в различных тюркских языках послужили ученым основой для предположения о том, что в ауслaute оно могло иметь первичную (или древнетюркскую) долготу.

Не оспаривая правильности такого объяснения долготы ауслautного [а] в слове *ыраак* в отдельных тюркских языках, предлагаем иную трактовку этого явления.

Как нам представляется, на одной из ранних стадий развития тюркских языков общетюркское слово *ырақ* могло иметь полную форму — *ырағу*. Как и слово *озағу*, словоформа *ырағу* могла состоять из элемента *ыр-/йыр-* (от *ырмақ/йырмақ*) 'удаляться' (МК, 1963, с. 97). Словоформа *ырағу* является сочетанием глагольной основы и сложного аффиксального элемента *-ағу*, образующего в древнетюркских языках производные прилагательные, а также существительные от некоторых глагольных основ. Что же касается вопроса о долготе [а] в ауслaute слова *ыраак* в туркменском языке, то она, по-видимому, объясняется не только положением гласного в сильном ударном слоге, но и качественным рефлексом выпавшего безударного финального [у]. Здесь следует сослаться на факты появления долготы ауслautного широкого гласного в аналогичных словоформах в хакасском и тофаларском языках (Рассадин, 1971, с. 43; 1978, с. 20, 37), объясняющиеся положением широкого гласного [а] в позиции перед узким гласным (Боргояков, 1966, с. 82, 86, 88—89). Не исключена возможность, что в древнетюркских языках интервокаль-

ный [а] в позиции между природно краткими гласными, после анлаутного [ы], а также перед ауслаутным [у] в ударном слоге произносился наиболее четко и ясно, контрастно выделяясь на фоне окружающих его узких гласных. Фонетическая ситуация, сложившаяся после отпадения безударного финального [у], способствовала сохранению сонорности ударного гласного [а] путем его эмфатического удлинения. Пожалуй, только так можно объяснить причину долгого произношения широкого ауслаутного гласного [а] в слове *ыраак* в отдельных тюркских языках.

Заметим также, что наиболее краткое произношение инициального узкого [ы] в слабоударном анлауте древнетюркских языков могло послужить основой для появления протетического [й] с последующим переходом его в [ж] в отдельных тюркских языках. Последний (т. е. [й]), можно полагать, в древнетюркских языках служил для поддержания необходимой акустической мощи краткого [ы] в указанной позиции.

Исходя из всего сказанного, отметим, что вряд ли правильно считать современную форму прилагательного *ыраакы* 'дальний, далекий' (кирг.) (Юдахин, 1965, с. 934), *ырақы* (тув.), *ырахы* (хак.) вторичными прилагательными, как это делают некоторые ученые. Как нам представляется, форма слова *йырақы* в киргизском, тувинском и хакасском языках — это слегка модифицированная разновидность слова *йырағу* в письменных памятниках древности.

На основе факта существования предполагаемой нами праформы древнетюркского прилагательного *йырағу* в отмеченных выше тюркских языках с большей долей вероятности можем утверждать, что данная форма слова присуща также и уйгурскому языку. Так, в уйгурском встречается полная форма слова *йырақы* в следующем примере из устного народного творчества:

*Өй йирақи болса болсун,
Көнүл йирақи болмисун.
'Пусть будут дальними наши дома,
Лишь бы были близки наши сердца'.*

Нам представляется неправомерным идентифицировать в приведенном примере сочетание слов *өй йирақи* с изафетной конструкцией типа *өй чирағи* 'домашний свечок', так как, заменяя изафетное сочетание *өй чирағи*

простым сочетанием *өй чирақ*, мы искажаем смысл изафетного сочетания. Иначе обстоит дело с простым сочетанием *өй йирақи, көнүл йирақи*, где в результате усеечения финального гласного во втором слоге *йирақи* практически не искажается смысл стихотворения. Таким образом, в стихотворной форме прилагательного *йирақи*, по-видимому, мы имеем дело с праформой указанного слова, а в современном *йирақ* — с апокопированной формой.

Когда речь идет о «необычных» с точки зрения современного языка формах слов, неоспоримым остается тот факт, что современные диалекты и говоры отдельных тюркских языков порою сохраняют более древние, «законсервированные» в языке, формы отдельных слов и словоформ, чем древнетюркские письменные памятники различных эпох. Другими словами, «в современных тюркских языках встречаются такие архаичные явления, которых нет в орхоно-енисейских памятниках» (Ширалиев, Асадуллаев, 1970, с. 9). К числу таких явлений можно отнести современное общетюркское слово *бөрк* 'шапка'. Это слово развилось из некогда полной формы слова. В результате различных изменений, происшедших в древнетюркских языках, оно дошло до нас не только в максимально сокращенном варианте *бөрк, бөк*, но и в форме мишарского *бүрек/бүрке* (Махмутова, 1979, с. 159) с результатом метатезы, а также в форме *бүркәк*, являющейся по отношению к *бөрк* промежуточной на пути дальнейшей фонетической модификации слова.

Известно, что слово *бүркәк* 'шапка' как реликт сохраняется в языке небольшого тюркоязычного племени хотон, проживающего на территории современной Монголии. Наличие в языке данного племени весьма своеобразной формы слова *бүркәк*, в отличие от формы слова *бөрк* в остальных тюркских языках явно наводит на мысль о том, что в хотонском варианте слова, по-видимому, мы имеем дело с промежуточной формой древнетюркского слова *бүркәгү (нәң)* '(нечто) покрывающее, закутывающее' от *бүркәмәк* 'покрывать, закутывать', которое сохранилось как реликт в современной якутской форме слова *бэргэһэ* 'шапка'.

Аналогично можно объяснить и телеутскую апокопированную форму слова *чабак* 'высокая шапка', которую правомерно возводить к предполагаемой нами пол-

ной форме якутского слова *дьабака* (уст.) 'старинная якутская меховая шапка', восходящей, по всей вероятности, к общетюркской глагольной основе *йап-* 'покрыть, накрыть'.

Если принять за основу данную этимологию якутского отглагольного имени *дьабака* от древнетюркского *йап-*, то уместно говорить также и об уйгурском диалектном названии *шапақ* 'головной убор без подкладки' (Наджип, 1968, с. 540), употребляющемся параллельно с *бөрүк* 'шапка' (с. 208) в литературном языке. В случае диалектной формы слова *шапақ* мы имеем дело не только с апокопированной, как в телеутском, разновидностью древнетюркского слова *йапагу*, но и результатом исторического перехода инициального среднеязычного спиранта [й] в шипящий спирант [ш] по образцу аналогичного перехода в словах типа *йалаң—шалаң* 'редкий', *йәшмәк—шәшмәк* 'развязать, раздевать' в уйгурском языке.

Поскольку речь идет о сохранившихся в якутском языке древнетюркских полных формах слов, следует указать также на прилагательное *шәпшәк* 'легкомысленный, ветреный' в уйгурском языке (ср. якут. *чәпчәки*), которое, как нам представляется, является апокопированной формой в истории уйгурского языка.

Лингвистический материал, имеющийся в нашем распоряжении, свидетельствует о том, что в современном уйгурском языке, как и в ряде тюркских, финальный увулярный [к] и заднеязычный [к] в составе ряда аффиксальных морфем *-ақ* и *-әк* не являются исконными, а представляют собой оглушенные в сильном подударном слоге разновидности этимологических [ғ], а также [г], оказавшиеся в этой позиции в результате апокопы.

Интересны, например, изменения звукового состава аффикса *-агу/-әгу* в отдельных словах в различных говорах уйгурского языка.

Так, в большинстве говоров фонетическое изменение древнетюркского слова *сакнагу* 'ноктед' шло по линии его укорачивания на один слог за счет выпадения конечного безударного узкого гласного (как это произошло, например, в древнетюркских словах *бузагу* 'теленки', *биләгу* 'точильный камень', а также спонантизации и палатализации заднеязычного смычного [к] в среднеязычный [й]). В результате такого изменения мы имеем в современном уйгурском языке форму слова

сэйнэк < *сэкнэгү*. Что же касается южных говоров, то в них гласные ударных, а также безударных словов, находящиеся на противоположных полюсах древнетюркского слова *сэкнэгү*, подверглись определенной качественной модификации. В результате этого инлаутный широкий гласный в безударном слоге, редуцируясь, перешел в узкий [и], а этимологически узкий ауслаутный гласный [ү] в условиях сильного акцента, качественно модифицируясь, превратился в широкий [э]. Так появилась форма слова *сэйнига*, которая встречается в основном в произведениях классической литературы.

Когда речь идет о явлении стяжения двусложных аффиксов в истории тюркских языков, нельзя не указать на аналогичное явление в монгольских языках. Так, по свидетельству Г. Д. Санжеева (1977), процесс стяжения двусложных аффиксальных морфем *-агу*, *-угу* в *-ау* и *-уу* в монгольских языках происходил в исторически обозримое время. Причем, «если пишущим в ранний ойратский период были понятны явления *ау* > *агу* и *уу* > *угу* и т. д., то пишущим более позднего ойратского периода, например, в Тарбагатае и особенно на Волге в XIX в., эти явления уже стали неизвестными» (с. 102).

По всей вероятности, также обстоит дело и с древнетюркскими языками, в которых в отличие от монгольских языков процесс апокопы возник, по-видимому, задолго до появления наиболее ранних письменных памятников, т. е. в доисторический период. По этой причине тюркологическая наука до сих пор почти не располагает надежными данными о некогда существовавших в древнетюркских языках «праформах» многих формативов. Однако бытование на одной из ранних стадий развития тюркских языков предполагаемых ныне праформ устанавливается на фактах наличия в отдельных языках реликтовых явлений. Таким образом, на основе этих скудных лингвистических данных все же удастся реконструировать отдельные форманты на уровне «праформ».

Дальнейшее изменение в финале слова не ограничилось лишь явлением апокопы. В ряде случаев финальный [ɣ], а также [ɣ], как было сказано выше, в связи с фонетической модификацией сложного аффикса *-лағу* переходил в сильный глухой смычный [к] или [к]. Однако в ряде случаев финальные согласные, развиваясь по линии спонтизации, переходили в отдельных гово-

рах в билабиальный [в] или среднеязычный спирант [й].

Как конечный результат исторического преобразования финального [ɸ] и [ɣ] по линии спирализации следует рассматривать вокализацию последних. Например:

[ɸ], [ɣ] > [в]: *бірәгу* 'один, некто' (ДТС, 1969, с. 101) — ср. уйг. диал. *бирәв*, *бирө*; *қырагу* 'иной, изморозь' (ДТС, 1969, с. 445) — ср. уйг. диал. *қирав*, *қиро*; *буқагу* 'колодки, надеваемые на шею вора' (МК, 1960, с. 417) — ср. каз. *бугау*; *тірәгу* 'подпорка, столб' (МК, 1960, с. 418) — ср. уйг. *тирәк*, каз. *тіреу* и т. д.;

[ɸ], [ɣ] > [й]: *бузагу* 'теленос' (МК, 1960, с. 417), *бузаву* (Zajackowski, 1958, с. 16) — ср. уйг. *мозай*, каз. *бұзау*, *бызау*, узб. *бузоқ*, лобн. *бузу* (Малов, 1956, с. 95); *күсәгу* 'кочерга' (МК, 1960, с. 418) — ср. уйг. *көсәй*, каз. *көсеу*; *біләгу* 'точильный камень' (ДТС, 1969, с. 99) — ср. уйг. *биләй*, каз. диал. *білеу*; *іңәгу* 'внутренности' (ДТС, 1969, с. 201) — ср. уйг. *үңәй*, диал. *үңик*, каз. *ішек*, *шек*, кирг. *иче*, сарыг-юг. *еңікы*, *іңәгә*, *іңікі* (Малов, 1957, с. 32), лобн. *үңөгү* (Малов, 1956, с. 183), чаг. *үңәй*, *ичәк*, *ичәгу* и т. д. К ним относятся диалектные формы числительных типа уйгурского *икәйлән* 'вдвоем', *үңәйлән* 'втроем', где нередко среднеязычный спирант [й] в середине слова вокализуется, образуя диалектные варианты слов *икәулән*, *иккүлән*, *икилән* (Brockelmann, 1954, с. 162—163).

Кроме отмеченных выше случаев, следует указать также на отдельные факты апокопы, в результате которой увулярный согласный, оказавшийся в финальной позиции слова после выпадения конечного узкого гласного, в истории развития уйгурского языка перешел в шипящий спирант [ш], а в отдельных случаях — и в носовой сонант [ң]. Здесь особо следует остановиться на прилагательном *охшаш*, которое в этимологических разработках ученых еще не получило полного объяснения (Севортян, 1974, с. 419—420).

Как известно, современная форма слова *охшаш* 'похожий, сходный, одинаковый' уйгурского, а также ряда других тюркских языков в ранних письменных памятниках встречается в форме *охшағ* (ДТС, 1969, с. 374) с финальным увулярным звонким согласным [ɣ]. К сожалению, по неизвестной причине эта форма слова отсутствует в «Этимологическом словаре» Э. В. Севортяна, что и способствует, видимо, недостаточной его этимоло-

логизации, требующей дополнительных изысканий и детализации фонетического изменения древнетюркской формы слова *охшағ* в современную *охшаш* в истории ряда тюркских языков. Нам представляется возможным предполагать, что в наиболее ранней истории тюркских языков оно имело полную форму в виде *охшағу* с финальным узким гласным [у]. В дальнейшем в результате апокопы, связанной с удержанием главного ударения на предпоследнем слоге, древнетюркская форма слова *охшағу* превратилась в форму *охшағ*, отраженную в ранних письменных памятниках. Дальнейшая судьба финального [ғ] в тюркских языках предопределялась характером проявления ударения. В тех тюркских языках, в которых ударение выделялось более или менее сильно, финальный увулярный [ғ] перешел в шипящий спирант [ш]. Так могла образоваться современная форма слова *охшаш* в уйгурском и других тюркских языках. Что же касается тюркских языков, где словесное ударение по тем или иным причинам локализовалось на предшествующем слоге, то в них могла образоваться своеобразная форма слова без финального согласного *охші*, встречающаяся, например, в судебных актах из Каменец-Подольска (Севортян, 1974, с. 420). Наше предположение о звуковом переходе [ғ], [к], [к] > [ч], [ш] основано на известных примерах межтюркских соответствий типа др. тюрк. *соруғ* 'расспросы' (ДТС, 1969, с. 509) — ср. уйг. *сорақ*, гаг. *соруи* 'вопрос'; др.-тюрк. *чалпақ ыш* 'запутанное дело' (ДТС, 1969, с. 137) — ср. уйг. *чәлпәш иш* в том же значении; др.-тюрк. *булғануқ* 'мутный, грязный' (ДТС, 1969, с. 122) — ср. каз. *былғаныш* и т. д.

Кроме отмеченных случаев в уйгурском языке и его диалектах имеет место выпадение финального увулярного [ғ], а также заднеязычного [г], оказавшихся в этой позиции после апокопы этимологического [у] и [ү]. В этом случае указанные согласные через ступень спрантизации нередко выпадают. Например:

[ғ], [г] > ноль-звук: др. *қырағу* 'иней, изморозь' (МК, 1960, с. 417) — уйг. лит. *қиру*, диал. *қиро*, *қирав*; *тумағу* 'насморк, простуда' (МК, 1960, с. 418) — уйг. лит. *туму*, диал. *тумув* (УХРЛ, 1953, с. 201), *тума*; *тақағу*, *тақығу* 'курица' (МК, 1960, с. 417) — уйг. лит. *тоху*, диал. *тоха*, лобн. *тақо* и др.

Как видно из наших примеров, в пратюркском языке

словоформ, содержащих формант *-агу/-эгү*, было гораздо больше, чем зафиксировано в известных памятниках письма. Такое утверждение основано на том, что конкретный памятник письма является лишь отражением состояния языка обозреваемого исторического периода на определенном этапе.

3.3.4. Апокопа в аффиксе *-гу*

В связи с чередованием увулярных согласных со спирантом [ш] в финале ряда древнетюркских слов укажем еще на один случай такого чередования, имеющего, на наш взгляд, немаловажное значение. Речь идет о современном слове *қуш* 'птица', употребляемом в качестве второго компонента многих названий птиц. Касаясь этимологии названия 'лебедь' в уйгурском языке, Г. Садвакасов (1977) резонно утверждает, что второй компонент сложного по структуре названия *аққуш* восходит не к слову *қуш* 'птица', а к древнетюркскому *қуғу—қу*. Как утверждает ученый, «звуковое оформление в виде *аққуш* (вместо *аққу* или *ақ қуғу*) оно могло получить по аналогии с такими названиями птиц, как *һуқуш*, *саққуш*, *қарықуш*, *тоғықуш*, *төгіқуш* и т. д.» (с. 45). Не отвергая такого объяснения, мы склонны, однако, допустить, что в данном случае имеем дело не с аналогией, а с закономерным фонетическим развитием древнетюркского *қуғу* в *қуш*.

Нам представляется возможным, что современная форма слова *қуш* является дальнейшей модификацией древнетюркского слова *қуғу*, которое, по-видимому, первоначально означало всякую дичь, пернатых. В дальнейшем фонетическое развитие древнетюркского слова *қуғу* шло по линии укорачивания его структуры за счет апокопы, т. е. «отсечения» финального узкого гласного. Слово *қуғу* претерпело также и определенное семантическое изменение, т. е. сузилось прежнее значение, выражавшее идею общего названия птиц. На фонетическом уровне изменилось не только количество слогов, но и (что немаловажно!) структура слога: вместо двух открытых слогов (*қу—ғу*) появился один слог (*қуғ*) с закрытослоговой структурой. В дальнейшем финальный увулярный [ғ] в истории конкретных тюркских языков модифицировался по-разному, сообразно особенностям их акцентной структуры. Так, если в одних тюркских языках фи-

нальный [ғ] спирантизовался и перешел в губно-губной спирант [в], то в других его развитие шло по линии перехода в [ч] или [ш]. Так могло образоваться современное название птиц *қуш*, *құс* в одних тюркских языках и *кув* в составе таких названий птиц, как уйг. *аққуш*, каз. *аққув* (лит.-орф. *аққу*) и т. д.

3.3.5. Апокопа в аффиксе -(а)шы

Рассмотрим еще один пример апокопы в древнетюркских языках. Речь идет о древнетюркском слове *тутшы*, отраженном в «Диване» Махмуда Кашгарского и употребляемом в значении 'соседний, смежный, сопряженный' (ДТС, 1969, с. 592). Например: *аның йері менің йерка тутшы ол* 'его земля соседняя с моей' (МК, 1960, с. 399).

В современных тюркских языках, в частности в уйгурском и казахском, древнетюркское слово *тутшы* встречается в несколько иной форме — уйг. *туташ*, каз. *тутас*.

Основываясь на единственном факте наличия в одном из древних письменных памятников раннего средневековья — в «Диване» Махмуда Кашгарского — формы слова *тутшы* и сравнивая ее с современными *туташ* и *тутас*, можно было бы говорить о явлении контактной метатезы, имевшей место в истории уйгурского и казахского языков. Однако наличие в других письменных памятниках XI в., в частности в «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагунского, предполагаемой нами наиболее полной формы слова *туташы* в том же значении, что и в «Диване» Махмуда Кашгарского (ПДП, 1951, с. 434), позволяет нам говорить не о метатезе в указанном слове, а о явлении апокопы в древнетюркских языках, зафиксированном письменными памятниками раннего средневековья. Так, если в «Диване» отмечен результат выпадения медиального гласного [а], то в уйгурском и казахском языках мы имеем дело уже с выпадением финального узкого гласного [ы]. При этом «Диван» отражает, видимо, то состояние древнетюркских языков, когда в указанном слове ударение, не удерживаясь на предпоследнем слоге, переходило на последний слог словоформы, в результате чего гласный безударного инлаута, подвергаясь качественной и количественной редукции, выпал, образовав своеобразную синкопированную фор-

му слова *тутшы*. Что же касается современной уйгурской, а также казахской формы слова *туташ*, то она объясняется следующим образом.

По всей вероятности, в этих языках в слове *туташы* ударение с самого начала тяготело к первому компоненту сложного аффикса с широким вокализмом, что, повидимому, и предопределило дальнейшую судьбу безударного финального гласного [ы]. С закреплением словесного ударения на предпоследнем слоге слова *туташы* финальный узкий гласный [ы], будучи в заударной слабой позиции, подвергся редукции, что привело к окончательному оглушению и последующему его исчезновению в этой позиции. Так могла образоваться современная форма слова *туташ* в уйгурском и *тутас* в казахском языках.

С определенной долей вероятности можно предполагать, что с явлением апокопы в финальном гласном связана и уйгурская диалектная форма слова *улаш* 'постоянно' (Наджип, 1968, с. 352), являющаяся апокопированной по отношению к *улашы*, *улашу* (с. 356). Можно также допустить, что форма слова *уда* 'кряду, подряд' при наличии его дублетной пары *удайи* отражает результат такого же изменения. Если считать, что формы слов *улашы* и *удайи*, с одной стороны, и *улайу* 'вслед, за' (ДТС, 1969, с. 608), а также *улаға* (Brockelmann, 1954, с. 689) — с другой, состоят из предполагаемой нами первоосновы *ула-* 'связывать, присоединять' (ДТС, 1969, с. 608) плюс сложный аффикс *-агу*, то это в определенной степени проясняет этимологию «*удаға*, в котором *-аға*, остающееся за вычетом корня-основы *уд-*, в тюркских языках в качестве слово- или формообразующего аффикса неизвестно» (Севортян, 1974, с. 566).

Возводя указанные формы слов к единой основе *улагу*, мы опираемся не только на вполне закономерный характер перехода согласных [л] в [д], а также [к], [ғ] в [ш], но и на регулярный переход узких гласных в широкие (или наоборот) в определенных позициях аналогичных слов в истории уйгурского, а также других тюркских языков.

Несколько слов о позиционном чередовании финального увулярного [к] и [ғ] с носовым сонантом [н] в составе древнетюркской апокопированной форманты *-ағ(y)*, *-аг(y)*. Необходимо отметить, что для правильной интерпретации, а также реконструкции наиболее раннего фо-

нетического облика древнетюркской форманты *-aғу*, наряду с межтюркскими, а также междиалектными данными неопределимое значение имеют лингвистические материалы из других языков, ранняя история которых была тесно связана с древнетюркскими языками. В этом отношении монгольские языки, например, являются своеобразными «хранителями» древнетюркского состояния отдельных праформ слов и словоформ уйгурского языка.

Здесь уместно сослаться на мнение Г. Д. Санжеева (1977), который пишет: «В тех случаях, когда монголисту приходится иметь дело со словами, например, тюркского происхождения или имеющими в тюркских языках свои однокоренные эквиваленты, формы старописьменного монгольского языка являются промежуточными „праформами“» (с. 55). Эти промежуточные праформы, по мнению ученого, обычно возводятся к более ранним праформам с учетом тюркских соответствий.

Справедливость приведенного выше высказывания подтверждается отдельными фактами современного уйгурского языка. Так, например, без обращения к монгольским языкам даже компетентному лингвисту, пожалуй, не так-то просто установить генезис форманты *-ң* в словоформе *жүдәң* 'худой, тощий'. Привлечение монгольских форм слова, таких, как ойр. *йадоу*, *йадуу*, калм. *яду*, монг. *ядагу* 'убогий, немощный' позволяет реконструировать наиболее древнюю форму слова *жүдәң*, диал. *йадаң*, *йадаңгу* (Баскаков, 1939, с. 39) уйгурского языка, *жүдеу*, *жүдең** казахского, а также *йатық* 'тощий' (Малов, 1957, с. 38), *йата(в)* 'похудеть' (Радлов, 1905, с. 198), *йадаг* 'изнуренный, тощий' (Радлов, 1905, с. 208—209) тюркского языков сибирского региона. Такой праформой была, по-видимому, именно уйгурская диалектная форма слова *йадағу*, восходящая, по мнению С. Калужинского (1961, с. 44), к монгольскому первоисточнику.

В связи с возведением современной формы слова *жүдәң* к древней *йадағу*, где имело место явление апкопы, возникает не менее важный вопрос об историческом переходе близких по артикуляции финальных увулярных [ғ] и [к] в увулярный же носовой сонант [ң] в

* Нам представляется спорным отнесение второго компонента слова *жадағ* (лит.-орф. *жадау*) в парном образовании *жүдеп-жадау* казахского языка к числу фонетических вариантов слова *жаяу* 'пешший' (КТКЭС, 1966, с. 75).

составе ряда аналогичных образований. В результате такого изменения в истории отдельных тюркских языков образовались относительно новые формы слов с ауслаутной морфемой на *-аң*.

Укажем, например, на факт существования параллельных форм ряда слов в древнетюркских языках, таких, как *чалпақ* 'грязь, нечистоты', а также *чалпаң* 'жидкая грязь, слякоть' (ДТС, 1969, с. 137), которые, возможно, восходят к одному и тому же источнику. Таким первоисточником когда-то могло быть *чалпағу* (*нәң*) '(нечто) пачкающее, прилипающее, загрязняющее'. Если принять наше предположение, то указанные формы слов (как *чалпақ*, так и *чалпаң*) следует считать усеченными, причем форму слова с финальным увулярным носовым [ң] правомерно рассматривать в числе новых, происшедших от формы *чалпақ*. При этом оба варианта слова (как с ауслаутной морфемой на *ақ*, так и на *аң*) одинаково относятся к числу апокопированных в истории тюркских языков.

Из числа других тюркских языков отметим казахский, а также якутский языки, где обнаруживается ряд апокопированных форм слов, которые выявляются лишь при их сравнении с соответствующими формами, например в «Древнетюркском словаре» (1969): др. *оқлағу* 'круглый, округлый' (с. 369) — каз. *оқтау* 'скалка'; *йағы* 'враг' (с. 224) — каз. *жау*; *қуғу* 'лебедь' (с. 464) — каз. *аққу*; *йағуру*, *йақру* 'близко' (с. 225) — каз. *жуыр*; *әлдірі*, *елрі* 'шкурка козленка' (с. 170) — каз. *елтір* (диал.); *қайу* 'какой, каков?' (с. 408) — каз. *қай?*; *қырағу* 'иней, изморозь' (с. 445) — каз. *қырау*, як. *қырыа*; *йырағу* 'певец, сказитель' (с. 268) — каз. *жырау*, як. *ырыа*; *йасақы* 'солдат' (Радлов, 1905, с. 217) — каз. *жасақ* и т. д.

Когда речь идет об апокопе в составе древнетюркских слов, то следует особо подчеркнуть, что указанное явление в истории конкретных тюркских языков давало неодинаковые результаты при фонетической модификации слов. Это можно наблюдать даже на примере древнетюркского слова *буқағу*. Так, из множества фонетических вариантов слова наиболее полная его форма *буқағу*, *буғавы* зафиксирована в письменных памятниках туркменского, *бузавы* — кыпчакских, а *буқағы* — турецкого языков (Мухамедова, 1973, с. 80). Что же касается современной формы слова *буғау* в казахском языке, то в ней налицо результат апокопы с последую-

шей спирантизацией оказавшегося в финале увулярного согласного [ɣ], а в якутской форме *богуу/богуо* — его вокализация (т. е. дифтонгизация).

Сюда же можно отнести ряд древнетюркских форм слов, а также монгольских заимствований в хакасском литературном языке и его диалектах: др. *қырагу* 'иней', сагайск. *хыраа* (лит. хак. *хыроо*); др. *бузагу* 'теленки', сагайск. *пызаа* (лит. хак. *пызоо*) (ГХЯ, 1975, с. 16); монг. *кйруге* 'ножовка', хак. *кйрее* (Патачакова, 1974, с. 20; Субракова, 1975, с. 156); монг. *буругу* 'вино', хак. *пыро*; монг. *халчагу* 'сердитый, злой, бешеный, грубый', хак. (сагайск.) *халчаа* и т. д.

3.3.6. Апокопа в сложном аффиксе *-ғару*

Древнетюркский аффикс дательно-направительного падежа в ранних письменных памятниках, в частности в рунических, встречается как в полной форме *-ғару* (после основы существительных) и *-ңару* (после притяжательных аффиксов), так и в усеченной разновидности *-ғар* и *-ңар*. А. Н. Кононов (1980, с. 161) указывает на использование наряду с формой *баңару* в рунических памятниках письма форм *баңа/маңа* 'мне', а также на параллельное использование *аңару/аңар* 'ему'.

Из современных тюркских языков приведем тофаларский язык, где наиболее полно сохранились реликты древнетюркского направительного падежа, например: *һуңгәәри* 'на юг, юг', *буруңгаары* 'вперед, на восток, восток', *соңгаары* 'на запад, запад', *карангаары* 'на север, север', *оңгаары* 'направо' и т. д. Появление долготы широких гласных в аффиксе направительного падежа ученые объясняют позиционным фактором, т. е. положением их в позиции перед узким гласным (Рассадин, 1971, с. 43), как это имеет место в хакасском (Боргояков, 1966, с. 82, 86, 88—89) и других тюркских языках. В связи с этим важно отметить, что в тофаларском долгота широкого гласного в составе указанного аффикса при его дальнейшем наращении аффиксом исходного падежа не только нивелируется, но и качественно редуцируется, приобретая, как и в уйгурском, узкий (следовательно, краткий) характер произношения, что объясняется передвижением ударения на аффиксальную морфему *-тын*. Например: *буруңгаартын* — *буруңгуртун* 'с востока', *соңгаартын* — *соңгыртын/соңгуртун* 'с запа-

да', караңгаартын — караңгыртын 'с севера', һуңгаартын — һуңгуртын 'с юга' и т. д.

Случай параллельного употребления формы дательного-направительного падежа в его полной и усеченной разновидности отмечаются также в уйгурском языке, например, в наречном образовании слова *жуқури/жуқур* 'вверх'. Апокопа в указанном аффиксе встречается также в форманте *-таағар* якутского языка. В. В. Радлов полагал, что указанный аффикс, являясь сложным по структуре, состоит из сочетания аффикса исходного падежа *-та(н)* и аффикса направительного падежа *-ары/-гару*. Это мнение ученого разделяют Л. Н. Харитонов, Б. А. Серебренников, Н. З. Гаджиева, Е. И. Убрятова и др. В отличие от В. В. Радлова Г. И. Рамstedт считал, что аффикс *-таағар* якутского языка состоит из аффикса исходного падежа *-та* и послелога *көрә* 'согласно, соответственно'.

Несмотря на различие в суждениях об этимологии указанного аффикса, для нас важно одно: наличие фонетического явления, связанного с апокопой, при которой из первоначальной полной формы аффикса *-таағару* развился усеченный вариант *-таағар* в истории якутского языка.

Так, если принять форму слова *күнгәрү* 'солнцепек' в тексте среднеазиатского тefsира (Боровков, 1963, с. 189) за древнюю, то его сокращенный на один слог вариант *күнгәй* современного уйгурского языка мы вправе рассматривать в числе слов, подвергшихся апокопе.

3.3.7. Апокопа в аффиксе *-ру (-ра)*

К этому явлению относится дублетное произношение ряда послелогов и модальных слов в тексте письменных памятников средневековья, например: *тәбә/тәбәрү* 'в сторону'; *тек/текрү* 'до', *йон/йару* 'сторона', *соң/соңра* 'после, затем', *сар/сары* 'направление, сторона и т. д. В истории конкретных тюркских языков данные слова в фонетическом отношении развивались по-разному, приобретая в каждом конкретном случае различные формы.

3.3.8. Апокопа в аффиксе *-қа*

На основе высказываний ученых о том, что современный аффикс имени действия *-мақ* в историческом плане

представляет собой сращение в единое целое двух разных аффиксальных морфем -м и -қ, где последний (т. е. -қ) является древним аффиксом дательного падежа на -қа, можно предположить, что современный аффикс имени действия на -мақ является исторически сокращенным вариантом древнетюркского форманта -мақа. В связи с этим обращает на себя внимание тот факт, что в языке поэмы Мухамедьяра «Төхфәи Мәрдан», относящейся к XVI в., встречается инфинитив на -маға, а также дательно-направительный падеж имени действия на -мақ, которые в ней употребляются как две разные единицы, хотя семантика их совпадает. Как указывает Н. Б. Бурганова (1980), глагольная форма на -маға, являясь одним из характерных признаков среднего диалекта татарского языка, «употребляется в тех же значениях и функциях, в каких она зафиксирована в текстах старотатарских письменных памятников» (с. 73).

Из современных тюркских языков выделим туркменский язык, в отдельных говорах которого (особенно в западных ёмудского диалекта) форма на -к является активным формантом дательно-направительного падежа, например: *Ата:к* 'к Ате', *дүйә:к* 'к верблюду', *окама:к* 'для чтения', где -к присоединяется только к именам или субстантивным формам с гласной основой.

Кроме того, в туркменском языке сохранились некоторые наречия с характерным формантом -к, обозначающим направление движения, например: *бери:к* 'сюда, в мою сторону', *анры:к* 'туда', *бейлә:к* 'туда, в ту сторону', *шейлә:к* 'сюда', *йокары:к* 'вверх' и т. д. Говоря о диалектных формах слов туркменского языка, оканчивающихся на формант -к дательно-направительного падежа, Б. А. Серебренников и Н. З. Гаджиева (1979) предполагают, что «показатель этого падежа содержится в окончании инфинитива на -мақ, -мек типа тур. *йаз-мақ* 'писать', *гелмек* 'приходить' (перв. 'для писания', 'для прихода' и т. д.) (с. 80). По Б. А. Серебренникову, формант направительного падежа -ка, относясь к эпохе праязыка, является вариантом направительного падежа на -к, который позднее получил широкое распространение в кыпчакских языках.

Итак, нам представляется возможным предполагать, что факт пролонгирования преконсонантного гласного ударного слога не только в произношении именных, но и глагольных форм слов (*дүйә:к*, *окама:к*, *йокары:к*

и т. п.) явно указывает на компенсирующий характер появления долготы вместо выпавшего в произношении финального гласного в древней форманте *-ка* дательного-направительного падежа.

3.3.9. Апокопа в отдельных формантах

В древнетюркских письменных памятниках аффикс повелительного наклонения 3-го лица ед. и мн. числа встречается в двух модификациях: *-суну/-зуну* и *-су/-зун*. В. В. Радлов (1897, с. 91) считал аффиксы *-су/-зун* сокращенными вариантами первых. Следовательно, отглагольный аффикс *-сун* с фонетическими вариантами в современных тюркских языках следует рассматривать как апокопированную форму, появившуюся в поздней истории этих языков.

По утверждению ученых, деепричастие на *-у/-йу* в древнеуйгурских памятниках, которое еще обычно для памятников XIV в., доживает эпизодически до XIX в. (Боровков, 1948, с. 321). Важно отметить, что в поздней истории тюркских языков деепричастие на полную форму *-йу* изменилось в сторону сокращения на один слог путем выпадения финального узкого гласного [y]: *отлай(у) башлады* 'начала пастись', *иыглай(у) кірді* 'он вошел рыдая' и т. д.

Как отмечают лингвисты, в древнетюркских (Айдаров, 1971, с. 174), а также в средневековых (Фазылов, 1971, с. 409) письменных памятниках порядковые числительные типа *төртүнч/төртүнчі* 'четвертый' встречаются как в краткой, так и в полной форме.

По поводу наличия в письменных памятниках дублетных пар порядковых числительных и причины их появления А. М. Щербак (1961, с. 120) говорит, что установить причину двоякого оформления порядковых числительных (на *-нчы, -нчі, и нч.* — Т. Т.), так же как и большую древность более короткого окончания, пока невозможно.

Употребление как полной, так и сокращенной формы слова с аффиксом порядковых числительных сохранилось по традиции в более поздних памятниках (XVI в. и позже). Мы полагаем, что формы порядковых числительных на *-(и)нчи* в тюркских языках являются более древними. Следовательно, аффикс порядковых числительных *-нч* относится к числу апокопированных в исто-

рии тюркских языков. К ним же относится и усеченная форма аффикса словообразования *-нч*, который встречается в параллельных формах слов типа *өггүнч/өггүнчү* 'радость' (ДТС, 1969, с. 380—381) в древнетюркских языках (Рясянен, 1955, с. 176).

По мнению ученых, глаголообразующий формант *-ғач*, широко представленный в современных тюркских языках, состоит из двух аффиксов: *-ға* и *-ча*, *-чы* (Кононов, 1981, с. 92, 134). Причем, элемент *-ча*, *-чы*, являясь окончанием древнего направительного падежа, в истории тюркских языков лишился финального вокалического элемента.

Следует также сказать и о фонетическом развитии аффикса причастия будущего времени *-ғучы*, обозначающего имя деятеля. Апокопированная форма этого аффикса sporadически отмечается также в современном уйгурском языке.

3.3.10. Апокопа в заимствованных словах

Как известно, уйгурский язык за свою долгую историю заимствовал значительное количество слов (главным образом религиозного содержания) из иноструктурных языков. Среди них значительную часть составляют слова санскритского происхождения, которые в древнетюркских языках, в частности в древнеуйгурском, адаптировались в основном в апокопированной форме. Так, например, насыщенность древнетюркских письменных памятников санскритскими заимствованиями настолько велика, что только на первых 50 страницах ДТС (1969) насчитывается не менее 20 санскритских слов-терминов с результатами апокопы.

Следует указать также на ряд ранних лексических заимствований из персидского языка, в которых обнаруживается выпадение финального гласного: диал. *пакизэ* (лит. *пакиз*), 'чисто', *абхорэ*, *апқорэ* 'большая пиала' (лит. *апқур*), *чучала* 'головешка' (лит. *чучул. чучула*), *нишана* 'знак, примета' (лит. *нишан, нишанэ*), *нашпати* 'груша' (лит. *нашпүт*), *мэдрэсэ*, 'медресе' (лит. *мэдрис*), *пәнжэрэ* 'окно' (лит. *пәнжір, пәнжі*), *үстэй*, *устара* 'бритва' (Наджип, 1968, с. 126), *дэрвазэ* 'городские ворота' (лит. *давуз, дэрваз*) и т. д.

К последним примерам относится также ряд сложных по структуре заимствованных слов, вторым компо-

нентом которых является слово *хан* из персидского *ханэ* 'дом, комната', например: диал. *бай-ханэ* 'колосья злаков, измятые при молотье' (лит. *байхан*), *мэй-ханэ* 'винная лавка' (лит. *мэйхан(э)*), *сайипханэ* 'хозяин вечера' (лит. *сайипхан*), *гундаханэ* 'темница' (лит. *гунди-хан(э)*), *бала-ханэ* 'верхний этаж' (лит. *балихан*), *аш-ханэ* 'столовая, кухня' (лит. *нашқин*) и т. д.

Приведенные примеры на выпадение финального гласного элемента можно было бы дополнить также словами, в которых процесс выпадения считается потенциально возможным с точки зрения нормы литературного произношения: диал. *сақа қуши* 'пеликан' (УХРЛ, 1953, с. 379) — лит. *сақ қуш*, *Исақ қуш*; *ша тути* 'туттовник с черными ягодками' — лит. *шатут*; *ғәйналу* — лит. *ғәйнул(ә)* 'сливы'; *нағара* 'барабан, ударный музыкальный инструмент' — лит. *нағир*, *нағра*; *хатирә* 'память, воспоминание' — лит. *хатир(ә)*; *ашкарә* 'ясно' — лит. *ашкар(ә)*; *кашила болмақ* 'мешать' — лит. *кашил*, *кашал* (Баскаков, 1939, с. 82; УХРЛ, 1953, с. 519) и т. д.

В поздних русских заимствованиях в уйгурском языке апокопа возникает в связи с тенденцией закрепления ударения на ударяемом слоге источника. Иначе говоря, выпадение финального гласного в русских заимствованиях оказалось возможным исключительно в тех случаях, когда финальный гласный оказывался вне сферы влияния сильного ударения в связи с удержанием его на предпоследнем слоге, например: перспектива (ср. уйг. *перспектив*), телеграмма (ср. уйг. *тилгирам*), контора (ср. уйг. *кәнтур*), больница (ср. уйг. *бәлнис*), минута (ср. уйг. *минут*), секунда (ср. уйг. *секун(т)*), мандолина (ср. уйг. *мандолин*) (УРС, 1961, с. 122) и т. д.

Аналогичное явление наблюдается также при адаптации русских заимствований в казахском языке, например: солома — каз. *салам*, фанера — каз. *пәнер*, монета — каз. *мәнет*, *манат*, оглобля — каз. *оглоп*, кукуруза — каз. *кокраз* и т. д.

В приведенных многосложных словах ударение сохранилось на предпоследнем слоге, как в языке-источнике, что послужило причиной появления апокопы как и в случаях с персидскими и арабскими заимствованиями.

Явление апокопы, имевшее место в ранних арабских и персидских лексических заимствованиях, в своей основе связано не только и не столько с фактором распреде-

ления долгих и кратких гласных в слове, как это утверждает Л. А. Аганина (1963), сколько с удержанием словесного ударения на предпоследнем слоге многосложных слов, что подтверждается, в частности, акцентированными диалектологическими текстами Г. Ракетта, А. Леккока, М. Гартмана, И. Куноша и др.

Итак, на одной из ранних стадий развития древнетюркских языков в связи со сдвигом словесного ударения нередко одно и то же слово (не только в разных тюркских языках, но и в разных диалектах одного и того же языка) приобретало различные фонетические формы. Письменные памятники, а также диалекты и говоры конкретных тюркских языков хорошо сохранили до наших дней эти изменения.

Как видно из приведенных примеров, аффиксы *-лағу*, *-ағу*, *-ғару*, *-ару* и др. в известных нам древнетюркских письменных памятниках выступают зачастую как с финальным узким гласным [y] или [ү], так и без него. Такое дублетное употребление указанных форм слов в языке памятников, надо полагать, подтверждает то, что многие имена с древними сложными аффиксами в современном языке без финального вокалического элемента оформились в основном до появления древнетюркских письменных памятников, а процесс выпадения финального узкого гласного в слабой безударной позиции древнетюркских слов в основном завершился задолго до появления орхоно-енисейских и древнеуйгурских письменных памятников.

КАЧЕСТВЕННОЕ РАСШИРЕНИЕ УЗКИХ ГЛАСНЫХ В ФИНАЛЬНОЙ ПОЗИЦИИ СЛОВА

Как известно, сингармонизм (губная и небная гармония гласных) существовал в тюркских языках на самой ранней стадии их развития. Однако в тюркологических трудах отмечается наличие в тюркских языках колебания между узкими губными и негубными гласными в неначальных слогах — явление, противоположное закону прогрессивного губного сингармонизма. Следует заметить, что с точки зрения диалектики развития языка такие перебои и противоречия в последовательном проведении закона лабиальной и палатальной гармонии гласных можно считать допустимыми, ибо «настоящая эволюционная теория допускает не только прогрессивное движение, не только движение по направлению ко все более совершенным формам, но тоже движение регрессивное, от форм более совершенных к формам менее совершенным» (Бодуэн де Куртенэ, 1963, т. 11, с. 179).

Проблема огласовки гласных непервых слогов в различных языках занимала многих ученых, однако генезис указанного явления до сих пор не выяснен. Так, Дж. Циф при объяснении природы огласовки гласных в различных позициях слова опирался на принцип экономии, т. е. соотношения широких и узких гласных, по-разному проявляющегося в корнях и аффиксах. При этом ученый исходил из различной степени информационной нагрузки гласных разного класса. Это мнение ученого в конечном счете сводится к подтверждению факта, что грамматические аффиксы с узкими вариантами гласных более употребительны именно в силу того, что они кратки, широкие же несут в себе больше информации (Трофимов, 1973, с. 107).

Не оспаривая мнение ученого, заметим, что в тюркских языках большая или меньшая информативность гласных связана не только с собственным качеством гласных, но и с положением последних в слове относительно ударения. Отсюда мы вправе утверждать, что при доминирующем силовом ударении на первом слоге слова, а также при господствующем агглютинирующем строе языка главная роль принадлежала начальной позиции слова и гласные в указанной позиции имели большую информационную нагрузку, чем остальные. Поэтому, безусловно, правы те ученые, которые рассматривают модификацию гласных в различных позициях слова в связи с ударением (Байчура, 1971, с. 44—53).

Особого внимания заслуживает также предположение В. В. Радлова (1910, с. 1033—1035) о случаях употребления широких гласных вместо узких в аффиксах языка некоторых памятников манихейского содержания, которые он первоначально объяснял влиянием приемов графической передачи начальных гласных в сироманихейском письме.

По мнению ученого, в писавшихся отдельно от основы аффиксах с гласным анлаутом, а также с узким гласным последний вообще не обозначался. Важно отметить, что такое чисто графическое объяснение данного явления в свое время не удовлетворяло и самого В. В. Радлова, поэтому позже он частично изменил прежнюю точку зрения, допуская, что в основе данного явления лежат фонетические причины, связанные с качеством [i] и [i̯] в аффиксах (Насилов Д. М., 1971, с. 92).

Исследуя графические особенности средневекового письменного памятника «Codex Cumanicus», В. Банг обратил внимание на отражение узких гласных, не встречающееся в других старописьменных памятниках. В своей оценке данного явления В. Банг, как и В. В. Радлов, исходил не из орфографических приемов отражения узких гласных в непервых слогах, а из реальных факторов, которые привели к обозначению на письме широких гласных вместо узких в этой позиции. Вот что он писал по этому поводу: «Я считаю эту передачу заслуживающей внимания, так как она для нас является, возможно, поводом к объяснению своеобразного уйгурского написания слов с *a* и *ā* вместо ожидаемого *y*: *tartap* вместо *tartyp*. Я бы хотел видеть в этом своеобразном написа-

нии остаток от того времени, когда уже нельзя было передать *y* через знак *ĩ*» (Bang, 1911, с. 94—95). Таким образом, В. В. Радлов и В. Банг вкладывали фонетический смысл в это своеобразное написание узких гласных. Однако они считали огласовку гласных в указанной позиции слова следствием редукции узких гласных.

В отличие от В. В. Радлова и В. Банга, А. Лекок (1919, с. 119) рассматривает такую особенность ауслаутных узких гласных как чередование [а] — [ы].

По мнению других ученых, причина появления огласовки объясняется следствием некогда действовавшего в древнетюркских языках *и*-умлаута (Киекбаев, 1961, с. 364).

По вопросу о расширении гласных неначальных слогов в тюркологической литературе имеется несколько точек зрения, поэтому он требует дальнейшего уточнения и обоснования фактами из других тюркских языков.

Так, например, Ф. А. Абдуллаев полагает, что в истории узбекского языка данное явление имело место в силу тенденции, противодействующей редукции гласного и проявляющейся в открытых слогах (Трофимов, 1973, с. 105). Э. Р. Тенишев придерживается мнения о том, что в татарском языке расширению узких гласных в отдельных словах способствует наличие в них словесного ударения. Так, в глаголе *йүгүр* 'бегать' несколько расширенный гласный первого слога и суженный — второго ученый объясняет перемещением ударения на первый слог (Тенишев, 1961, с. 286). Аналогичное мнение высказывается в трудах Ф. Г. Исхакова (1955б, с. 66—68), К. М. Мусаева (1964, с. 39) и др. М. И. Трофимов считает, что расширение узких гласных в неначальных слогах в уйгурском языке предшествовало процессу позиционного сужения гласных. По его мнению, расширение узких гласных непервых слогов связано с чередованием узких губных и негубных гласных, а процесс дифференциации узких и широких гласных в неначальных слогах — с лексикализацией различных форм и их производных: аффиксы словоизменения превращались в аффиксы словообразования, а последние становились частями неразложимых основ (Трофимов, 1973, с. 108). Помимо лексикализации ученый указывает на следующие факторы, способствовавшие расширению гласных неначального слога в истории уйгурского языка: 1) влияние длительных согласных, главным образом [р]

и [з]; 2) экспрессивное или логическое ударение; 3) компенсация утраченного слога. Следует сказать, что вопрос о лексикализации грамматических показателей, а также о модификации гласных, связанной с так называемой экспрессией и характером смежных согласных, в тюркологии пока окончательно не решен. Эта же мысль несколько раньше была высказана М. И. Трофимовым в связи с освещением вопросов уйгурского вокализма (Трофимов, 1966).

Нельзя не отметить, что процесс расширения узких гласных в указанной позиции не является односторонним актом, проявляющимся в языке независимо от сингармонизма, просодии или других условий фонетического развития гласного в начальной позиции слова. Поэтому мнение М. И. Трофимова о том, что процесс расширения гласных неначальных слогов предшествовал процессу сужения, не совсем согласуется с фактом исторического развития вокализма уйгурского языка.

Сравнительный анализ древнетюркских форм слов с соответствующими формами современного уйгурского языка и его диалектов свидетельствует о том, что многие общетюркские слова и словоформы, имеющие в финальной позиции узкие гласные, в истории уйгурского языка получили широкую огласовку. При этом в древнетюркских языках переход узких гласных в ауслауте имел более или менее регулярный характер, о чем свидетельствуют многочисленные примеры из древнеуйгурского языка, где в ауслауте многих слов вместо ожидаемых узких употребляются широкие гласные. А. С. Аманжолов (1978) указывает, что в надписи на серебряной чаше, которую ученый относит «к довольно ранней разновидности тюркской руники, тесно связанной с алфавитными письменностями Средиземноморья середины I тысячелетия до н. э.» (с. 83), имеется слово *очук* в значении 'очаг'. Известно также, что в других памятниках, в частности в «Хуастуанифте», переведенном на древнеуйгурский язык примерно в V в. н. э. (ДТС, 1969, с. 373), в этом же значении употребляется слово *отчук* (Малов, 1951, с. 108).

Для нас важно не столько то, что в доисторической рунике древнетюркское слово *о(т)чук* встречается без медиального [т], как то, что уже в раннем средневековье наряду с древнейшей формой слова *о(т)чук*, отражающей особенности прогрессивной губной гармонии, появи-

лась лабиально дисгармоническая форма слова *очақ* (ДТС, 1969, с. 362) с результатом расширения узкого гласного [y] в ауслауте.

К многочисленным случаям вариантного словоупотребления, встречающимся почти во всех письменных памятниках раннего и позднего средневековья, относятся, в частности, такие параллельные формы слов с чередующимися ауслаутными гласными:

[ы] — [а]: *арығ/арағ* 'чистый, чисто, незагрязненный', *атлығ/атлағ* 'прославленный, знаменитый', *ағыз/ағаз* 'рот, уста', *балық/балақ* 'рыба', *ачы/ача* 'старшая сестра', *улығ/улағ* 'соединение, связь' и т. д.;

[и] — [ә]: *йігірмі/ігірмә* 'двадцать', *кәмі/кәмә* 'лодка', *кәңіш/кәңәш* 'совет', *тәрің/тәрәң* 'глубокий';

[y] — [a]: боғуз/боғаз 'горло', соғун/соған бот. 'лук', амул/амыл/амал 'спокойный, тихий';

[Y] — [ə]: көрүш/көрөш 'свидеться', көтүр-/көтөр- 'поднимать', сүрчүк/сүрчөк 'вечеринка' и т. д.

Еще большее разнообразие в расширении ауслаутных узких гласных обнаруживаем в диалектах уйгурского языка:

в лобнорском в южных говорах в лит. языке
(Малов, 1956) (Тенишев, 1963б, с. 143, 145)

тоха, тақа, тоху 'курица'	тоха	тоху
қайға 'горе, печаль'	қайға, қайғу	қайғу
бөйі, бөйү, бөйә 'волк'	бөрү, бөрә	бөри
бейә, бейі 'сюда'	бейі, бейә	бери
йоғу, йорға 'иноходец'	йоға	йорға
қучқан, қушқан 'подхвостник'	қушқан	қушқун
түлке, түлкү 'лиса'	түлки, түлкә	түлкә
үнжү, үнчә 'жемчуг'	үнжи, үнчә	үнчә
болудо 'есть, бывает'	болудо	болуду
қойдо 'положил'	қойде	қойди

Из современных тюркских языков следует указать на казахский язык, где расширение узких гласных аффикса имело более или менее последовательный характер, но оно не получило столь широкого распространения, как в истории уйгурского языка, например: др. *обут* 'стыд', каз. *ұят* (орф. *ұят*); др. *одуг* 'бдительный, трезвый', каз. *ойав* (орф. *ояу*); др. *авут* 'успокаивать', каз. *жубат*; др. *ату* 'очень, весьма', каз. *өте*; др. *турғу* 'шелк', каз. *торқа* и т. д.

В казахском языке имеется группа слов, в которых широкий гласный ауслаута появился в результате расширения этимологически узких гласных в указанной позиции, например в современном модальном слове *аса* 'весьма, очень' и *шашақ* 'бахрома, кисточка' древнетюркские аффиксы с характерными для них узкими губными гласными *-ру* и *-ық/-уқ* приобрели позднее широкие негубные варианты *-ра* и *-ақ*. Эти слова в древнетюркских памятниках встречаются исключительно с узкими вариантами аффиксов *-ру* и *-чуқ/-чық*: *асру/асры*, *ча-чуқ/чачық*. В отношении фонетической модификации указанных слов в истории казахского языка следует заметить, что слово *асру*, утратив переднеязычный сонорный вибрант [р] в интервокальном консонантном сочетании *-ср-*, модифицировалось в современное *аса*. Что же касается слова *чачық*, то в нем имело место лишь расширение этимологически узкого гласного аффикса, приведшего к образованию современной формы *шашақ*.

В истории казахского языка в связи с явлением позиционного расширения узких гласных в финальной позиции исконно тюркских слов следует остановиться на аффиксе *-қа*, который образует отглагольные имена типа *жаңқа* 'щепка', *тутқа* 'ручка' и т. д. В специальной литературе по казахскому языку этот аффикс иногда относится к архетипу *-қа*, а не *-қу* или *-қы* (КТКЭС, 1966, с. 183). На основе анализа древнетюркских основ с аффиксом *-қа* можно предположить, что аффиксальный широкий гласный в составе таких слов, как *жаңқа* и *тутқа*, является модифицированной разновидностью исконно тюркского узкого гласного, который в истории казахского, а также других тюркских языков получил широкий оттенок произношения из древних форм *йан-фу/йанғы*, *тутқу/тутқы*.

Приведенные выше примеры из казахского языка свидетельствуют о том, что расширение узких гласных в ауслаутной позиции многих слов было одной из характерных особенностей фонетики кыпчакской и огузской групп тюркских языков ранней поры.

Явление качественного расширения аффиксального узкого гласного принято считать менее значительной особенностью вокализма уйгурского языка (Басакаов, 1955б, с. 119), тем не менее оно составляет одну из существенных специфических особенностей фонетики уйгурского языка. Начиная уже с рунических памятников, а затем

и в памятниках раннего и позднего средневековья sporadически отмечаются факты употребления ряда аффиксов с широким гласным (Севортян, 1966, с. 202; Шукуров, 1966, с. 65—67). К числу этих аффиксов относится, в первую очередь, показатель настоящего времени *-ур* с фонетическими вариантами.

По мнению В. В. Бартольда (1968), в орхонских надписях этот аффикс представлен формами на *-ур*, *-үр*, *-ыр*, *-ір*. Форма на *-ар*, *-ār* с широкими гласными встречается только один раз. «Однако в этом единственном случае, — пишет В. В. Бартольд, — она, несомненно, имеет значение общего презенса». При этом ученый основывается на аналогичных фактах турецко-османского презенса, где «различие между формами на *-р* в тюрко-орхонском языке хотя и намечалось, но еще полностью не осуществилось» (с. 288).

В последующие периоды развития тюркских языков узкий вариант гласных в аористе сохранился только в четырех служебных глаголах состояния: *тур-* 'стоять', *отыр-* 'сидеть', *жүр-* 'идти', *жат-* 'лежать' (Насилов В. М., 1960, с. 55—56; 1963, с. 58—59; Кондратьев, 1970, с. 31—32). В истории кумыкского (Дмитриев, 1940, с. 97), гагаузского (Покровская, 1964, с. 184) и других тюркских языков наблюдается тенденция функционального ограничения и вытеснения варианта аффикса с узким гласным, где «формы с широким гласным — более новое явление» (Грунина, 1976, с. 100), «имеющее нарастающую тенденцию и проявившееся не раньше XV—XVI вв.» (с. 104).

Применительно к монгольским языкам В. Котвич (1962, с. 92) также утверждает, что аффикс с широким вариантом гласного относится по хронологии к более позднему времени. В. В. Радлов (1882, с. 61), говоря об изначальности как палатальной, так и лабиальной ассимиляции для тюркских языков, отмечал, что с течением времени лабиальная гармония претерпела преобразование, которое шло по линии ослабления ее в разных диалектах.

Это мнение ученого хорошо согласуется с явлением делабиализации в истории тюркских языков, т. е. расширения отдельных аффиксов с узкими лабиализованными гласными. Многочисленные отклонения от закона лабиальной гармонии гласных в языке орхонских надписей

сей, обнаруженные О. Бётлингком, В. Грэнбеком, П. Мелиоранским, Х. Педерсеном и др., лишний раз свидетельствуют не о позднем развитии лабиальной гармонии гласных, а, наоборот, о древности и архаичности параллелизмов в истории тюркских языков и о наметившейся тенденции нарушения лабиальной гармонии аффиксов уже к периоду, предшествовавшему орхонским надписям.

В отношении появления аффиксов лабиальной дисгармонии значительный интерес представляют южные диалекты уйгурского языка. Здесь прежде всего следует указать на аффикс принадлежности 1-го и 2-го лица, где расширение узких гласных имеет почти регулярный и последовательный характер, например: *қолам, қолаң* 'моя (твоя) рука', *боям, бояң* 'мой (твой) стан, рост', *борам, бораң* 'мой (твой) мел', *ғолам, ғолаң* 'моя (твоя) спина', *көзам, көзаң* 'мой (твой) глаз', *күнам, күнаң* 'мой (твой) день', *тизам, тизаң* 'мое (твое) колено' и т. д. Как видно из наших примеров, многие имена, образованные при помощи аффикса принадлежности 1-го лица *-ым* с фонетическими вариантами на узкие губные, а также негубные гласные в других тюркских языках, включая диалекты и говоры уйгурского языка, представлены соответствующими широкими вариантами. Эта особенность произношения южных говоров отмечалась в литературе уже не раз. Однако генезис этого чрезвычайно интересного явления не отражен ни в уйгурском языкознании, ни в тюркологии.

Из числа современных тюркских языков и их диалектов следует отметить говор горьковских мишарей, в котором, как и в южных говорах уйгурского языка, узкие гласные аффиксальных морфем модифицируются в сторону расширения. Как свидетельствуют диалектологические записи Д. Г. Тумашевой и Р. Ф. Шакировой, в говорах тоболо-иртышского диалекта сибирских татар функционирует так называемый инфинитив на *-рға* с аффиксом принадлежности 1-го лица ед. числа *-рғам*, соответствующий желательному наклонению глагола *-ғум* уйгурского, а также некоторых других тюркских языков, например: *минем оқырғам бар, синең оқырғаң бар, аның оқырғасы бар* 'мне (тебе, ему) нужно читать'. Д. Г. Тумашева (1977) отмечает, что «форма на *-рға* с личными аффиксами не получила широкого употребления, так как, во-первых, она возникла сравнительно недавно и,

во-вторых, имеет много вариантов местного и литературно-татарского происхождения» (с. 88).

В том же тевризском говоре имеется и стяженная форма слова *көчәм*, восходящая к полной форме *kīcī-gām* 'мой маленький' (Тумашева, 1977, с. 178), где весьма рельефно выступает расширение аффиксального узкого гласного аналогично модели видоизменения его в южных говорах уйгурского языка в словах типа *көзәм* 'мой глаз'.

Ниже мы ограничимся разбором исключительно редкого случая расширения узкого гласного аффикса принадлежности 3-го лица *-ы/-i* в тюркских языках. Так, в долганском, как и в диалектах уйгурского языка, показателем аффикса принадлежности 3-го лица является форматив *-а* или *-е* в широком варианте. Например: *һсаја* 'его чай', *ете* 'его мясо', *кә:һа* 'его дочь', вместо *чайы*, *әтi*, *қызы* — в других тюркских языках. С точки зрения фонетического развития такая необычная деградация формата принадлежности в говорах уйгурского языка, а также в долганском диалекте представляется трудно объяснимой. Поэтому нередко случаи, когда такое парадоксальное фонетическое явление ставит в затруднение исследователей в определении морфологического состава и семантики ряда слов и словоформ. Так, исследователи топонимии Восточного Туркестана, впервые столкнувшись с формой слова *буйе* в сложной по структуре географической номенклатуре *Устаң буйе*, допускают двоякое его истолкование. Подвергая грамматическому, а также семантическому анализу второй компонент топонимии *Остаң буйе*, ученые предполагают, что он либо восходит к именной основе *бойы* 'сорная трава, канава' (ср. *буя* бот. 'горчак'. — Т. Т.), либо это результат словоизменительного процесса (Hedin, 1967, с. 5). Грамматическая интерпретация и фонетическое обоснование развития слова *буйә*, по нашему мнению, предполагают следующее объяснение. Словоформа *буйә* образована от именной основы *бой* со значением 'берег, край' и аффикса принадлежности 3-го лица *-ы* (*бой+ы*) 'его (ее) край, берег'. Что же касается качественного несоответствия гласных основы и аффикса гармонии гласных (в данном случае лабиальной, а также палатальной), то это объясняется исключительно различным характером проявления словесного ударения в отдельном слове, а также в словосочетании в диалектах уйгурского языка.

Сужение инициального этимологического [ɵ] в [ʏ] в слове *Устан*, а также [o] в [y] в слове *буйа* связано с их слабой позицией относительно главного ударения. Что же касается расширения финального узкого аффиксального гласного [ы] до уровня открытого [ə] в слове *бойы*, то он связан, наоборот, с сильной позицией этого гласного.

Известно, что качественная модификация гласных относительно словесного ударения на противоположных полюсах слова ярче, чем в других тюркских языках, выражена в диалектах уйгурского языка. Исходя из этой особенности уйгурской фонетики, мы вовсе не считаем, что «шведское восприятие» помешало Свену Гедину и Гуннару Яррингу при транскрибировании уйгурского по происхождению топонима *Устан буйа*, где открытый гласный [o] в слове *бой* передается через закрытый [y], а, наоборот, полагаемся на достоверность их фонетической записи, в которой отражены специфические особенности произношения представителей южных говоров. Правильная фонетическая транскрипция топонимического названия *Устан буйа* у Свена Гедина подкрепляется также примерами из диалектологических записей другого шведского ученого Г. Ярринга, являющихся, по словам С. Е. Малова, образцовыми и безупречными.

Таким образом, современная уйгурская диалектная форма аффикса принадлежности 3-го лица ед. числа в широком варианте рельефно отражает одно из чрезвычайно интересных реликтовых явлений исторической фонетики уйгурского языка. Еще на одной из ранних стадий развития древнеуйгурского языка в речи представителей отдельных говоров, населявших Кашгарию, наметились, по-видимому, сдвиги в сторону позиционного расширения подударного узкого гласного в составе определенных групп слов и словоформ.

В связи с этим следует подчеркнуть, что, по-видимому, в древнетюркскую эпоху, намного раньше раннего средневековья, в произношении представителей южных говоров аффиксы с широкими гласными постепенно стали вытеснять аффиксы с узкими и полуширокими гласными, а в поздний период стало узаконенным и стандартным употребление аффиксов с широкими вариантами гласных. Однако в письменной практике, основанной на арабской графике, результат качественного расшире-

ния ауслатных узких гласных, по традиции идущего из древнеуйгурского письма, не фиксировался.

Традиционное орфографирование определенных групп слов в письменных памятниках уйгурского языка недостаточно отражает расширение узких гласных в составе определенных формантов и поэтому не дает полной картины произношения. В письме мы не встречаем хаотического смещения орфографических норм древнеуйгурского с фонетическими нормами различных диалектов и говоров уйгурского языка. Фонетические процессы, связанные с результатом качественного расширения ауслатного узкого гласного, являются далеко не общими и не однородными для большинства диалектов и говоров Восточного Туркестана, о чем частично было сказано выше.

Сравнение явления огласовки в южных говорах уйгурского языка с таковым же в письменных памятниках ранней поры обнаруживает поразительное сходство в их развитии. В этом смысле фонетические показания старописьменных текстов приобретают также очень важное значение. При исследовании «Дивана» Махмуда Кашгарского нами был выявлен ряд «отклонений» в написании широких гласных вместо узких, имеющих непосредственное отношение к расширению узких гласных в первых слогах слова.

В анонимном сочинении конца XIII в. «Аттухфа» встречаются, например, параллельные словоформы *қайғу* и *қайға* 'печаль, горе' (Наджип, 1964, с. 92) и соответственно глагольные формы *қайғырмақ* и *қайғармақ*, которые в древнетюркских памятниках письма представлены формами *қадғу* и *қазғу*.

Интересно отметить, что древнетюркская форма слова *қадғу* в большинстве современных тюркских языков встречается в узком варианте гласного в финальной позиции — *қайғу* или *қайғы*, в современном уйгурском языке и его диалектах это слово употребляется главным образом с широким финальным гласным *қайға*.

В сочинении Сейфа Саран «Гулистан», относящемся к 1391 г., встречается указательное местоимение *ошул* с фонетическим вариантом *ошал*, который З. Н. Наджип считает уйгурской формой.

Сюда же можно отнести общетюркское слово *сылы/сулу/сула* 'красивый', восходящее, по-видимому, к древнетюркскому *сілік* 'красивый, изящный' (Малов,

1951, с. 421), которое в отличие от большинства тюркских языков в уйгурском имеет фонетическую форму *сула*, например: каз. *Баян-сулу*, башк. *Маян-хылу*, уйг. *Махтум-сула* и т. д. Интересно отметить, что уйгурская форма слова *сула* с широким ауслатным гласным встречается также в юридических документах из Восточного Туркестана при мужских именах, таких, например, как *Мысыр-Сыла* (Малов, 1951, с. 216).

Немало случаев замены узких гласных соответственно широкими в различных позициях слова наблюдается в «Древнетюркской грамматике» А. Габен и «Древнетюркском словаре», а также в сочинении «Аттухфа».

Прежде всего следует сказать о падежных, а также личных местоименных аффиксах с этимологическими узкими гласными, которые в отдельных случаях встречаются в широком варианте. Исходный падеж тюркских языков с широкими, а также узкими разновидностями вокализма, по мнению некоторых ученых, является одним из дифференцирующих признаков различных групп древнетюркских языков. Огласовка [а], по мнению А. М. Щербака (1961), известна из манихейских текстов, объединяемых по характеру языковых особенностей понятием *м-диалекта*, или уйгуро-огузского диалекта, и «эту разновидность можно проследить также в языке рунических надписей Енисея. В более поздний период она находит широкое отражение в „Диване“ тюркских языков». Ученый полагает, что «вокализация аффиксов посредством [а] в зависимости от качества гласного звука в основе и независимо от этого имеет место чаще всего в уйгурских и огузских текстах. Во всех памятниках карлукского происхождения в огласовке формы исходного падежа предпочтительнее употребление узкого звука» (с. 82).

Однако, как свидетельствуют письменные памятники XII—XIII вв., в частности знаменитый «Кесикбаш китабы», исходный падеж выступает как в широком, так и в узком вариантах аффикса. Важно отметить, что уже в XII в. «преимущественного употребления какого-либо одного из названных аффиксов не наблюдается» (Ахметгалева, 1978, с. 11).

Аналогичную картину мы видим также и в дидактическом сочинении «Кутадгу билиг», которое написано намного раньше, чем «Кесикбаш китабы». По наблюдениям С. Е. Малова, в «Кутадгу билиг» исходный падеж

нормативно оканчивается на *-дін/-тін* (в фонетических вариантах), но изредка встречаются и широкие варианты аффикса на *-дан/-дэн*, например: *сәніңдән* 'от тебя', *жандан* 'от души' и т. д. (Малов, 1951, с. 300), *сүздән* 'из воды', *көздән* 'из глаза', *туңлуктан* 'из дымохода', *битигдән* 'из письма' и т. д. (Абдурахманов, Шукуров, 1973, с. 55).

Исследователи средневековых письменных памятников отмечают, что в произведениях Рабгузи, Саран, Кутба и др. обнаруживаются широкие варианты исходного падежа (Боровков, 1951, с. 74). Э. Н. Наджип (1960) считает, что в среднеазиатском «Тефсире», испытавшем «сильное влияние уйгурского языка» (с. 11), аффикс исходного падежа *-дин* sporadически имеет форму *-дан*, характерную для языка памятников XI—XIV вв. (Наджип, 1960, с. 5).

Наличие широкого варианта указанного аффикса отмечается также в рифмующихся словах у туркменских поэтов Махтумкули и Молланепеса, хотя наличие этого аффикса с узким вокализмом в туркменских текстах XVIII—XIX вв. учеными рассматривается как отражение традиционной уйгурской письменности, а не как отражение особенностей произношения (Мухамедова, 1973, с. 85—86). В алтайском языке своеобразную фонетическую окраску приобрел аффикс исходного падежа, который в отличие от большинства тюркских языков модифицировался в направлении расширения: *-дан*, *-тан* и *-нан* с фонетическими вариантами (Баскаков, 1958, с. 45).

Сюда же могут быть отнесены формы прилагательных якутского языка, образованные путем повтора основы, например: *киэнтэн киэн* 'широкое-преширокое', *ыраастан ыраас* 'чистое-пречистое' (Убрятова, 1963, с. 82), ср. тоф. *бичедэн биче* 'самый маленький' (Рассадин, 1982, с. 14) и уйг. *кәңдин-кәң*, *тазидин-таза* и т. д.

Исследователи языка бачатских телеутов, а также сибирских диалектов татарского языка (Тумашева, 1977, с. 260) отмечают, что в отличие от других тюркских языков исходный падеж в указанных языках оформляется аффиксом *-даң*, *-таң* и *-наң* с широкими, а также полуширокими губными вариантами, например: *қойноң*, *көлдөң*, *паладаң*, *аттаң* и т. п. В бачатско-телеутском, как в казахском и некоторых других тюркских языках, наречия, образованные с помощью аффикса исходного

падежа, сохраняют в отличие от уйгурского языка ши-рокий вариант аффикса, например: *пуйағыдаң* 'с дав-нишней поры', *пылтырдаң* 'с прошлого года', *қайдаң* 'откуда?', *мынаң* 'отсюда' и т. д. В хакасском языке и его диалектах исходный падеж представлен аффиксом в широком варианте вокализма, например: *-даң/-дең, -таң/-тең*, а также *-наң/-нең* с финальным заднеязычным сонорным [н] (Боргояков, 1976, с. 17, 26—27). Анало-гичная картина наблюдается также и в тувинском языке, где, по наблюдениям Н. Ф. Катанова, исходный падеж образуется при помощи тех же аффиксов, что и в ха-касском, но с финальным переднеязычным сонантом [н]. В других тюркских языках Южной Сибири (в алтай-ском, камасинском, тофаларском, карагасском, чулым-ско-тюркском, кюэрикском, шорском) исходный падеж представлен аффиксом *-дан* с фонетическими варианта-ми. Сюда же с известной долей вероятности может быть отнесен так называемый частный падеж *-та/-да* тофалар-ского языка (Рассадин, 1978, с. 32, 40—41), который, по предположению Н. П. Дыренковой (1963), «возможно, является остатком древнего исходного падежа». В лоб-норском языке С. Е. Малов (1956) обнаружил весьма «редкий случай аффикса исходного падежа на *-дан*» (с. 102).

Богатое разнообразие указанного аффикса представ-лено в татарском, башкирском и некоторых тюркских языках кыпчакской группы, например: *-дан, -дән, -тан, -тән* (*-зан, -зән, -нан, -нән*).

По поводу происхождения аффикса исходного паде-жа с узким вокализмом в уйгурском языке отдельные ученые высказывают предположение, что он «образовал-ся от более древнего направительного падежа на *-ти*, который сохранился в тунгусо-манчжурских языках, в частности в ороцком» (Псянчин, 1975, с. 27).

Несколько по-иному это явление трактуется М. И. Боргояковым (1976, с. 97), который полагает, что уйгурская форма аффикса исходного падежа на *-дин* с узким вокализмом является вторичной, развившейся из аффикса с широким гласным *-дан* или *-дән* в результате качественной редукции [а] > [ы]. Причем, как полагает ученый, «аффикс исходного падежа с конечным [ң] яв-ляется первичным, а аффикс с [н] — вторичным образо-ванием» (с. 102).

Как видно из нашего обзора, при объяснении факта

наличия дублетных вариантов аффикса исходного падежа в тюркских языках и их истоках ученые придерживаются различных, порой диаметрально противоположных точек зрения. Ниже мы попытаемся в самых общих чертах осветить вопрос о предполагаемых нами путях фонетического развития указанного аффикса в истории функционирования уйгурского, а также других тюркских языков.

На первый взгляд, аргументации В. Ш. Псячина и М. И. Боргоякова кажутся убедительными. Между тем нельзя признать их безоговорочно приемлемыми. В диалектах и говорах хакасского языка учеными зафиксирован факт своеобразной редукции ауслаутных широких гласных в составе отдельных категорий слов. Однако нам представляется, что здесь мы имеем дело, по-видимому, с частичной качественной и количественной модификацией анлаутного, а также инлаутного широкого гласного, а не с качественной редукцией широкого гласного, который мог бы дойти до уровня этимологического узкого [ы] в ударном ауслаутном слоге. Хотя в отдельных случаях не исключено краткое произношение подударного ауслаутного узкого гласного, в подавляющем большинстве современных тюркских языков (если не во всех) ударные широкие гласные не подвергаются сколько-нибудь значительной модификации, доходящей до уровня гласного в другом качестве (до перехода в узкий [ы]). Мы склонны утверждать, что огласовка узких гласных в сторону качественного расширения вокализма не только аффикса исходного падежа, но и других формантов с этимологически узким вокализмом так или иначе связана с различным характером проявления силы и интенсивности ударения в истории многих тюркских языков.

Этим можно объяснить также факт «несоответствия» в звуковом оформлении дробных числительных в тюркских языках, которые в татарском и башкирском, например, выступают с широким вокализмом *-дан/-тән*, являющимся позднейшей модификацией аффикса исходного падежа на *-дин* и *-тин*. Следовательно, широкий вариант аффикса исходного падежа татарского, башкирского, а также других тюркских языков Южной Сибири по своему происхождению связан с более поздним периодом развития падежной парадигмы этих языков. Данное явление подтверждается также фактом наличия в лобнорском языке целого ряда падежных, словоизме-

нительных, а также словообразовательных аффиксов с широким вокализмом, которые восходят к аффиксам с этимологически узким вокализмом. К числу последних относятся, в частности, аффикс винительного падежа *-та*, а также «редкий винительный падеж на *-қа*» и его разновидность на *-қы*, аффикс прошедшего времени глагола *-до* с исконным *-ди* (Малов, 1956, с. 9, 104, 122, 132, 169, 179), аффиксы сказуемости *-до*, деепричастия *-ап* вместо *-уп* и другие, например: *ағмаққа тутуп туғун!* 'держи рысака', *болудо* 'есть, бывает', *қойдо* 'положил', *туғдо* 'родила', *тапап* 'находя', *вулап* 'будучи, быв';

*Қуллу қул десе, қүлкесү келүї,
Азатта қул десе, өлгүсү келүї.
'Если раба назовешь рабом,
он засмеется,
А если свободного назовешь
рабом, он готов умереть'.*

К ним же можно причислить один из редчайших случаев словообразующего аффикса *-ум* с фонетическими вариантами, обычно встречающимися в древнетюркских памятниках с узким гласным. Аффикс *-ум* в среднеазиатском «Тефсире» иногда встречается в широком варианте, например: *авучам* 'ладонь (мера)' — *йоғуны ики авучамы эрди* 'толщина в две ладони' (Боровков, 1963, с. 36).

Можно полагать, что широкий вариант словообразующего аффикса *-ум* в «Тефсире» восходит к древнеуйгурскому языку и отражен, в частности, в восточнотуркестанском языке X—XIII вв. (Шербак, 1961, с. 98).

Весьма своеобразный случай расширения узкого гласного аффикса принадлежности 3-го лица наблюдается в якутском языке, например: *мунна* > *мурун-у* 'его нос', *кэннэ* > *кэлині* 'его невеста' (Рясянен, 1955, с. 51). Не менее любопытно наличие в телеутском языке широкого варианта аффикса принадлежности 2-го лица ед. ч. *-ан*.

Интересные примеры расширения аффиксальных узких гласных встречаются также в языке племени хотон (омонголившееся турецкое племя): *аштах* 'хлеб, зерно' (уйг. *ашлиқ*), *монан* 'шея' (уйг. диал. *бойан*), *өтэк* 'сапоги' (уйг. диал. *өтэк*), *хотан* 'женщина' (уйг. диал. *хотан*), *ула* 'юноша', *мурда* 'нос', *өзэ* 'рот', *жілха* (уйг.

илқа, жылқа) 'кони, лошади', ечігә 'коза' (уйг. өшкә) и т. д. (Владимирцов, 1916).

Характеристика явления расширения узких гласных в финале слов в уйгурском и некоторых других тюркских языках не будет полной, если мы ограничимся только примерами из уйгурского языка, хотя сравнительные факты уйгурского и других тюркских языков обнаруживают много общих моментов в развитии отдельных фонетических явлений. Одним из них, надо полагать, является стремление к структуре неприкрытого слога, а также к расширению конечного слога в заимствованной лексике. В этой связи следует указать на факты употребления деформированных разновидностей русских окончаний мужского рода, образующих субстантивированные прилагательные в алтайском, хакасском и других языках, в которых они употребляются только в широком варианте, например: *учительской, столовай, булочнай, каштановой, духовай* и т. д. Аналогичная картина наблюдается и в якутском языке, где имеются следующие заимствования из русского языка с широким гласным в финале: *ласкабай* 'ласковый', *холуотунай* 'холодный', *аалай* 'алый', а также казахские — *ауылнай* 'староста, аульный глава', *сөлкебай* 'целковый' и хакасские — *булочнай, центробежнай* — формы русских заимствований.

Интересно отметить, что во всех приведенных субстантивированных прилагательных и именах существительных, как и во многих (если не во всех) русских заимствованиях, показатель рода нивелируется, т. е. родовая принадлежность имен и прилагательных выражена одинаково.

Сюда же можно отнести субституированные формы русских заимствований в уйгурском произношении типа *чиркав* 'церковь', *устал* 'стол', *парнәк* 'парник' и т. д.

Как известно, в уйгурском языке употребляется значительное количество заимствованных слов из дунганского, а также китайского языков с узким аффиксом словообразования *-цзы*, который употребляется и в качестве показателя субъективной оценки (Драгунов, 1952, с. 84—91). Учеными отмечается, что в отдельных словах указанный аффикс в уйгурском воспринимается как безударный, вследствие чего конечный гласный аффикса не употребляется (Аганина, 1954а, с. 92). Правда, таких случаев сравнительно мало. Чаше китайские заим-

ствования с аффиксальной морфемой *-цзы* на основе уйгурской фонетики получают иную огласовку из-за сильного ударения, ибо в условиях сильного акцента, связанного с трансформацией словесного ударения, конечный узкий гласный аффикса подвергается фонетической модификации. Видоизменение гласного аффикса, т. е. качественное расширение подударного узкого гласного, проходило по модели изменения исконно уйгурских слов. Так появились, например, многие асингармонические словоформы китайского, а также дунганского происхождения: кит. *пайцзы* 'такт, ритм в музыке', уйг. *пэй-зэ* 'наслаждение'; *пайпайцзы* 'одни из видов серег', уйг. *пэйпэзэ*; *даханьцзы* 'большой, высокий', уйг. *дахаңза*; *цзямаоцзы* 'копак, шапка', уйг. *жамуза*; *чанцзы* 'жердь', уйг. *чаңзэ*; *таньцзы* 'лоток, ларек', уйг. *таңзэ*; *туңцзы* 'трубка (курит.)', уйг. *туңза*; *цецзы* 'баклажан', уйг. *чэйзэ*; *ханцзы* 'грядки', уйг. *хаңза* и т. д. (Рахимов, 1970).

Интересно отметить, что преобразованный на основе уйгурской фонетики аффикс *-цзы* китайского языка нерегулярно участвует в словообразовательном процессе уйгурского языка. При помощи модифицированного аффикса *-за/-зэ* преимущественно образуются имена существительные, обозначающие родственные, уменьшительно-ласкательные отношения, например: *акаңза* 'братик', *һадаңзэ* 'сестрица', *апаңза* 'мамаша' и т. д. (Садвакасов, 1969, с. 19).

Древнеуйгурская фонетическая субституция неширокого гласного соответственно с широким не ограничивалась лишь отдельными словами дунгано-китайского происхождения. Она охватывала также множество монголизмов в уйгурском языке, например: монг. *далу* 'плечевая лопатка' (Лигети, 1964; Санжеев, 1977), уйг. *до-ла*; *чабі* 'пах', уйг. *чивэ*; *сужи* (диал.) 'подвздошная кость', уйг. *сүвэ*; *бөгсе* 'зад, круп у лошади', уйг. *бөксэ*; *мөрүн* 'река', уйг. *мүрэн* (Щербак, 1961, с. 95); *тогосун*, *товусун* 'пыль', уйг. *тозаң*; *дулей* 'глухой', уйг. *дүләй*; *чидур* 'пути, тренога', уйг. *чидэр* и т. д.

Как видно из наших примеров, монгольские элементы в тюркских языках, и особенно в уйгурском, подвергаются соответствующей фонетической субституции, выражающейся в расширении ауслаутного узкого гласного аффикса.

Фронтальное обследование памятников письма раз-

личных времен убеждает нас в том, что расширение узких гласных в непервых слогах, как и сужение гласных в слабоударном и безударном положении, в той или иной степени было свойственно почти всем старописьменным памятникам.

Поэтому отражение в письменных памятниках живых особенностей древнеуйгурского языка нельзя, как нам думается, относить только за счет орфографии, поскольку указанное явление встречается, как было сказано выше, в различных по характеру и содержанию памятниках письма, для которых не характерно соблюдение искусственных традиций и орфографических канонов.

Итак, качественная модификация узких гласных ауслаута, как одно из древних явлений фонетики уйгурского языка, определила дальнейший ход фонетического развития многих слов современного уйгурского языка. Изменения в акцентной структуре древнеуйгурского языка, выраженные в неодинаковом перераспределении ее силы в различных позициях многосложных слов, послужили, по-видимому, главной причиной образования фонетических параллелизмов, а также вариантных словоформ в истории уйгурского языка.

Большой интерес представляет древнетюркский аффикс *-қы*, служивший для образования форм субъективной оценки, а также употреблявшийся в вокативной функции. Хотя этот аффикс получил более или менее полное освещение в этимологических разработках ученых*, тем не менее тюркология не располагает надежными сведениями, на основе которых можно было бы однозначно реконструировать предполагаемую праязыковую форму аффиксальной морфемы *-қы* или *-қай*.

Ниже в общих чертах мы попытаемся осветить отдельные стороны функционирования древнетюркского аффикса *-қы* в диалектах и говорах уйгурского языка.

Как указывал Махмуд Кашгарский, термины родства *ата* 'отец' и *ана* 'мать' при добавлении к ним аффиксальной морфемы *-қы* в языках тюркских племен того времени выражали значения субъективной оценки *атақы* 'папочка, папуля', *анақы* 'мамочка, мамуля' (МК, 1960, с. 155; 1963, с. 230).

* В тунгусо-маньчжурских языках, в частности в эвенкийском, имеются формы слов *энэкэ*, *энэкэн*, восходящие к *энэ* 'мама' + уменьшительный аффикс *-ка/-кэ*, *-кан/-кэн* (Егоров, 1979, с. 55).

В отношении фонетического развития аффикса *-қы* в поздней истории тюркских языков можно предположить, что в древнетюркских языках раннего периода, когда в силу различных причин силовое ударение в отдельных случаях еще окончательно не закрепилось на аффиксальной морфеме *-қы*, качественная и количественная редукция финального широкого гласного [а], например в словах *ата* и *ана*, при добавлении к ним аффикса *-қы* по известным причинам не проявилась.

При дальнейшем развитии древнетюркских языков в связи с окончательным установлением словесного ударения на морфологической части слова *-қы* качества как широкого гласного основы, так и узкого гласного аффикса проявились по-разному, т. е. в новых акцентных условиях как широкий, так и узкий гласный слова оказались под сильным влиянием словесного ударения.

В связи с закреплением силового ударения на аффиксальной морфеме *-қы* прежде ударный широкий гласный второго слога основ *ата* и *ана*, оказавшись теперь в безударной позиции, подвергся качественной и количественной редукции, в результате чего в слабой позиции перешел в неопределенный гласный [ъ]. Однако его редукция и оглушение в указанной позиции не достигли максимального уровня, как это имело место, например, в татарском произношении слов *аткәм* и *әнкәм* (ср. уйг. *атикам* 'папочка (мой)', *аникам* 'мамочка (моя)'). Что же касается прежде неударного аффиксального узкого гласного [ы], то он, будучи в сильной позиции, модифицировался в качественно широкий гласный [а]. Последнее обстоятельство позволяет предполагать, что современные диалектные формы слов, широко употребляющиеся в речи носителей южных говоров уйгурского языка, образовались именно таким путем (Jarring, 1967, с. 9, 12, 19, 27, 28): *атика* (вм. др.-уйг. *атақы*) — ср. диал. *дадака* 'папочка, папуля'; *аника* (вм. др.-уйг. *анақы*) — ср. диал. *анака* 'мамочка, мамуля'; *балика* (вм. др.-уйг. *балақы*) — ср. диал. *балака* 'миленький, дитяtko' (УХРЛ, 1953, с. 55) и др.

По всей вероятности, к ним же могут быть отнесены диалектные формы слов типа *ханикам/хиникам* 'женушка (моя)', *әйләкә* — 'обращение к старшей женщине' (Малов, 1956, с. 89) и мн. др.

Необходимо отметить, что в южных говорах уйгур-

ского языка позиционно расширенная разновидность древнего аффикса *-қы* в поздней истории языка в отдельных случаях превратилась в аффикс словообразования. Это видно по фонетически деформированной разновидности слова *инә*, *ине* 'мать', встречающейся в речи корлинских уйгуров и образующей форму слова *инәгә* 'кормилица'.

На основе представленного диалектного материала можно выдвинуть гипотезу, что диалектные формы слов с широким вариантом аффикса *-ка* были зафиксированы в уйгурском языке, по-видимому, в период X—XI вв. и позже. На это указывал Ибн Муханна (Мелиоранский, 1900, с. 12), говоря, что у «туркестанцев» имена существительные оканчивались только на *-қына* в словоформах типа *өгүзқына* 'бычок'. Элемент *-қы* в сложном форманте *-қына* может быть идентифицирован с праязыковой формой указанного аффикса, который положил начало образованию еще одного современного индифферентного аффикса *-ка* в диалектах и говорах уйгурского языка.

Весьма интересны в этом плане материалы татарского языка, где слово *әткә* 'отец' и *әнкә* 'мать' употребляются в основном только с притяжательными, а также притяжательно-падежными аффиксами, например: *И, туған тел! И, матур тел! Әткәм-әнкәмнең теле...* 'Родной язык — святой язык, отца и матери язык'... Как видно, татарская форма слов *әткәм* и *әнкәм* по фонетическому облику и семантике идентична уйгурским формам слов *атикам* и *аникам* с той лишь разницей, что в последнем указанные слова употребляются как с притяжательным аффиксом, так и без него — в форме *атика* и *аника*.

Насколько нам известно, вопрос этимологизации форманта *-ка/-кә* в татарском языке специально не исследовали. Правда, Ф. Хакимзяновым (1978) было высказано предположение, что «это может быть и результатом стяжения: *әти+кәй* > *әткәй* и далее *әткәй+ем* > *әткәем* > *әткәм*» (с. 63).

Наличие в словаре В. В. Радлова слов *әһәкә* 'бабушка, матушка' и *әһәгә* 'мать, матушка, мачеха, кормилица', у Вамбери (1878, с. 16) — *енеке* 'матушка', а также у Л. З. Будагова *آتکە* со вторым компонентом на *-кә/-гә* (Хакимзянов, 1978, с. 63) подтверждает лишний раз, что в данном случае мы имеем дело с древнетюрк-

ским уважительно-ласкательным аффиксом или аффиксом субъективной оценки *-қы*, который в татарском языке представлен в модифицированном болгарском варианте *-кӓ*.

Таким образом, в словоформах *аткам* и *энкам* ясно прослеживается процесс расширения древнетюркского аффикса *-қы*, присоединяемого к основам *ата*, *ана* в палатализованном татарском варианте слов *ата* и *ана*.

Если взять за основу тезис о генетической общности аффикса *-қы*, а также *-ка* и первичности формы *-қы* (по материалам Махмуда Кашгарского), то мы вправе будем говорить о более позднем в хронологическом отношении развитии аффикса *-ка* и *-кэ* с широким гласным не только в тюркских, но и в алтайских языках вообще. По-видимому, так же можно объяснить и хакасскую форму слова *өбеке* 'предок', которая в исследованиях по хакасскому языку отнесена к числу монгольских заимствований из *өвөг* в том же значении (Субракова, 1975, с. 149). Данное слово правомерно можно отнести к числу общих слов для тюрко-монгольских языков, которые в хакасском и монгольских языках развивались по-разному. Так, в отличие от монгольской формы *өвөг* в хакасской *өбеке* ясно прослеживается древнетюркский корень *аба* в смягченном варианте *өбө* с аффиксом субъективной оценки *-қы* в расширенном варианте *-ке*.

Интересно отметить, что, по наблюдениям ученых, фонетическая модификация древнетюркского аффикса *-қы* в истории алтайских языков повлияла на семантическое развитие отдельных лексем, например, в ряде алтайских языков имеются уменьшительные аффиксы *-ка* и *-кэ*, которые в терминах родства выполняют словообразующую функцию. Указанные форманты в отдельных языках служат для филиации значений, в частности по возрастной линии, например: эвенк. *эн'э* 'мама', *эн'э-кэ* 'бабушка', маньч. *эмэ* 'мать' — *эмэ-кэ* 'свекровь', *эм-хэ* 'теща'; монг. *эм(э)* 'женщина', *эмэ-г(э)* 'бабушка', тел. *ӓнӓ* 'мать', *ӓнӓкӓ* 'бабушка, матушка' и т. д. (Цинциус, 1971, с. 131—132).

Наряду с древнетюркским аффиксом *-қы* и его различными вариантами в современных тюркских языках употребляется аффикс *-чы* (иногда усеченный вариант аффикса *-ч*), образующий слова с уважительно-ласкательным значением типа *атач* 'папенька' (МК, 1967, с. 467), *экэч* 'любимая, близкая как сестра', *улыч* 'сы-

нок' (МК, 1960, с. 86). В древнетюркских языках данный аффикс обычно употребляется с показателем принадлежности 1-го лица ед. числа -м, например: *атачым* 'батюшка (мой)', (*ата* 'отец'), *өгүчүм* 'матушка (моя)' (*өг* 'мать') (ДТС, 1969, с. 650), *экэчим* 'любимая (моя)' и т. д. Вероятно, в данных примерах аффикс -чы является не грамматическим формантом с самостоятельным значением, а модифицированным древнетюркским аффиксом -қы с уменьшительно-ласкательным (или уважительно-почтительным) значением, например: *атақы* 'папочка' (*ата* 'отец'), *анақы* 'маменька' (*ана* 'мать') (ДТС, 1969, с. 66). Здесь налицо результат палатализации увулярного [к] и перехода его в [ч] в интервокальной позиции. Такой переход составляет одну из характерных особенностей древнетюркских языков и делает идентификацию аффиксов -қы и -чы достаточно обоснованной.

С точки зрения фонетической модификации аффиксальных морфем определенный интерес представляют количественные числительные *сәксән* 'восемьдесят' и *тоқсан* 'девяносто' в тюркских языках. Известно, что эти числительные по своей структуре — сложные образования, состоящие из двух компонентов, т. е. названий десятка и единиц (*сәккиз* + *он*, *тоққуз* + *он*). Такое сложное образование количественных числительных является общим для тюркских языков (алт. *сегизен*, *тогузон*, тоф. *сеңһезон*, *тоғһозон*, ж.-уйг. *сақысон*, *тоқысон*, тел. *сегизон*, *тогызон*, тув. *сезен*, *тозан*, якут., *агыс уон*, *тогус уон*), а также монгольских (бурят. *нааян*, *далан*). Как видно даже из небольшого перечня примеров, в одних языках второй компонент сложных числительных (десять) сохраняет свой звуковой состав с этимологическим полушироким губным [о] в ауслатном слоге, в других он имеет сингармонические варианты с неогубленными широкими гласными [а] и [э] или определительные сочетания. В данном случае уместно сослаться на Ф. Г. Исхакова (1956в), который отметил, что изучение количественных числительных в различных тюркских языках позволяет проследить «почти все ступени их фонетического развития от сочетания двух самостоятельных слов к единому в фонетическом отношении слову» (с. 186).

Хотя в подавляющем большинстве тюркских языков (кроме якутского) произошло полное фонетическое слия-

ние двух производящих основ, в фонетическом развитии указанной категории числительных те же тюркские языки обнаруживают довольно пеструю картину, например: др.-тюрк. *сәкiз он, тоқуз он* 'восемьдесят', 'девяносто' — совр. уйг. и азерб. *сәксән, тоқсан*, каз., кирг. *сексен, тоқсан*, тат. *сиксән и туқсан* и т. д. Из приведенных примеров видно, что указанные сложные числительные характеризуются в тюркских языках отсутствием твердой и единой нормы произношения. Надо полагать, что это связано исключительно с акцентно-просодическими факторами. Так, при условии, если числительные произносятся с особой интонацией, как это имеет место в ногайском (Баскаков, 1963, с. 507), а также узбекском (Решетов, 1965, с. 55) языках, то ударение приходится на первый слог сложных числительных. А если ударение переходит на последний слог таких числительных, например в современном уйгурском, киргизском, казахском, азербайджанском, татарском и некоторых других языках, то тут имеет место позиционное расширение этимологического полуширокого гласного [o] в составе второго компонента сложного числительного *он* 'десять'.

Из категории числительных выделим также диалектное произношение *ишкә, ишккә* (Наджип, 1968, с. 172) вместо лит.-орф. *икки* 'два', где налицо расширение этимологически узкого гласного звука [i] в финале слова.

Из других категорий слов следует указать на диалектные формы наречий типа *бүгән бу(л)* 'этот' + *күн* 'день' (ср. каз. *бүгін*, алт. *бугун*, тел. *пуун*), 'сегодня'; *эртәгән* (Jagging, 1967, с. 12), *эртигән* (*эртә күн*) 'рано утром' и др., в которых происхождение финального широкого гласного [ə] является продуктом позднего развития.

В уйгурском языке заслуживает внимания вопросительная частица *-му*, являющаяся, как правило, в тюркских языках безударной. В уйгурском, принимая на себя ударение, она подвергается качественной модификации. В результате такого изменения произношение узкого губного гласного заднего ряда [y] в составе указанной частицы приближается к качеству полуширокого [o], а в диалектах — до уровня максимально широкого [a], например: *Йолда, гәпләшмәй шүк маң, жуму! Бир ким туюп қалмисун!* (Тарим, 1958, № 4) 'В пути иди тихо и не разговаривай, чтобы кто-нибудь не услышал, ладно?'

В нашем примере вопросительная частица *-му* под ударением имеет наибольшую высоту тона, что подтверждается экспериментально-фонетическими методами исследования (Байчура, 1971, с. 48).

Из тюркских языков можно выделить средний диалект татарского языка, а также карaimский язык (Мусаев, 1964, с. 91), в которых вопросительная частица, как и в уйгурском произношении, представлена в варианте *-мо*, например: *барар-мо?* 'пойдет ли?', *адам-мо?* 'человек?' и т. д.

К ним же относится указательная частица-местоимение *ми*, которая, имея на себе ударение, как и вопросительная частица *му*, модифицируется в *мо* в языке желтых уйгуров (Малов, 1957, с. 77).

Уместно отметить также, что в языке желтых уйгуров позиционному расширению подвергаются даже такие стабильные в звуковом оформлении общетюркские аффиксы словообразования и словоизменения, как *-чы/-чі*: *пытыкча* (вм. *пытыкчі*) 'писец, грамотный человек' (с. 96); *-қы/-кі*: *пырынҗо* (вм. *пырынҗы*) 'прежний, ранний, первый' (с. 96); *-қу/-қы*: *тақа*, *тақаға* (наряду с *тақағы* и *тақақы*) 'курица' (с. 110) и др.

Аналогичное явление прослеживается и в аффиксах словоизменения *-ду* (*-ту*), *-дуқ* (*-туқ*) и др., где абсолютное возрастание количества гласного [у], как и повышение тона, связано со своеобразным проявлением словесного ударения в уйгурском языке. По всей вероятности, то же следует сказать и о модальной частице *цы*, *ці* с сингармоническими вариантами с широкой огласовкой *са*, *сә*, употребляемой при повелительной форме глагола в тевризском и терском говорах языка сибирских татар: *цөбір китір-сә!* (вм. *цөбір китір-сі* 'принеси-ка пеленку' (Тумашева, 1977, с. 144—145). Итак, можно сделать вывод о том, что в общенародном уйгурском языке, как и в отдельных тюркских языках и их диалектах, переход узких гласных в соответствующие широкие под ударением — явление, свойственное вокализму с древнейших времен.

Каждый конкретный язык во все времена стремился сохранить какой-то минимум полезных фонематических противопоставлений. В случае нарушения этого минимума создавались коммуникативные неудобства и в системе фонем языка начинали происходить определенные изменения, имеющие своей целью восстановление нарушен-

ного равновесия. Именно это происходило в диалектах и говорах уйгурского языка раннего периода, когда в связи с активизацией процесса качественной редукции слабоударных гласных анлаута в словах типа *ағу* 'яд', *өзүм* 'я сам' и переходом в этой позиции широкого гласного [а] и полуширокого [ə] в полуширокий [о] и узкий [ү], указанная качественная затрата была в той или иной степени возмещена за счет качественного расширения финального под ударением узкого гласного до уровня максимально широкого [а] или [ə], например: *оға* (вм. др.-уйг. *ағу*), *үзәм* (вм. др.-уйг. *өзүм*). Таким образом, в древнеуйгурском в связи с акцентным сдвигом было упорядочено нарушившееся равновесие общего объема употребления широких и узких гласных во многих словах.

Следовательно, качественная и количественная редукция гласных анлаута в двусложных словах в истории уйгурского языка не могли нанести ощутимого ущерба общему составу широких и узких гласных, поскольку качественная редукция слабоударных анлаутных гласных в известной мере была компенсирована за счет качественной модификации ударных узких гласных ауслаута в сторону их расширения.

Особое место в этом процессе занимают южные говоры уйгурского языка, где особенно заметно употребление широких гласных [а] и [ə] вместо этимологических узких [y], [ү] и [ы], [i] в финале, а также тенденция к меньшему употреблению широких и полушироких гласных в анлаутной позиции многих слов. Таким образом, указанные звуковые изменения не привели к заметному нарушению фонологической системы, поскольку сужение широких и полушироких гласных анлаута сменялось соответственным расширением узких гласных ауслаута. Однако в истории уйгурского языка, особенно в его южных говорах, в связи с изменениями акцентной характеристики во многих словах, ранее слабоударные и редуцированные узкие гласные ауслаута постепенно приобрели качество гласных полного образования, а гласные полного образования анлаута соответственно перешли в гласные неполного образования и редуцированные.

Аналогичные явления происходили также в истории ряда тюркских языков. Так, в чувашском языке древнее

[а] в начальном слоге слова превратилось в [и] через промежуточную ступень [о], после чего общий объем употребления [а] значительно сократился. Однако эта утрата была компенсирована превращением этимологического [ä] в [а] (Серебренников, 1964, с. 27; 1965, с. 12—16).

Такое же явление наблюдается и в татарском языке, где древнетюркский широкий гласный [э] через ступень [е] превратился в узкий [и], а древнетюркский узкий [i] соответственно в полуширокий [е], создавая тем самым, определенное равновесие в употреблении гласных звуков.

К ИСТОРИИ ПОЯВЛЕНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ГЛАСНЫХ ЗВУКОВ

5.1. СДВИГИ В ФОНЕТИЧЕСКОЙ ПРОТИВОПОСТАВЛЕННОСТИ УЗКИХ НЕЛАБИАЛИЗОВАННЫХ ГЛАСНЫХ [ы] — [i]. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ИНДИФФЕРЕНТНЫХ ЗВУКОВ В УЙГУРСКОМ ЯЗЫКЕ

5.1.1. Конвергенция узких нелабиализованных гласных в ранний период развития уйгурского языка

Древнеуйгурский язык отличается от средневекового, а также современного уйгурского не только конкретным звуковым составом, но и отношениями звуков как фонем. В древнеуйгурском языке известны фонемы, служащие особыми звуковыми единицами для различения смысловых единиц (слов, форм) в отличие от средневекового и современного языка. Например, узкий нелабиализованный гласный твердого ряда [ы] в древнеуйгурском выступал в независимом фонетическом положении по отношению к [i]. Судя по ранним древнетюркским письменным памятникам, звук [ы] употреблялся не только в медиальной и финальной позициях слов, но также и в инициальной. Так, например, в тексте Онгинского памятника, найденного в 1891 г. Н. М. Ядринцевым близ р. Онгин возле Кошо-Цайдам и относящегося примерно к концу VII или началу VIII в., упоминается нарицательное имя Ышбара. В различных письменных памятниках, более поздних по времени написания, также имеется ряд примеров с инициальным звуком [ы], например: *ыр* 'песня', — *ір* 'сконфуженный, пристыженный'; 'камень'; *ычгын* 'выпускать, терять, лишаться' — *ичгир* 'подчинять'; *Ыла* геогр. назв. р. Или — *илә* послелог 'с', (ср. совр. *билән*); *ылығ* 'теплый' — *ілік* 'костный мозг'; *ыш* 'копать, сажать; дымка, мгла' — *иш* 'дело, работа'; *ынақ*, *ынағ* 'надежда' — *інәк* 'корова'; 'самка черепахи' и т. д. Этот перечень можно было бы дополнить, если принять во внимание, что «некоторые слова современных тюркских языков, начинающиеся с гласного [i], в прошлом начинались с гласного [ы]» (Серебренников, Гаджиева, 1979, с. 23).

В графике древнеуйгурских письменных памятников из Восточного Туркестана, написанных на брахми, строго разграничиваются бинарные корреляции гласных [o]—[y], [ə]—[ɣ], [a]—[ə]. Однако графическое разграничение контрастирующих пар узких нелабиализованных гласных—заднерядного [ы] и переднерядного [i]—в них отсутствует. Пока не выяснено, чем это вызвано, хотя сам факт—отсутствие графического разграничения двух совершенно разных фонем—явно указывает на слабую дифференциацию гласных тюркских языков в период их возникновения и развития (Моллова, 1966, с. 65). Такое утверждение основано прежде всего на природной близости гласных [ы] и [i] в акустико-артикуляционном отношении. Заслуживает особого внимания мнение Г. П. Мельникова (1970) о том, что «...расстояние между [i] и [ы] очень невелико и не может быть значительным. Объясняется это следующим. Смещение [ы] в сторону большей заднерядной артикуляции привело бы к увеличению переднего ротового резонатора, характерного для [y], и звучание [ы] приблизилось бы к звучанию [y]. Смещение [ы] вверх до уровня [i] и дальше тоже осложнено, так как средняя, выгнутая, часть спинки языка создает при этом затруднение для притока воздуха и [ы] выступает как гласный среднего ряда верхне-среднего подъема, слабо противопоставленный гласному [i]. По этой причине, если в каком-либо языке начинает разрушаться гармония по признаку ряда, то именно гласный [i] превращается в первую очередь в сингармонически нейтральный гласный» (с. 63).

Исходя из этого, можно утверждать, что тенденция к конвергенции близких по артикуляции узких нелабиализованных гласных [ы] и [i] наблюдалась, по-видимому, еще на раннем этапе развития древнеуйгурского языка. Однако такое предположение вряд ли может служить подтверждением того, что указанные гласные по своей природе с самого начала были индифферентными и зависящими от качества окружавших их согласных звуков*.

* Между тем такая зависимость гласного вполне очевидна. При исследовании древнеуйгурских письменных памятников В. М. Насилов установил, что при соседстве альвеолярных или дентальных консонант наблюдается фонетическая вариантность [ы] в ряде слов (Насилов, 1974, с. 17).

Например, А. М. Щербак (1970) на конкретных фактах показывает, что «тенденция к образованию нейтральных гласных на протяжении всего периода истории тюркских языков, засвидетельствованного письменными памятниками, представляется скорее усиливающейся, чем ослабевающей» (с. 141).

Это заключение основано на том, что даже на протяжении сравнительно короткого периода истории развития тюркских языков отмечаются факты замены твердоядного типа основы мягкорядным: *тыл* — *til* 'язык', *пыш* — *piш* 'созревать, свариваться', *ыт* — *it* 'собака', *ыш* — *iш* 'дело' и т. д. (Щербак, 1963, с. 39). В связи с этим следует отметить, что в уйгурском языке, по наблюдению С. Е. Малова (1934, с. 103), есть такие слова с твердоядным составом звуков, как *қыз* 'девушка, девочка', *қых* (из *қырық*) 'сорок' и т. д., явно тяготеющие к переднерядному типу произношения — *қиз*, *қих*. Аналогичная картина наблюдается и в истории чувашского языка, где «некогда совершался переход пратюркского [ы] в [и]» (Серебренников, Гаджиева, 1979, с. 27), а также узбекского, где вообще палатальный уклад произношения превалирует над велярным в системе не только вокализма, но и консонантизма. Так, В. В. Решетов (1959) отмечает, что «узбекский литературный язык утратил типично тюркскую фонетическую черту — сингармонизм, предполагающий наличие взаимно противопоставленных гласных (пар гласных) в основах и в системе словообразовательных и словоизменительных формантов. Произошел, таким образом, сдвиг артикуляции в сторону переднего уклада, а в связи с этим разрушена палатальная аттракция — различие принципиально передних и принципиально задних гласных звуков. Каждая пара гласных типично тюркского вокализма дала один индифферентный звук соответствующего подъема» (с. 116).

Следовательно в отношении функционального слияния близких по артикуляции узких нелабиализованных гласных современный уйгурский язык, а также узбекский обладают весьма близкими характеристиками. Однако, несмотря на внешнее сходство, явления конвергенции узких гласных не только в разноструктурных языках, как, например, в уйгурском, с одной стороны, и в монгольских языках — с другой, но даже близкородственных — в уйгурском и узбекском — имеют далеко не оди-

наковое объяснение. Но все же в конвергенции узких гласных в уйгурском, узбекском и монгольском языках с точки зрения внутреннего их развития обнаруживается некоторое сходство. По-видимому, это обстоятельство и послужило основанием говорить о возможном влиянии монгольских языков на уйгурский (Решетов, 1959, с. 116) или уйгурского на узбекский (Богородицкий, 1953, с. 130).

В истории старомонгольского письменного языка наблюдается, например, фонетический процесс, в котором «...два гласных, чрезвычайно близких друг другу — [ы] и [и], относились к двум различным рядам. В монгольском письменном языке еще в очень раннее время произошло сближение этих двух фонем, выразившееся в том, что [ы] перестал отличаться от [и]. На месте двух гласных оказался только один [и] — стройная система деления на два ряда была нарушена» (Владимирцов, 1929, с. 320).

Б. Я. Владимирцов (1929) пишет: «По-видимому, уже в половине XIII в. монголы перестали различать [ы] от [и]... Звук [ы] исчез совершенно и [и] появился на его месте, даже в словах заднего ряда» (с. 119—120, 122). Таким образом, в старописьменном монгольском языке исчезло различие между [ы] и [и], хотя предполагается, что аллофон [ы] в XIII в. еще был. По мнению Г. Д. Санжеева (1977), [ы] и [и] «аллофоны одной и той же фонемы, а не две самостоятельные фонемы, если вообще были такие аллофоны вместо одного современного [и], о чем говорит тот факт, что во всех монгольских языках нет ни одной пары двух разных по значению слов или каких-либо лексико-грамматических морфем, различие между которыми было бы обусловлено наличием двух самостоятельных фонем [ы] и [и]» (с. 53).

В истории уйгурского языка отмечается аналогичное явление, когда узкие гласные [ы] и [и], имеющие весьма близкие артикуляционные характеристики и потому слабо дифференцированные в фонологическом отношении, были склонны к слиянию.

Письменные памятники VIII—X вв. свидетельствуют о том, что на раннем этапе развития древнеуйгурского языка общетюркские гласные [ы] и [и] существовали еще как самостоятельные фонемы. Позднее эти звуки конвергировались, т. е. стали выступать в одном звукопредставлении — не в виде [и], как это наблюдается в

монгольском, а в виде индифферентного [и]. В итоге звуки [ы] и [і] в звене кратких гласных уйгурского языка перестали существовать как таковые, а вместо них появился другой звук, вобравший в себя качество обоих конвергирующих гласных.

Как указывает В. А. Богородицкий, в историческом развитии гласные [ы] и [і] совпали «в твердоватом [і] в „китайско-татарских и таранчинском”» (т. е. в уйгурских диалектах Восточного Туркестана. — Т. Т.) (Богородицкий, 1927, с. 178). Конкретизируя данные об индифферентном [и], встречающемся в падежных окончаниях, В. А. Богородицкий (1925) пишет: «в китайско-тюркских диалектах, у таранчей... гласные [і] и [ы] в окончании -нің/-ның настолько сблизились, что почти совпали между собою, подобно тому, как совпадение гласных [ы] и [і] произошло в части славянских языков...» (с. 13—14).

Итак, звуки [ы] и [і] в истории уйгурского языка прошли определенную стадию развития. По-видимому, такую же стадию можно реконструировать и для других языков, в частности для монгольского и узбекского, имеющих теперь относительно новую фонему [и]. Это сходство, вероятно, возникло в ходе эволюции и огромного языкового массива от современной территории Монголии до Восточного Туркестана и Средней Азии. Возможно, здесь действовал внешний динамический фактор, т. е. взаимовлияние уйгурского, узбекского и монгольского языков, ранние этапы истории которых характеризуются тесными и продолжительными контактами на территории современной Монголии, а затем в Восточном Туркестане и Средней Азии. Вместе с тем весьма вероятно, что в процессе конвергенции основную роль могли сыграть внутренние динамические факторы. Разграничение влияния внешних и внутренних воздействий возможно лишь после тщательного сравнительно-исторического изучения фонетической системы тюрко-монгольских языков.

Необходимо отметить, что, несмотря на внешнее сходство, результат конвергенции узких гласных [ы] и [і] в монгольских языках, с одной стороны, и в уйгурском — с другой, далеко не совпадает. Так, например, в монгольском письменном языке в результате конвергенции появился нейтральный ряд гласного [и], который после исчезновения из фонетической системы старомонгольского письменного языка твердоядного [ы] стал

выполнять его фонематическую роль. Другими словами, в результате конвергенции в старомонгольском произошла простая замена твердорядного [ы] мягкорядным [и].

Если принять тезис о переходе твердорядного [ы] в мягкорядный [и], то следует принять также тезис об увеличении шансов на употребление слов с палатальным составом звуков за счет указанного фонетического сдвига в старомонгольском языке. Иначе обстоит дело в уйгурском языке, где в результате конвергенции появился совершенно новый, с точки зрения палатальной гармонии, нейтральный звук, не существовавший в древнеуйгурском языке.

В отношении происхождения и развития явления конвергенции гласных узбекский язык занимает особое положение. Здесь процесс конвергенции гласных пошел еще дальше, охватывая не только неогубленные узкие [ы] и [i], но и все огубленные — [у] и [ү], [о] и [ө]. В результате такого качественного изменения вокализм городских говоров ташкентского типа сблизился с вокализмом таджикского языка, а самаркандско-бухарско-ходжентские говоры, будучи двуязычными, полностью повторили вокализм последнего*.

Касаясь происхождения конвергенции гласных в узбекском языке, А. К. Боровков подчеркивает, что теория «иранизации» здесь не может быть принята безоговорочно, поскольку все изменения, происшедшие в фонологической системе узбекского языка, нельзя относить исключительно за счет внешних факторов. Однако в принципе сам факт влияния иноязычного субстрата на изменение звукового строя узбекского языка учеными не оспаривается. В. В. Решетов (1959) утверждает, что «постепенная... утрата сингармонизма в результате качественного совпадения контрастирующих пар типично тюркских гласных и появление в связи с этим своеобразных индифферентных звуков происходило при участии таджикского языка» (с. 42).

Оставляя открытым вопрос о генезисе и причинах, породивших конвергенцию древнеуйгурских гласных [ы] и [i], отметим, что, как и всякое фонетическое явление, происходившее в многовековой истории языка, процесс

* По мнению Е. Д. Поливанова (1928, с. 306), здесь отмечается не простое сходство, а почти полное тождество вокализма.

конвергенции кратких [ы], [i] начался в ранний период эволюции уйгурского и узбекского языков и оказал влияние не только на фонетическую систему указанных языков, но и на развитие их лексического состава и грамматического строя.

В плане синхроническом процесс функционального слияния некогда разных звуков доступен наблюдению, но в плане диахроническом этот процесс имеет чрезвычайно долгую историю в языке, так как «любая конвергенция происходит через этапы последовательной нейтрализации. От нейтрализации к нейтрализации оппозиция исчезает полностью» (Журавлев, 1971, с. 99).

По мнению некоторых ученых, в диалектическом развитии процесса конвергенции вообще отсутствуют историческая мгновенность и мутационность. Е. Д. Поливанов (1968), например, пишет: «Мутационным (революционным) оказывается лишь завершение развития, предшествующая же этому разрешению подготовительная часть всего процесса обычно носит длительный характер» (с. 111). Другими словами, «конвергенция является только разрешением (синтезом), т. е. конечным этапом диалектического развития» (Поливанов, 1968, с. 110).

В отличие от узбекского языка, где конвергенция и образование в связи с ней индифферентных звуков так или иначе связаны с экстралингвистическими факторами*, в уйгурском — это продукт длительной исторической эволюции языка, обусловленной внутренними закономерностями его развития. Так, в уйгурском, по всей вероятности, конвергенция гласных [ы] и [i] в чисто лингвистическом плане оказалась возможной потому, что противопоставление [ы] и [i] на ранних этапах истории языка было функционально незначительным. Видимо, во многих словах произношение [ы] или [i] было безразличным с фонематической точки зрения. Что касается других узких гласных — губных [у] и [ү], то в древнеуйгурском конвергенция для них была невозможной. Это было вызвано тем, что конвергенция [у] и [ү] в одном звуке по аналогии с узкими [ы] и [i] была небезразличной для смыслоразличительной функции многочисленных слов типа *уч—үч, ун—үн, уз—үз, туз—түз*,

* Конвергенцию [ы] и [i] в узбекском языке отдельные ученые относят ко времени после XV в. (Мелиоранский, 1904, с. 5).

тур—түр и т. д. Заметим, что по древнетюркским письменностям не всегда можно проследить отклонения в орфографии отдельных слов в области смешения [y] и [ү] в древнеуйгурском более раннего периода. Однако, как нам представляется, нельзя категорически отрицать и факт смешения в результате частичной конвергенции губных узких гласных [y] и [ү]. Это видно хотя бы из спорадического дублетного произношения ряда таких односложных и двусложных слов, как *куч* 'сила, мощь', *кучум* 'моя сила', *чучукой* 'солодка', *гумбаз* 'купол', *кучук* 'щенок', *курмак* бот. 'курмак, птичье просо', *кучула* бот. 'кучеля, кучеляба' (яд), *куйоғул* 'зять, жених', *кул* 'зола', *кунжут* бот. 'кунжут', *сурғуч* 'сургуч', *суруп* 'полотно' и т. д. в речи представителей южных говоров уйгурского языка. Из приведенных примеров видно, что и здесь обнаруживается некая «слабая точка» системы, не менее слабая, чем в случае с [ы]—[і]. В противоположность узбекскому, где фонологическая функция губных [y] и [ү] почти полностью нейтрализовалась вследствие незначительной нагрузки в языке, в уйгурском различие между [y] и [ү] было фонологически более важным, а потому и необходимым для их сохранения.

Известно, что звуковые изменения в звуковой системе любого языка влекут за собой определенные изменения в языке в целом. При решении проблемы звуковых изменений обычно мало внимания уделяется связи данного звукового изменения с изменением звукового состава языка в целом, тогда как чрезвычайно важно знать, происходит ли в результате того или иного звукового изменения увеличение или сохранение состава фонем, а в иных случаях и возникновение совершенно нового звука. Об этом А. Томсон (1910) пишет: «Как вследствие изменения артикуляций индивидуального произношения, так и вследствие изменения перенимаемых звуковых комплексов, может получиться в результате или просто замена звука, при которой один звук заменяется другим, уже существующим в данном языке, или же изменение звука, т. е. появление на месте прежнего совершенно нового звука, вернее, новой разновидности звука, не существовавшего раньше в данном языке» (с. 242).

Это замечание А. Томсона одинаково применимо как к уйгурскому, так и узбекскому языкам, в которых на раннем этапе развития в результате конвергенции вместо близких по артикуляции звуков [ы] и [і] появился но-

вый индифферентный звук [и], включающий в себя качественные признаки обоих конвергирующих звуков, но в то же время не совпадающий ни с одним из них.

Казалось бы, конвергенция узких [ы] и [і] в древнеуйгурском языке была всего лишь частным звуковым изменением. Однако благодаря многообразным связям конвергенции с действующими в языке звуковыми законами осуществление ее вызвало цепную реакцию, преобразившую как звуковое оформление слов, так и грамматические показатели древнеуйгурского языка. Так, под влиянием индифферентного звука, появившегося вместо прежних [ы] и [і], твердые и мягкие разновидности аффиксов, имеющие в своем составе нелабиализованные [ы] и [і], унифицировались в единый тип индифферентных звуков, которые, в свою очередь, нарушили стройную систему гармонии звуков в уйгурском языке.

Индифферентный звук [и] в составе таких омоформ, как *иш* 'дело, работа'; 'приспособление из таволги, предназначенное для заделывания мешка', в современных формах *ишлимақ* и *ишлимәк* различается не только присутствием в первом случае заднерядного гласного [ы], а во втором — переднерядного [і]. Это различие выявляется нами интуитивно, исходя из наличия твердой разновидности глагольной формы (*ла+мақ*) в первом случае и соответственно мягкой разновидности глагольной формы (*лә+мәк*) — во втором, а также до некоторой степени и материального их звучания, выявляемого при аффиксации. Поэтому вполне уместно предположить, что такие именные и глагольные формы, как *тыш* 'наружная сторона' — *тиш* 'зуб', *сыз* 'черти' — *сиз* местоим. 'вы', или такие именные основы, как *ыш* 'копоть, сажа, дымка, мгла'; 'прут таволги, употребляемой для заделывания мешков'* и *иш* 'работа, дело, труд', а также инфинитивные формы от этих основ — *ышлымақ* и *ишлимәк*, по-видимому, в древнеуйгурском языке отличались друг от друга присутствием в первом случае заднерядного [ы], а во втором — переднерядного [і]. Это подтверждается, в частности, наличием в современном уйгурском языке твердых разновидностей глагольных форм *-лап* (*-ла-п*), *-лар*

* Данное значение слова, по-видимому, является более поздним, так как оно не встречено нами ни в одном древнеуйгурском источнике. Другое значение слова — 'копоть, сажа, 'дымка, мгла' — тоже не встречается в современном уйгурском языке.

(-ла-р), -лимақ (-ла-мақ) наряду с мягкими разновидностями -ләп (-лә-п), -ләр (-лә-р), -лимәк (-лә-мәк).

Конвергенция узких нелабиализованных гласных и совпадение их качества в индифферентном звуке [и] в древнеуйгурском языке способствовали реализации последнего в звуковом качестве, отличном от основного их вида, т. е. реализации в третьем звучании — в виде [и̥] и [ӣ]. Таким образом, конвергенция гласных [ы] и [і] в уйгурском языке привела к значительному качественному изменению гласных основы вообще.

На определенной стадии развития уйгурского языка с упрощением вокализма, связанным с конвергенцией гласных [ы] и [і], последовали новые изменения, которые, в свою очередь, вызвали перестройку и привели к большому усложнению звуковой системы уйгурского языка. В результате слияния кратких [ы] и [і] в один индифферентный [и] в уйгурском языке появился совершенно новый, качественно отличный от других гласных звук [е] как результат обратного влияния индифферентного звука [и] на качество широких [а] и [ә] начального слога.

5.2. О ЯВЛЕНИИ «УМЛАУТ» И РЕГРЕССИВНОЙ АССИМИЛЯЦИИ ГЛАСНЫХ В УЙГУРСКОМ ЯЗЫКЕ

Определение динамики и эволюции фонетических изменений является одной из трудных и сложных проблем в языкознании. Трудность заключается в том, что часто невозможно установить границы звуковых изменений, вызванных интра- и экстралингвистическими факторами. В некоторых языках Западной Европы, в частности в германских и скандинавских, известно так называемое явление «умлаут», обусловленное регрессивным влиянием гласного последующего слога на гласный предшествующего. Из числа тюркских языков можно указать на уйгурский, а также на узбекский, в которых имеет распространение явление регрессивной ассимиляции гласных, сходное с умлаутом в германских языках. Несмотря на внешнее сходство * этих явлений в уйгурском и германском языках, нельзя рассматривать их как одинаковое фонетическое явление, возникшее в совершенно

* Основываясь на данных В. В. Радлова (Radloff, 1882, с. 63), указанное явление в уйгурском языке М. Рясянен (1955, с. 70—71) сравнивает с немецким умлаутом.

равных условиях. Следует отметить, что даже в близкородственных языках общая закономерная тенденция развития языка по-разному дифференцирует результаты взаимодействия элементов фонетической и грамматической систем этих языков.

В фонологическом отношении действие умлаута в германских языках и перегласовка гласных в уйгурском принципиально различны. Если в германских языках гласный звук, возникший под воздействием умлаута, фонологизируется только в связи с редукцией ассимилирующего гласного, то в уйгурском в результате перегласовки создается лишь позиционный вариант той же фонемы. Иными словами, при перегласовке гласных в уйгурском языке не происходит ни фонологизации, ни редукции гласного, вызывающей регрессивную ассимиляцию гласных, как в германских языках.

Поскольку позиционные варианты фонемы не наделяны смысловозначительной функцией, варьирование гласной фонемы, обусловленное регрессивной ассимиляцией гласных, обычно не имело в письме графического обозначения. Поэтому можно предполагать, что фонологическая нерелевантность (незначимость) результатов регрессивной ассимиляции с самого начала возникновения этого явления в древнеуйгурском языке не находила в письме обязательного отражения.

Традиционное письмо, в котором не отражены результаты звукового изменения, связанного с регрессивной ассимиляцией гласных, затрудняет решение вопроса о существовании такого фонетического явления на ранней стадии развития уйгурского языка. Несмотря на сложность решения этой проблемы, все-таки следует признать факт существования регрессивной ассимиляции гласных в древнеуйгурском языке. Многочисленные примеры варьирования широких гласных анлаута в позиции перед узкими гласными последующего слога, а также другие акцентологические явления, способные вызвать подобные звуковые изменения, свидетельствуют в пользу такого утверждения.

Вследствие автоматичности варьирования гласной фонемы анлаута, обусловленное регрессивной ассимиляцией гласных, по-видимому, допускало произношение слов с вариантным составом фонем. Последнее дает основание утверждать, что на ранних этапах возникновения регрессивной ассимиляции гласных в древнеуйгур-

ском наряду с исконными формами слов существовали их вариантные формы. И действительно, обнаруженные в диалектах и говорах современного уйгурского языка такие формы слов, как *хатун/хотун/хутун* 'женщина', *ачуқ/ачық/очуқ/учуқ* 'открытый', *мәні/мені/міні* 'меня'; *әлік/елік/ілік* 'рука', *балық/белік/білік* 'рыба', *бәл/бел/біл* ср.: *бәлвағ/белвақ/білвақ* 'пояс, кушак'; 'поясница' и т. д., восходят к глубокой древности.

Процесс образования вариантного произношения слов очень длительный. В этом смысле весьма показателен процесс перехода широких гласных в полуширокие, а затем и в узкие, который мог произойти только в ходе продолжительного исторического развития.

Фонетическая природа регрессивной ассимиляции узких гласных в уйгурском языке заключается в том, что в определенном положении широкие гласные всегда представлены позиционными вариантами этих фонем. Так, если варьирование широкой гласной фонемы [а] было обусловлено регрессивной ассимиляцией индифферентного [и] последующего слога, то оно заключалось в том, что с момента конвергенции древнеуйгурских узких гласных [ы] и [і], а также с появлением вместо них индифферентной фонемы [и], широкий гласный [а] анлаута был представлен вариантом, более близким по артикуляции к [и], чем варианты этой фонемы в других фонетических положениях. Примеры: *қайын — қейин — қийин* 'береза', *арығ — ериқ — ириқ* 'арык', *қалын — қелин — қилин* 'толстый' и т. д. То же можно сказать и о широком гласном [ә], который в позиции перед индифферентным [и] выступает в варианте, близком по артикуляции к ассимилирующему [и]: *кәдін — кейин — кийин* 'потом, после', *әрін — ерин — ирин* 'лениться', *кәчікмәк — кечикмәк — кичикмәк* 'опаздывать' и т. д.

Аналогичная картина наблюдается и при регрессивной ассимиляции узких губных гласных, при которой широкие гласные [а] и [ә] основы выступают в вариантах, близких по артикуляции к губным [у] и [ү] последующего слога. Например: *аруқ — оруқ/уруқ* 'худой, тощий', *қамуш — қомуш/қумуш* 'камыш, тростник', *әрүк — өрүк/үрүк* 'урюк', *әтүк — өтүк/үтүк* 'утюг'; 'сапоги' и т. д.

Возникновение качественно новой разновидности широких гласных в анлауте, обусловленной регрессивной ассимиляцией гласных, происходит отнюдь не всюду, где

имеется фонетическое условие. Одним из главных и необходимых условий для осуществления указанного явления с самого начала была, по-видимому, репласация словесного ударения, т. е. перемещение в многосложных древнетюркских словах главного ударения с первого слога на последний. Это привело к значительным фонетическим сдвигам, выразившимся в перебое гласных в различных позициях слова, ассимилятивным изменениям согласных и т. д. Впервые объяснение данного явления было дано В. В. Радловым, который назвал его «умлаутом», или перегласовкой гласных.

В результате регрессивной ассимиляции гласных наблюдается сложное фонетическое явление, имеющее определенное фонологическое значение. Так, с потерей различительных возможностей конвергировавшихся гласных и с появлением индифферентного гласного [и], который послужил причиной ассимилятивного изменения широких гласных основы, происходит дивергенция, т. е. своего рода расщепление старых фонем [а] и [э] на две — [а] — [е] и [э] — [е]. Однако, как было отмечено выше, такое отношение между позиционными вариантами широких гласных [а] и [э] в уйгурском языке не используется для выражения смысловых различий и поэтому остается в рамках фонетических изменений.

В германских и скандинавских языках явление умлаута получило фонологическое объяснение. В этом и состоит его главное отличие от так называемого уйгурского «умлаута», предложенного В. В. Радловым.

5.3. О ГЕНЕЗИСЕ ЗВУКА [е]

Вопрос о происхождении звука [е] на ранних этапах истории тюркских языков остается пока окончательно не выясненным. Существование этого звука даже ставится под сомнение, «ибо его графическое выражение в алфавитной группе отсутствует, лишь в брахми-письме различаются знаки для [е] и [э]» (Насилов, 1963, с. 8). Однако, основываясь на мнениях отдельных ученых, можно допустить, что звук [е] существовал в древнеуйгурском языке как самостоятельная звуковая единица в X—XI вв. и раньше. Так, например, Махмуд Кашгарский, разъясняя отдельные слова, подчеркивает наличие разницы в произношении этих слов разными племенами. Например, в одних диалектах произносятся слова с [а], в других —

эти же слова с [e]. К числу дублетных форм слов можно отнести такие, как *мән* — *мен* местоим. 'я', *чәчәк* — *чечәк* 'цветок', *кәмә* — *кемә* 'лодка' и т. д., обнаруживаемые в диалектах и говорах современного уйгурского, а также узбекского языков.

В. М. Насилов также отмечает бытование звука [e] в древнеуйгурском языке. По его мнению, в письменных памятниках, написанных уйгурским письмом, можно установить в корневых морфемах слов наличие закрытого [e], отличного от [ə] и [и], доминирующих в вокализме других текстов. Это подтверждает К. Брокельман, М. Ряснен, М. Мансуроглу, хотя С. Е. Малов в своей транскрипции этих текстов такую фонему не обозначил. В. М. Насилов ссылается также на письменные памятники «Мираж-намә» и «Тәзкәрә-и әвлийә», где наличие закрытого звука [e] доказательно для корневых слогов тюркских слов. В. М. Насилов особо отмечает хорезмийский письменный памятник «Неһж-ул-фарадис», относящийся приблизительно к 1360 г. Его издатель Я. Эккман смело восстанавливает фонему [ə], основываясь на способе одинакового отражения этой фонемы как в персидских, так и в тюркских словах при помощи буквы *ع* с надстрочной фатхой, например: *емдi* 'теперь', *ертә* 'утром, рано', *бег* 'князь', *кетәр-* 'уносить', *темүр* 'железо' и т. п.

В. В. Радлов в своем фундаментальном труде, посвященном сравнительной фонетике тюркских языков, отмечал переход широких гласных [a] и [ə] в [e] как исключительную особенность фонетики уйгурского языка.

Отдельные тюркологи, в частности Е. Д. Поливанов, В. Томсен, К. Фой, проблему закрытого [ə] рассматривают в связи с так называемой первичной долготой в тюркских языках.

В. В. Радлов придерживался точки зрения в пользу двухступенчатой оппозиции нелабиализованных гласных мягкого ряда. По его мнению, в древнетюркском языке, так же, как и в современных тюркских языках, в корневых слогах был один гласный — [ə], который факультативно обозначался в рунических, уйгурских, а также арабо-письменных памятниках (Radloff, 1901, с. 425—462).

Несколько раньше аналогичное мнение было высказано В. Томсеном и П. М. Мелиоранским, считавшими,

что обозначение $\uparrow$ в словах связано с тем или иным качеством нелабиализованного гласного мягкого ряда. П. М. Мелиоранский (1899) писал: «Я более склонен допустить, что здесь — как и в некоторых других словах, которые случайно пишутся или только с $\uparrow$, как, например, $o^{\uparrow}h\ ti-$ 'говорить', или только без $\uparrow$, как, например, в первом слове $x^{\uparrow}|\ \ddot{a}ci\ddot{o}$ 'слушай', — в диалекте надписей был не $[ä]$ и не $[i]$, а некоторый третий звук, переходный от $[ä]$ (=гласному в английском *fat*) к $[i]$, наподобие того, как (по фонетической скале турецких наречий) существует $[o]$, среднее между $[a]$ и $[y]$; отношение этого переходного звука от $[ä]$ к чистому $[i]$ то же, что у $[o]$ по отношению к $[y]$ или у $[ö]$ по отношению к $[ü]$: это будет, таким образом, тот или другой вид $[e]$ (закрытое $[e]$) или «смешанного» $[e]$, соответствующего $[ы]$? Вполне можно допустить, что за неимением особого знака этот звук обозначали то через $[ä]$, то через $[i]$ » (с. 20—21).

Опираясь на этот факт, П. М. Мелиоранский заключает, что «именно таков был и древнеуйгурский или пратурецкий звук $[e]$ в коренных слогах. Только в так называемых диалектах это пратурецкое $[ä]$ в коренном слове перешло отчасти в $[e]$ (более «узкий» звук), отчасти в $[i]$ ». По словам ученого, этот звуковой переход не относится к началу XIV в. Н. И. Ильминский (1860), в свою очередь, отмечал, что древнетюркская (по его терминологии старотюркская. — Т. Т.) система корневых гласных уже несколько сдвинулась и в казахском языке, в котором он различает $[e]$ «определятельное, умеренно протяжное», отмечаемое им ударением, и $[e]$ «краткое, беглое» (с. 6).

В. В. Радлов, рассматривая в качестве наиболее древнего представителя западнотурецких наречий половецкий диалект по «Codex Cumanicus», писал, что в нем еще не наблюдалось перехода $[ä]$ в $[e]$, названного им «перезвучием» (Радлов, 1884, с. 14, 16, 17). В другом труде В. В. Радлов (Radloff, 1897, с. 6, 7) высказывал иное мнение о звуковом переходе $[ä]$ в $[e]$.

На двоякое написание в орхонских надписях слов с начальным гласным $[e]$ и с опущенным $[e]$ обратил внимание В. Томсен, который усмотрел в указанных переборах своеобразное их произношение.

Несколько иную позицию в вопросе о генезисе звука [е] в тюркских языках занимает К. Фой, который допускает варианты формы в древнетюркском языке. При этом он придерживается мнения о том, что древними являются формы с узким гласным. Говоря о причине возникновения дублетных форм, К. Фой (Foy, 1900, с. 180—210) связывает указанное явление с существованием первичных долгот.

Заслуживает особого внимания также мнение Е. Д. Поливанова (1927, с. 152) о том, что генезис гласного [е] в своей основе восходит к пратюркскому [ə].

Исходя из сравнительного анализа материалов различных тюркских языков, А. М. Щербак (1970) также склоняется к мнению, что «исходной для тюркских языков является система... с двухступенчатой оппозицией гласных по признаку раствора (широкие//узкие)» (с. 35). Но, говоря об альтернации [ə]—[е], А. М. Щербак отдает предпочтение варианту с широким гласным мягкого ряда. При этом он опирается на реальный антропофонический фактор — на зависимость между количеством и тембром (долгие гласные более закрытые, чем соответствующие краткие варианты тех же гласных) (Щербак, 1970, с. 33).

Таким образом, большинство исследователей считают, что звук [е] в истории развития тюркских языков появился относительно поздно в результате различных фонетических изменений. В. В. Радлов, изучая генезис звука [е] в отдельных тюркских языках, попытался установить не только причину, но и относительную хронологию его появления.

По этому поводу В. В. Радлов (1884) писал: «Постепенный переход *ä* в *i*, по моему мнению, произошел в тюркских наречиях позже XIV века и именно следующим образом: сначала *ä* корня тюркских языков (как он еще и теперь выговаривается в алтайском, крымском и азербайджанском наречиях) в западных и киргизских наречиях перешел в звук *e*, произносимый при большем небном сужении, как мы теперь его слышим в киргизском и абаканском наречиях (подобно немецкому *e* в слове *sehen*). Впоследствии сужение небное увеличилось, так что во всех урало-волжских наречиях он является как *i*, выговариваемый при очень энергичной небной артикуляции» (с. 25).

Таким образом, по мнению В. В. Радлова, переход

[ə] в [и] произошел в тюркских языках позже XIV в. в результате сужения или ослабления корневого [ə] через следующий за ним [и].

Не оспаривая мнения тюркологов о причинах сужения рефлекса древнетюркского [ə] в истории тюркских языков, отметим, что данное явление в уйгурском языке, имея много общих моментов с другими родственными тюркскими языками, в своем развитии несколько отличается от них. Это вполне естественно, если учесть различные аспекты интра- и экстралингвистического факторов, влияющих на специфику развития языков.

Вполне возможно, что процесс сужения широких гласных мог возникнуть в уйгурском языке совершенно самостоятельно, независимо от других тюркских языков, после того как восточнотуркестанский язык вследствие различных причин изолировался от других близкородственных языков. Небезосновательно и предположение о том, что это изменение в фонетике уже было в языке древнеуйгурских племен, населявших некогда территории современного расселения уйгуров в Восточном Туркестане.

Процесс сужения нелабиализованного гласного, особенно гласного мягкого ряда [ə], в уйгурском языке, по-видимому, с самого начала был связан с двухступенчатой оппозицией гласного по количественному признаку. Нам представляется, что в древнетюркском языке гласный [ə] мог иметь два основных оттенка — долгий и краткий. Позже, в результате различных причин, обусловленных, в частности, изменениями в акцентуационной, а также в просодической системах древнетюркского языка, создалась реальная возможность не только для дефонологизации общетюркской оппозиции по признаку долготы — краткости гласных, но и для качественной, а также количественной модификации гласного. В связи с этим можно предположить, что с устранением фонологического признака долготы и краткости гласных развился признак противопоставленности краткого гласного нормальной долготы. Другими словами, с момента дефонологизации количественного признака гласных возникла общая тенденция сокращения количественного признака гласных в определенных фонетических положениях. В результате этого гласный [ə] нормальной долготы стал выступать в двух вариантах — кратком и редуцированном. Пожалуй, только этим можно объяснить факт

наличия качественной модификации широкого гласного [ə] в составе односложных слов типа *мэн — мен (мін)* 'я', *йэр — йер (йір)* 'земля', *бэл — бел (біл)* 'поясница' и появление значительного количества многосложных слов с вариантным вокализмом типа *эртə — ертə (іртə)* 'рано', *кəмə — кемə (кімə)* 'лодка', *кəпəк — кепəк (кіпəк)* 'отруби' и т. д.

Факты альтернации [ə] — [e] внутри диалектов уйгурского языка свидетельствуют о том, что процесс нивелировки количественной оппозиции гласных и тенденция замены количественного признака широких гласных качественным затронули прежде всего широкий нелабиализованный гласный мягкого ряда [ə].

Что касается качественной трансформации другого представителя широких гласных — твердоядного [a], то он, являясь гласным наиболее низкого подъема (т. е. наиболее длительным), обнаруживает несколько иную характеристику. Но тем не менее качественному и количественному изменению в определенной степени подвергся и максимально широкий гласный [a], что подтверждается фактами из других тюркских языков, в которых наблюдается аналогичное явление (Поливанов, 1927, с. 151—152).

Здесь имеются в виду хотя и единичные, но реальные факты существования дублетных форм слов типа *йар-йыр-* 'колоть, расколоть', *таш/тыш* 'внешняя сторона' (Рона-Таш, 1974, с. 33), рассматриваемые учеными в качестве признаков, связанных с историческим диалектным членением тюркских языков (Кононов, 1975, с. 184).

Можно считать резонными утверждения ученых о том, что «процесс стирания или качественной трансформации первичной долготы охватил в той или иной мере все тюркские языки» (Щербак, 1970, с. 56).

Следует отметить, что вследствие различных причин не только процесс дефонологизации количественного признака гласных, но и дальнейший ход развития качества гласных в различных тюркских языках, с одной стороны, и говорах древнеуйгурских племен — с другой, проходили далеко не одинаково, что подтверждается многообразием проявления древнеуйгурского гласного [ə] как в тюркских языках, так и в диалектах и говорах уйгурского языка. Поэтому генезис звука [e] уйгурского языка в основном связан с процессом сужения широких гласных.

Мы не оспариваем этого положения, однако историю возникновения звука [e], по нашему мнению, нельзя объяснять исключительно явлением сужения широкого [ə], так как и в уйгурском, и в узбекском, а также в других тюркских языках звук [e] появился не только в результате сужающего обратного влияния второслогового [и], но и в результате действия различных комбинаторных факторов и тенденций, существовавших в истории этих языков. Правда, в большинстве тюркских языков история появления звука [e] имеет общую основу, но вследствие различных причин, связанных прежде всего с особенностями внутреннего развития каждого конкретного языка, она имеет ряд своеобразных отражений в этих языках. Так, например, в отличие от современного уйгурского языка, где сужающее влияние аффиксального [и] распространяется как на переднерядный [ə], так и на заднерядный [a], в узбекском и казахском языках оно ограничено только пределами широкого [ə]. Между тем широкий гласный заднего ряда звук [a], как наиболее устойчивый в качественном и количественном отношениях, не подвергается обратному влиянию со стороны гласного [и] второго слога. Для иллюстрации приведем следующие примеры: др.-тюрк. *тарығ* 'просо, посев', уйг. *териқ*, узб. *тариқ*, каз. *тары*; др.-тюрк. *ағыр* 'тяжелый', уйг. *егир*, узб. *агир*, каз. *ауыр*; др.-тюрк. *қайын* 'береза', уйг. *қейин*, узб. *қайин*, каз. *қайын*; др.-тюрк. *сарығ* 'желтый', уйг. *серик*, уз. *сариқ*, каз. *сары* и т. д.

Необходимо отметить, что в случае качественного изменения гласных [a] и [ə] начального слога сужающее обратное влияние гласного [и] на широкие гласные основы безразлично к стечению согласных внутри слова. Так, например, в уйгурском языке гласные [a] и [ə] первого слога могут подвергаться обратному влиянию узкого [и] последующего слога только при условии наличия перегородки из одного согласного, в противном случае широкие гласные [a] и [ə] качественно не изменяются. Совершенно иная картина наблюдается в казахском языке (и отчасти в узбекском), где переход гласного [ə] в [e] происходит более или менее последовательно и через перегородки из двух согласных, например: уйг. *кәтти*, узб. *кетди*, каз. *кетті* 'ушел, ушли', уйг. *сәпмәк*, узб. *сепмоқ*, каз. *себу* 'брызгать', уйг. *кәмпир*, узб. *кампир*, каз. *кемпір* 'старуха', уйг. *чәксиз*, узб. *чексиз*, каз. *шексіз* 'безбрежный', уйг. *йәлкән*, узб. *елкан*,

каз. *желкен* 'парусная лодка', уйг. *сэзмәк*, узб. *сезмоқ*, каз. *сезу* 'чувствовать', уйг. *йәрлик*, узб. *ерли*, каз. *жер-гілікті* 'местный' и т. д.

К числу исключений, общих как для уйгурского, так и для узбекского и казахского языков, можно отнести и так называемый количественный признак гласных [а] и [ə]. Как известно, гласные [а] и [ə] первого слога, произнесенные с предполагаемой первичной или вторичной долготой, сохраняют свое качество и не подвергаются ассимилирующему влиянию аффиксального узкого [и] независимо от ударения и других комбинаторных факторов. Таковы, например, *ғази* (*ғаз-и*) III л. ед. ч. 'его (ее) гусь'. *Тарим* геогр. назв., *эгиз* (*әркіз*) 'талая вода', *қари* (*қар-и*) III л. ед. ч. 'его (ее) снег' — в уйгурском, *баки* 'перочинный нож', *әлі* 'еще', *кари* 'старый', *әні* (*ән-і*) III л. ед. ч. 'его (ее) песня' и т. д. — в казахском.

Другим, не менее важным источником появления звука [е] в истории уйгурского языка было замещение первослогового широкого гласного [ə] звуком [е] в слабой позиции слова. Так, во многих уйгурских словах анлаутный [ə] переходит в [е] перед подударным [ə]. Например: *чечәк* 'цветок' (др. *чәчәк*), *кепәк* 'отруби' (др. *кәпәк*), *кечә* 'вечер' (др. *кәчә*), *екәк* 'напильник' (др. *әкәгү*) и т. д.

Указанные примеры замещения широких гласных [а] и [ə] звуком [е] в истории уйгурского, а также других тюркских языков (Севортян, 1955, с. 41—43, 56—57; Ширалиев, 1960, с. 100; Щербак, 1970, с. 26—35) свидетельствуют о том, что между явлением обратного влияния узких гласных и редукцией широких гласных существуют определенная связь и взаимообусловленность. Звук [е] в начальной позиции многих слов, общих для большинства тюркских языков, в современном уйгурском языке выступает в роли заменителя как твердоядного широкого гласного [а], так и мягкорядного широкого [ə], причем в уйгурском разница указанных вариантов заключается не только в их качестве, но и в количестве. Звук [е], возникший в результате регрессивной ассимиляции, отличается фонетически от звука [е], появившегося в результате редукции, хотя в обоих случаях наблюдается ослабление гласных начального слога. Это вполне понятно, если учесть также то, что «результаты конвергенции не соответствуют результатам изолированного

развития отдельных звуков, которые имели бы место в том случае, если бы не было конвергенции» (Поливанов, 1957, с. 78). Звук [е] в первом случае был более закрытым, чем во втором, поскольку за ним всегда следовало узкое [и]. Однако в обоих случаях опять-таки мы имеем дело с вариантом одной и той же фонемы [е], а не с самостоятельной фонемой [и], следовательно, в древнеуйгурском переход звука [э] в [е] не сопровождался возникновением новой гласной фонемы.

Изменение гласного начального слога под влиянием аффиксального узкого гласного свойственно всем диалектам уйгурского языка, но тем не менее зачастую колеблется в пределах различных диалектов. Так, например, изучая явления перегласовки в уйгурском языке, мы нередко сталкиваемся с разнообразной реализацией этого явления, что объясняется не только воздействием различных факторов, но и разной степенью влияния главного и второстепенного ударений в речи представителей различных диалектов. Пожалуй, только этим и можно объяснить существование фонетических параллелизмов в уйгурском языке, таких, как: *Нарин/Нерин* геогр. назв., *қомуш/қемиш* (др.-уйг. *қамуш*) 'камыш', *очуқ/ечиқ* (др.-уйг. *ачуғ*) 'открытый', *йопуқ/йениқ* (др.-уйг. *йануғ*) 'закрытый', *ағиз/егиз* (др.-уйг. *ағыз*) 'рот, уста' и т. д. Из этих примеров видно, что параллелизм типа *очуқ/ечиқ*, *ойпуқ/йениқ*, *қомуш/қемиш* был порожден различным действием одного и того же фонетического явления — обратного влияния второслоговых узких гласных. В первом случае это лабиализующее влияние губного гласного, во втором — палатализирующее влияние узкого негубного гласного. Но есть группа слов, не подчиняющаяся этому закону, несмотря на возможность палатализации: *Тарим* (геогр. назв.), *сази* 'его (ее) болото', *қалиқ* — название игры, *эгиз* 'талая вода' и т. д. Указанный закон как будто бы действует во всех приведенных примерах. Но в древнеуйгурском языке перво- и второслоговые широкие гласные либо имели предполагаемую первичную долготу (напр. *Тарим*, *саз*), либо эта долгота появилась в результате выпадения согласного (напр. *қа(р)лиқ*, *э(р)гиз*). В такой последовательности происходила регрессивная ассимиляция узких гласных, так как иначе мы имели бы формы *Терим*, *сези*, *қелиқ*, *егиз* и т. д., которые не встречаются ни в одном говоре уйгурского языка.

Итак, появление звуков [и] и [е] в истории уйгурского языка было связано с различными звуковыми изменениями, действовавшими в самом языке.

5.4. О ФОНЕМАТИЧЕСКОМ СТАТУСЕ ЗВУКА [е]

Известно, что фонетические изменения отдельных слов, не затрагивающие общего состава и числа элементов всей системы, т. е. изменения, не играющие фонологической роли, отмечались в истории языков, в частности русского, французского и других.

Анализируя изменения вариантов одной фонемы, охватывающие множество слов, но не затрагивающие системы фонем, исследователи указывают, например, на русское безударное [а], которое совпадает с вариантом [i] в позиции после мягкого согласного: п'ита́к (п'а́та́к), (м'и́ла < (м'а́ла), где фонема [а] в этой позиции сменилась фонемой [и] (Jakobson, 1931, с. 317).

Аналогичные звуковые изменения наблюдаются в истории ряда тюркских языков и прежде всего уйгурского. Например, с точки зрения фонологии в случаях вариантности на уровне слова в таких примерах, как *қомуш* — *қемиш* 'камыш', *йопуқ* — *йопуқ* — *йепиқ* 'попона', *ағиз* — *егиз* 'рот, уста', *қарин* — *қерин* 'чрево, брюхо', *Нарин* — *Нерин* геогр. назв. Нарын, мы сталкиваемся с явлениями, изменяющими привычные представления о корневом слове как единстве звучания и смысла.

Характерная для варьирования модификация формы слова при сохранении тождества лексического значения вариантов обычно выражается в виде нефонематического изменения звука. В наших примерах дано произношение гласного [а] в слабоударной анлаутной позиции перед узким нелабиализованным гласным [и] в словах *қемиш* и *йепиқ*, *егиз* и *қерин*, а также перед лабиализованным же узким [у] в словах *қомуш* и *йопуқ*. Здесь обычное представление о фонеме как о звуке, участвующем в различении значимых единиц языка (слов, словоформ), при фонематическом варьировании слова оказывается недействительным, так как в рассмотренных случаях типа *Нарин* — *Нерин*, *қарин* — *қерин* или *қамуш* — *қомуш* — *қемиш* даже в сильной (с точки зрения проведения закона гармонии гласных, свойственной тюркским языкам) анлаутной позиции гласный [а] утра-

чивает фонологически значимое противопоставление по ряду и подъему.

В этом плане следует особо отметить, что трансформация гласных [a] и [ə] во многих словах, аналогичных приведенным выше, в истории уйгурского языка была обусловлена изменениями фонетического облика слов, проявляющимися при определенных фонетических условиях. Иначе говоря, трансформация гласных [a] и [ə] анлаута могла осуществляться при обратном влиянии последующего узкого гласного аффикса на предшествующий широкий гласный и при обязательной качественной редукции широких гласных в связи с переносом главного ударения на второслоговой узкий гласный (Радлов, 1886, с. 3; Jarring, 1933, с. 38).

Не менее важно отметить и то обстоятельство, что указанное звуковое изменение в истории уйгурского языка всегда было связано с конвергенцией узких нелабиализованных гласных, так как трансформация широких гласных основы в уйгурском языке без конвергенции гласных, которая привела к образованию индифферентного гласного [и], вообще не имела бы места (Поливанов, 1934, с. 149).

Все изложенное свидетельствует в пользу того, что, как в любой системе знаков, так и в фонологической системе, все возникает из соотношения и оппозиции (Реформатский, 1975, с. 35). В перечисленных нами условиях, когда фонема [a] сохраняет позиционную обусловленность, данный оттенок не может развиться в самостоятельную фонему [o] или [e], потому что он становится самостоятельной фонемой только тогда, когда теряет позиционную обусловленность. В данном случае речь может идти лишь о менее самостоятельной фонеме [a], которая в уйгурском языке в слабой позиции слова подвергается качественному изменению.

Таким образом, широкие гласные уйгурского языка, которые обычно выполняют фонологическую роль в значимых единицах (словах и словоформах) при варьировании слова приобретают нефонологический характер. Поскольку эти оттенки не способны самостоятельно дифференцировать слова, то по смыслу они всегда тождественны.

Подобное объяснение фонологического статуса первослоговых [o], [ə], а также [e] в уйгурском языке не противоречит факту реальной возможности изменения

качества гласных при определенных комбинаторно-позиционных условиях. В связи с этим сошлемся на Л. В. Щербу (1958), который указывал на широкий гласный [а] русского языка в слове *ад*, где «гласный элемент по качеству представляет некоторую кривую, которая начинается [Λ]..., проходит через всевозможные оттенки *a* и кончается открытым *e*...» (с. 133).

Аналогично дело обстоит с широкими гласными [а] и [э] уйгурского языка, которые в определенных фонетических условиях перерастают в индифферентный звук [е], а в отдельных языках, в частности в татарском, — в [i]. Анализируя по древнетюркским письменным памятникам характер оттенка звука [е], который не имел специального буквенного обозначения, А. С. Аманжолов (1978, с. 77) отмечает, что гласный звук [е] представляет собой более узкий или закрытый вариант широкой гласной фонемы *ä* [ε], встречающийся только в первом (корневом) слоге, где графически можно наблюдать кажущееся колебание звуков [ä] и [i].

Качественное совпадение [а] и [э] в анлаутной позиции уйгурских слов породило новые ряды омонимов. К ним относятся имена действия типа *етиш* от *атмақ* 'стрелять' и *этмақ* 'запирать, закрывать', *йетиш* от *йатмақ* 'лежать' и *йэтмақ* 'достичь, доходить', *бириш* от *бармақ* 'ходить, пойти' и *бәрмақ* 'давать, дать' и т. п. Однако не только в указанной форме глаголов, но и в таких именных формах, как *қети* (III л. ед. ч.) от *қат* 'сахар' и *қат* 'слой', *сейи* (III л. ед. ч.) от *сәй* 'салат' и *сай* 'овраг, ложбина', *жеңи* (III л. ед. ч.) от *жәң* 'битва, бой, сражение' и *жаң* 'колокол, набат' и т. п., сразу трудно установить принадлежность первослогового [е] к определенной фонеме, так как в этой позиции, т. е. в позиции перед аффиксальным индифферентным гласным [и], широкий гласный [а] или [э], модифицируясь в одной и той же морфеме, осознается говорящими и слушающими как равная самой себе единица. В приведенных выше примерах разнообразные конкретные звуки представляются как нечто единое, всего лишь как разновидность одной фонемы [а] или [э]. По этой причине реальные по своему акустическому впечатлению два звука [а] и [е], а также [э] и [е] могут осознаваться как бы принадлежащими к одной и той же фонеме (в данном случае к фонеме [а] или [э]).

Рассмотрим, к примеру, корневые гласные в глагольной основе *кэл* 'приходить' и производную от него деепричастную форму *келип*. В слове *келип* звук [е] осознается как позиционная разновидность одной и той же фонемы [ə], поскольку для говорящего и слушающего в таких случаях неважно различие в звучании этих слов, так как звуки [ə] и [е] относятся к морфеме *кэл*. И наоборот, мы почувствуем различие там, где акустически этого звука нет. Например, корневая фонема [ə] в омоформах *белиң* 'твоя поясница' и *белиң* 'твой мед' звучит совершенно одинаково в виде [е], однако в нейтральной форме корневые гласные этих слов осознаются как различные фонемы, т. е. [ə] в первом случае и [а] — во втором, потому что они принадлежат различным словам — *бэл* 'поясница' и *бал* 'мед' с различным составом звуков.

Действительно, звук [е] начального слога в составе слова *белиң* не дает оснований относить его к фонеме [а] или [ə]. В этой позиции звук [е] выступает, как нами отмечено, в роли заместителя двух различных фонем, своеобразным звуковым омонимом, не различающим функций совпавших по звучанию фонем твердоядного [а] и мягкорядного [ə]. Поэтому с точки зрения фонологии следует говорить о звуке [е] не как о самостоятельной фонеме в системе уйгурского вокализма, а как о комбинаторном варианте фонем [а] и [ə], выступающим в этой позиции. Таким образом, слабоударный гласный [е] — только результат переноса ударения в этимологически связанных словах, например: *бал* и *бэл*, *тар* и *тэр* и т. д., поскольку в указанных примерах слабоударный [е] по смыслу противопоставляется другим гласным, которые в неударном положении не редуцируются в нейтральный гласный. Это значит, что слабоударный гласный характеризуется не только позиционно, как результат отсутствия главного ударения, но и функционально, как гласный, способный различать смысл слов. Без этой фонологической роли редуцированных гласных пришлось бы признать некую звуковую омонимию [е] или [и] в уйгурском языке. На самом же деле нельзя принимать нейтральный гласный [е] за один оттенок гласных фонем [а] и [ə], так как это приводит к смысловому противопоставлению оттенков внутри одной фонемы, что невозможно.

Так, недопустимо в словах *бели* 'его (ее) мед' от *бал*

‘мед’, с одной стороны, и в *бели* ‘его (ее) поясница’ от *бал* ‘поясница’ — с другой, считать [е] оттенком фонемы [е] только из-за морфологической связи, игнорируя смыслоразличительную роль опорных гласных [а] и [ə].

Резюмируя изложенное, приходим к выводу, что звуковой переход гласных [а] и [ə] в [е] в анлаутной позиции следует рассматривать как явление, имеющее чисто фонетическое значение в истории уйгурского языка. Однако если учесть, что позицией максимальной фонематической дифференциации гласных служит начальный слог, которому принадлежит доминирующая роль в определении звукового облика слова в агглютинирующих тюркских языках, то сам факт перегласовки не лишен фонологического интереса. В этом плане, пожалуй, следует признать справедливым мнения ученых о «наличии двух типов *e*, существующих в тюркских языках с древнейших времен, но получивших фонематическое различие лишь сравнительно недавно» (ВЯ. 1966. № 3. С. 3).

5.5. О ФОНЕМАХ [ы] и [и]

Как свидетельствуют старописьменные памятники, гласные [ы] и [и] в древнетюркском языке выступали как самостоятельные звуковые единицы с функцией различения значений слов и грамматических форм. С точки зрения палатальной гармонии указанные звуки составляли корреляцию гласных по признаку ряда — переднего [и] и заднего [ы]. Позднее, вследствие различных причин, некогда самостоятельные звуки [ы] и [и] конвергировались и в дальнейшем перестали существовать как самостоятельные фонемы уйгурского языка (Талипов, 1970).

В многочисленных источниках древнеуйгурской письменности раннего и позднего средневековья широкие гласные [а], [ə] и узкие [ы], [и] имели определенные буквенные обозначения. Но, несмотря на это, уже в отдельных старописьменных памятниках буква [а] смешивается с буквой [ы], а [ə] с [и], хотя эти гласные являлись в древнеуйгурском языке самостоятельными единицами смыслоразличения — фонемами. В «Дивану лугатит турк» Махмуда Кашгарского, например, встречаются не только словоформы *арала-* ‘посредничать, примирять’ (ДТС, 1969, с. 52), *Қарғалығ* — назв. крепости вблизи г. Тираз (МК, 1960, с. 479), *йарлақа-*

‘сонзволить, соблаговолить’ (ДТС, 1969, с. 242), *өпкәлә-‘сердиться, обидеться’* (ДТС, 1969, с. 388), *ікіләнч ‘второй’*, но и *арыла-, Қарғылығ, йарлықа-, өпкілә-, ікілінч*, где во всех отмеченных случаях буквы [ы] и [і] заменяют этимологические [а] и [э].

Происхождение звуков [ы] и [і] в этих примерах может быть восстановлено не только путем изучения употребления букв [а] и [э] в других памятниках древнетюркской письменности, но и путем сравнения указанных слов и словоформ, имеющих в различных диалектах и говорах уйгурского языка, а также в родственных языках.

Звуки [ы] и [і] в составе ряда слов еще задолго до написания «Дивана» Махмудом Кашгарским бытовали как особые фонемы, возникшие в результате редукции широких гласных [а] и [э] в слабой, лишенной ударения позиции. Об этом можно судить по тому, что в «Диване», а также в последующих памятниках письменности буквы [ы] и [і] записаны этимологически правильно, без смешения с другими буквами. Такое употребление [ы] и [і] было возможно лишь в том случае, если [ы] и [і] ассоциировались у Махмуда Кашгарского с особыми звуками. Отсюда напрашивается вывод о том, что смешение букв [а], [э] с буквами [ы], [і] в древнетюркских памятниках письменности, безусловно, отражает реальное фонетическое явление, действовавшее в языке древних уйгуров. Другими словами, в связи с ослаблением артикуляции широких гласных [а] и [э] в безударной позиции многосложных слов они рано стали произноситься не как широкие гласные, а как узкие, близкие к этимологическим звукам [ы] и [і], сохраняя, однако, качества открытых [а] и [э] в ударном слоге.

Исследователи различных уйгурских диалектов Н. Ф. Катанов, С. Е. Малов, А. К. Боровков, Э. Р. Тенишев, Г. Ярринг и другие отмечали особое произношение этимологического [а] (нечто среднее между [а] и [ы]) не только в анлаутной позиции многосложных слов, но и в первом слабоударном слоге ряда двусложных слов типа *қъға* ‘ворона, галка’, *бъла* ‘ребенок, малыш’ в произношении представителей южных говоров уйгурского языка. С точки зрения исторической фонетики уйгурского языка эта особенность диалектного произношения начального [а], «отклоняющегося» от общей схемы литературного произношения, имеет исключитель-

но важное значение. Этот факт лишний раз свидетельствует в пользу древности перехода широких гласных в разряд узких в определенных комбинаторно-позиционных условиях. Следовательно, появление узких гласных [ы] и [i] в определенных позициях древнеуйгурского языка датируется не XIV в. и позже, как это постулирует В. В. Радлов, а более ранним временем, поскольку оно получило свое отражение в письменности, например в «Диване» Махмуда Кашгарского. При этом важно учесть замечание Махмуда Кашгарского о том, что написания словоформ *йағач* и *йығач* одинаково допустимы, и потому они считаются правильными с точки зрения орфографии того времени (МК, 1961, с. 44).

Действительно, подобного смещения букв не могло бы наблюдаться, если бы для Махмуда Кашгарского звуки [а] и [ə], а также [ы] и [i] ассоциировались с разными звуками, оно могло возникнуть лишь в том случае, если для него эти пары букв ассоциировались каждая с одним звуком. Общеизвестно, что любое фонетическое новшество в языке, прежде чем проникнуть в памятники письменности, должно закрепиться в живой речи. Поэтому мы вправе полагать, что наличие подобного рода смещения букв [а], [ə] и [ы], [i] в письменных памятниках XI в. могло возникнуть лишь в том случае, если ослабление широких гласных в безударной позиции осуществлялось раньше этого времени. Такова общая картина инновации [ы] и [i] в истории уйгурского языка.

Большинство уйгуроведов одной из характерных особенностей современного уйгурского вокализма считают отсутствие в нем заднерядного узкого [ы]. Так, например, Г. Ярринг (Jarring, 1933) пишет: «Если записи Радлова, Пантусова и Катанова правильны, то таранчинский диалект отличается от других, между прочим, отсутствием заднего *ĩ* [ы]» (с. 4). Однако, судя по диалектологическим записям Г. Ярринга, сделанным в 30-х годах нашего столетия в южных районах Восточного Туркестана, наличие звука [ы] в речи представителей этого края он не отрицает.

Указывая на достоверность фонетических записей диалектологического материала Г. Ярринга, С. Е. Малов (1934) отмечает заслугу ученого, выделившего звук [ы], наличие которого «отрицалось в уйгурском языке». С. Е. Малов также придерживается мнения о наличии звука [ы] в уйгурских диалектах Восточного

Туркестана*. В диалектологических записях, где в уйгурском языке звук [и] слышится твердо, ученый передает его как [ы].

Принципиально иную точку зрения высказывает Е. Д. Поливанов, исходя из связи наличия или отсутствия звука [ы] в уйгурском языке с явлением перегласовки (или так называемого умлаута) гласных. В связи с этим Е. Д. Поливанов (1934) замечает, что «умлаут, составляющий особенность фонетики уйгурского языка, невозможно представить при наличии в нем заднего [ы], ибо он возможен только при наличии переднего гласного [и], заменившего собою старый задний гласный [ы]» (с. 150).

В критических замечаниях по поводу диалектологических записей Г. Ярринга Е. Д. Поливанов (1934) пишет: «Основным недостатком вышеприведенных примеров является, конечно, употребление звука [ī] для несуществующего, по нашему мнению, звука типа [ы]...» (Поливанов, 1934, с. 150).

Ряд уйгуроведов в своих трудах отмечают наличие различных вариаций [и], а также отсутствие порой полной дифференциации между гласными [ы] и [и] в южных диалектах современного уйгурского языка Восточного Туркестана (Баскаков, 1960, с. 182—183). Действительно, в современном уйгурском языке имеется звук [и], как бы синтезирующий некогда самостоятельные древнеуйгурские узкие гласные [ы] и [i]. Доказательством того, что в современном уйгурском языке звуки [ы] и [i] представляют собой одну и ту же фонему, служит не только тот факт, что они не могут быть противопоставлены друг другу в тождественных фонетических условиях, но и отсутствие их вообще в уйгурском языке. Даже в тех языках, где [ы] и [i] считаются различными звуковыми единицами (т. е. фонемами), они обнаруживают весьма сходные характеристики. Так, применительно к русскому языку Л. В. Щерба (1912) писал, что [ы] является менее самостоятельной фонемой, «находящейся в интимных отношениях с [и], которой она является как бы оттенком» (с. 50).

Экспериментально-фонетические исследования, про-

* Однако С. Е. Малов делает оговорку, что звук [ы] даже тогда, когда он употребляется с увулярным [к] в составе таких слов, как *қых* числ. 'сорок', *қыз* 'девушка, девочка', склонен к мягкому произношению — *қіх, қіз* (Малов, 1934, с. 103).

веденные в последнее время по различным тюркским языкам, также свидетельствуют о том, что эти звуки являются близкими не только в артикуляционном отношении, они обнаруживают и весьма сходные физические характеристики. Так, например, акустический рисунок непалатального долгого [ы] и палатального долгого [и] в двухсложных словах туркменского языка имеет почти одинаковые *F*-картины по второй форманте (Моллаев, 1973, с. 108).

Таким образом, в отличие от большинства тюркских языков в современном уйгурском языке имеется индифферентный звук [и], который, будучи единой фонемой, может, однако, изменяться в зависимости от качества смежных звуков и позиции, занимаемой им в слове.

Очевидно, эта особенность в произношении индифферентного [и] имела в виду при разработке нового латинизированного алфавита в 30-х годах, когда предлагалось считать звуки [ы] и [i] в уйгурском языке самостоятельными фонемами. В действительности же звук [ы], точнее, более отодвинутый назад оттенок фонемы [и], в уйгурском языке, как и в узбекском, появляется лишь в соседстве с так называемыми твердорядными согласными. Поэтому вполне оправданы диалектологические записи ученых, которые, передавая ту или иную особенность фонетики изучаемых ими диалектов, звук [и] в этой позиции повсюду обозначали через твердый [ы].

Индифферентную фонему [и] уйгурского языка до некоторой степени можно сравнить с «*i mutabile*», т. е. с меняющимся [и] русского языка, который выступает то как [и], то как [ы], что отмечено И. А. Бодуэном де Куртенэ (1963, т. II, с. 218).

Однако, несмотря на такой «меняющийся» характер, звук [ы] русского языка большинство ученых признают самостоятельной фонемой. В уйгурском же языке он представляет собой комбинаторный (позиционный) вариант, вызываемый этим положением в слове. Вопрос о том, следует ли считать звук [ы], наблюдаемый иногда в произношении, самостоятельной фонемой или относить к позиционному оттенку (аллофону) звука [и], до сих пор остается спорным.

В начале 30-х годов, когда в связи с реформой существовавшей до этого арабской графики ставился вопрос о разработке орфографии, высказывалось мнение

о передаче звука [ы] в литературном уйгурском языке самостоятельной буквой (Адилов, 1970, с. 63). Однако сторонники отражения звука [ы] в уйгурских словах не смогли аргументированно обосновать свое мнение. С точки зрения фонологии этот звук, возникающий исключительно в соседстве с твердоярными согласными, особенно с увулярными [к], [ґ] и [х], является лишь позиционным оттенком индифферентной фонемы [и].

Нам представляется, что правы те уйгуроведы, которые в своих диалектологических записях вместо письменно-орфографического [и] его позиционный твердый оттенок изображают как [ы]. Это, на наш взгляд, подчеркивает нефонемный характер указанного звука. Следует также обратить внимание на то, что в своих диалектологических записях исследователи не ставят целью разграничить фонемы [ы], [и] и их оттенки, а также все звуки изучаемых ими диалектов и говоров, т. е. они приводят не отдельные фонемы-смыслоразличители, а вообще звуки, услышанные из уст представителей тех или иных диалектов и говоров уйгурского языка.

Таким образом, звук [ы] в уйгурском литературном языке следует определять как аллофон звука [и]. В этом и состоит одно из отличий уйгурского языка от других тюркских языков.

В противоположность современным уйгурскому и узбекскому языкам, в истории которых некогда самостоятельные звуки [ы], [и], конвергируясь, стали выступать в одном звукопредставлении — в виде индифферентного [и], в современных тюркских языках кыпчакской, а также огузской групп указанные звуки являются вполне самостоятельными фонемами, имеющими смыслоразличительное значение. Именно наличие звуков [ы] и [и] в системе вокализма составляет одну из характерных особенностей звукового строя современного казахского языка, отличающую его от уйгурского, узбекского и других тюркских языков. При этом для начинающих осваивать русскую или казахскую речь уйгуров и узбеков трудность заключается не столько в наличии в этих языках твердых согласных, предшествующих гласному [и], сколько в самом звуке [ы], отсутствующем в фонетической системе родных языков.

Если не считать твердого оттенка индифферентного [и], встречающегося в определенных позициях в произношении различных говоров уйгурского языка, то фоне-

ма [ы] в исконно уйгурских словах не употребляется в письменно-литературном языке. Что касается фонемы [ы], присутствующей в современной графике, то она была принята в 1947 г. при переходе уйгурской письменности с латинизированного алфавита на алфавит, созданный на основе славянской графики.

В современном уйгурском языке фонема [ы] употребляется исключительно в составе слов, заимствованных из русского языка, особенно после Великой Октябрьской Социалистической революции, в таких словах, как сыр, тыл, мышьяк, пылесос, умывальник, а также в фамилиях Крылов, Мышкин, топонимических названиях типа Сызрань, Тында и т. д.

Фонема [ы] в речи современной интеллигенции, а также студенческой молодежи, владеющих нормами русского произношения, произносится в соответствии с русской орфоэпией. Однако для других слоев населения, особенно представителей старшего и среднего поколений, слабо владеющих русским языком, процесс овладения навыками произношения звука [ы] продолжается.

К ИСТОРИИ ПОЯВЛЕНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ СОГЛАСНЫХ ЗВУКОВ

6.1. ЯВЛЕНИЕ СОНОРИЗАЦИИ * АНЛАУТА И ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЖЕКАНЬЯ И ДЖЕКАНЬЯ

6.1.1. Появление звуков [ж] и [ж] в истории уйгурского языка

Вопрос о генезисе так называемого явления же-канья и джеканья в истории отдельных тюркских языков интересовал многих ученых, в частности В. В. Бартольда, С. Е. Малова, А. Н. Бернштама, Н. З. Гаджиеву, Б. А. Серебренникова, А. М. Щербака, Ф. А. Абдуллаева и других.

О времени появления аффрикаты [ж] в отдельных тюркских языках имеется мнение, согласно которому «аффриката ^vс как дифференцированный согласный в языках савиро-хазарского союза существовала еще в V—VII веках. Это значит, что дивергенция языков тюрков савиро-хазарского союза на ^vj-, ^vd-, а также на ^vс-, ^vз-/с- диалекты происходила до V века» (Гукасян, 1978, с. 32). Как утверждают азербайджанские ученые, лингвистические данные указанных диалектов идентичны таковым азербайджанского языка XI—XX вв. (Гукасян, 1977, с. 41).

Анализируя пути фонетического освоения заимствованных слов по тюркским текстам X—XIII вв. из Восточного Туркестана, ученые отмечают, что воздействие иноязычных норм в процессе лексических заимствований выразилось в появлении в языке уйгуров Восточного Туркестана новых звуков, например сибиланта [ж] и аффрикаты [ж] (Щербак, 1961, с. 72—73), а также в

* Здесь в термин «соноризация» вкладывается более широкое понятие увеличения уровня акустической мощи анлаутной позиции слова.

возможности употребления некоторых звуков в необычных позиционных условиях (Насилов, 1974, с. 19).

Сравнение языкового материала из древнетюркских письменных памятников наглядно свидетельствует о том, что сибиллянт [ж], так же как и аффриката [ж], не были характерны для абсолютного начала собственно тюркских слов древнего периода. Из «Древнетюркского словаря» видно, что все (или почти все) случаи употребления инициальных [ж] и [ж] составляют лексические заимствования иноструктурного происхождения. На первый взгляд, все это, казалось бы, подтверждает высказывания ученых об исключительной роли приводящих факторов в становлении анлаутных фонем [ж] и [ж] в истории развития консонантных систем почти всех тюркских языков. И действительно, иноязычный фактор играл и играет определенную роль в истории становления и развития звуковой системы конкретных тюркских языков.

Известно, например, что в чувашском языке в абсолютном начале и конце слова отсутствуют звонкие согласные, что является следствием влияния нетюркского субстрата (предположительно финского) или относительно позднего влияния марийского языка (Щербак, 1970, с. 20). По этому поводу Б. А. Серебренников (1955) пишет: «От марийского языка чувашский язык приобрел характерную фонетическую особенность, выражающуюся в том, что в чувашском языке, как и в марийском, слово может начинаться только с глухого согласного. Поэтому звонкий согласный в соответствующих словах других тюркских языков в чувашском языке передается глухими согласными» (с. 15).

Не соглашаясь с доводами финно-угроведов, тюркологи обращаются к тюркским языкам, главным образом к хакасскому, где в позиции максимальной фонологической дифференциации встречаются только глухие (сильные) шумные согласные. На основании этого ученые приходят к выводу, что в древнейший период развития тюркских языков начальная позиция большой группы слов отмечалась глухой аффрикатой [ч] (чеканье). «Мы считаем, — пишет Ф. А. Абдуллаев (1967, с. 201), — тувинский, шорский, хакасский языки и северные диалекты алтайского языка, как и язык желтых уйгуров, самыми древними, сохранившими до наших дней наряду с другими особенностями, основные фоне-

тические признаки, характерные для тюркских языков еще задолго до появления письменности». И далее: «Джекание для некоторых современных тюркских языков надо считать закономерным историческим процессом развития чеканья, а йекание и выпадение начально-го согласного — дальнейшим развитием этого процесса» (Абдуллаев, 1967, с. 201).

Однако отдельные исследователи, возражая против теории «хакасского» происхождения глухости анлаута, не без оснований считают, что пока «остается недоказанным, когда и где предки современных чувашей и хакасов имели праязыковую общую систему» (Лукоянов, 1974, с. 94). При этом они опираются на известное высказывание о том, что «унаследовано ли состояние начального консонантизма, зафиксированного в этих языках, от праязыковой системы, или же это состояние представляет собой не мотивированное внутренними факторами новообразование — вот основной вопрос, который возникает при рассмотрении материалов указанных выше языков и который, пожалуй, не может быть решен без учета пространственных данных» (Щербак, 1970а, с. 20).

Б. А. Серебренников (1957, с. 39) в процессе спирализации согласного [к] в [х] в чувашском в словах типа общетюркского *қулақ* 'ухо', чув. *халха* (*хылга*) видит результат влияния марийского языка, которое, так же как и чередование [й]—[ж] и [ж], стало возможным благодаря ослаблению древних увулярных согласных. Вслед за Б. А. Серебренниковым и другими финно-угроведами Г. В. Лукоянов (1974, с. 97) считает, что изменения, происшедшие в системе согласных в абсолютном начале и конце слова чувашского языка, являются результатом влияния древнемарийского языка.

Не исключая возможности такого объяснения изменения согласных в анлаутной и ауслаутной позициях слова в тюркских языках, заметим, что при этом нельзя (да и вряд ли возможно) совершенно не учитывать собственные внутриязыковые факторы, которые при определенных условиях могли бы привести к существенным структурным изменениям не только древнетюркского анлаута и ауслаута, но и к соответствующему изменению инлаута.

Одним из таких факторов, способствовавших изменению звукового состава анлаута в конкретных тюркских

языках раннего периода, явился звуковой переход среднеязычного сонанта [й] в звуки [ж] и [ʝ].

Попытаемся в самых общих чертах осветить появление относительно новых фонем [ж] и [ʝ] и их функционирование в истории тюркских языков.

Звуковой переход [й]—[ж] и [й]—[ʝ] — одно из древнейших явлений в фонетике тюркских языков. Махмуд Кашгарский (МК, 1961, с. 364) указывает на то, что одной из специфических особенностей огузских, а также кыпчакских племен в отличие от остальных тюркских племен того времени является факт замещения в произношении анлаутного [й] аффрикатой [ж] (МК, 1963, с. 37). Как подчеркивает ученый, данное различие, т. е. йеканье и джекканье в произношении тюркских племен, стабильно и постоянно.

А. Н. Бернштам (1939, 1944, с. 80) полагает, что язык западных тюрков в отличие от языка восточных тюрков, в том числе и киргизов VI—VII вв., был жекающим. Это мнение было высказано им и раньше в специальном исследовании, посвященном природе жеканья в тюркских языках. Замещение звука [й] сибилантом [ж], а также аффрикатой [ʝ] (или наоборот) свойственно и другим тюркским языкам (Серебренников, 1960, с. 65; Абдуллаев, 1967, с. 193—201).

Коротко проанализируем существующие в тюркологических исследованиях мнения по вопросу о направлении развития явления жеканья и джекканья в истории ряда тюркских языков. Это вызвано тем, что хотя затронутый здесь вопрос и не нов в тюркологии, однако остается пока в числе проблематичных и далеко не решенных.

К примеру, упоминая о природе жеканья и джекканья в тюркских языках, В. А. Богородицкий (1953) отмечал, что развитие указанного явления шло по ли-

нии $y > ʝ$: «Можно принять, что *ч*- и *ж*- представляет дальнейшее развитие *j*...» (с. 106). Что касается тюркских языков восточной половины сибирского региона, то «в тувинском, карагасском и хакасском рефлексом данной фонемы является шипящий *ч*, представляющий собой приглушение по отношению к *ч*» (Богородицкий, 1953, с. 106). Таким образом, чеканье хакасского типа В. А. Богородицкий считает рефлексом приглушенного [ж] из [й].

Г. Рамстедт по данному вопросу придерживался осо-

бого мнения, исходя из превращения аффрикаты [ж] в [й] на определенном этапе развития древнетюркских языков (Гаджиева, 1975а, с. 261—271).

По Г. П. Мельникову (1971, с. 73), развитие алтайской детерминанты привело к возникновению начального [й] в тюркских языках на месте различных алтайских согласных. Аналогичная точка зрения свойственна также А. М. Щербаку (1961, с. 23, 57) и В. И. Цинциусу. Так, В. И. Цинциус (1971, с. 80) полагает, что пратюркский начальный [й], имеющий в истории тюркских языков конвергентный характер происхождения, в различных тюркских языках развивался в [j], [з], [ж], [ч], [с], [с'].

Ф. А. Абдуллаев (1967, с. 201), напротив, считает, что изначальным фонетическим признаком тюркских языков являлось не жеканье и джеканье, а чеканье; процесс дивергенции шел по линии от [ч] к монофонеме [й] с промежуточными включениями [с], [ш], [т], [дж].

Отмечая колебания анлаутных [ч]—[ш], [ж]—[ж] в казахском и киргизском языках, а также в большинстве диалектов каракалпакского, исследователи в основном ограничиваются лишь констатацией фактов, воздерживаясь при этом от попыток раскрытия сущности явления жеканья и чеканья в истории этих языков.

Здесь следует особо выделить фундаментальное исследование Н. З. Гаджиевой (1975а), посвященное проблемам ареальной лингвистики, в котором нашло широкое освещение явление трансформации первоначально анлаутного [й] в другие близкие по артикуляции звуки.

Проанализировав обширный лингвистический материал, Н. З. Гаджиева пришла к обоснованным выводам о том, что переход [й] > [ж] в истории тюркских языков не был внезапным, вначале имели место многочисленные колебания, постепенный захват старого [й]. «Сам процесс аффрикатизации [й] сохранил в реликтовом состоянии промежуточные ступени, в числе которых одной из ранних является ступень $\dot{y} > \partial/\partial'$, а вся схема может быть представлена в виде ряда $\dot{y} > \partial > \dot{z} > \dot{z}' > \dot{z} > \dot{z}$ » (Гаджиева, 1975а, с. 246—247).

Предлагая свою схему развития древнетюркского анлаута, Н. З. Гаджиева (1975а) указывает, что «эта

сравнительно обедненная схема исторического развития не дает детального представления, как такой фонетический процесс мог происходить в действительности, исследователь в таком случае может только гипотетически предполагать возможные промежуточные звенья развития этих звуков» (с. 246).

Как видно из предложенной схемы, в так называемых джекающих тюркских языках процесс соноризации анлаута шел по линии аффрикатизации с промежуточной ступенью [д] (Гаджиева, 1975а, с. 196). Таким образом, исходя из этой схемы можно констатировать первичность *д*-вариантных слов, таких, как *дүз* 'сто', *дүзік* 'кольцо, колечко', вместо др.-тюрк. *йүзүк*, *йүз* в казахском языке по отношению к *ж*- или *дж*-вариантным, т. е. *жүзік* или *жүзік*.

Что касается жеканья, т. е. превращения анлаутного [й] в звонкий спирант [ж], то последний, по мнению Н. З. Гаджиевой (1975, с. 72), возник в результате процесса дезаффрикатизации [ж]. Это типичное для казахского языка явление распространялось на башкирские и каракалпакские говоры, а в уйгурском оно могло быть связано с конвергенцией. Такое происхождение жеканья в уйгурском Н. З. Гаджиева (1975) мотивирует тем, что «здесь не было фонетического процесса оглушения [ч] в [ш]. По этой причине жеканье носит несистемный характер и в башкирском языке» (с. 73).

По вопросу о происхождении явления перехода инициального [й] в [д] в казахском языке среди исследователей имеются различные мнения.

Так, судя по приведенным Г. Г. Мусабаевым (1959, с. 66) примерам анлаутного перехода [ж] в [д], ученый придерживается схемы развития [й] в [д] через промежуточную ступень [ж]: *йүз* > *жүз* > *дүз*, т. е. [й] > [ж] > [д].

Аналогичное суждение об этом явлении в казахском языке высказывает С. Аманжолов (1959): «Основы слова *домалау*, а равно аналогичного ему слова *домалақ*... можно считать происшедшими из известного нам корня *жум*» (с. 302). Исходя из этого трансформацию древнетюркского [й] в [д] в казахском диалектном произношении можно представить в такой последовательности: [й] > [ж] > [д].

По поводу перехода инициального [й] в [д] в отдельных казахских словах следует отметить, что еще в

прошлом веке А. Н. Самойлович и В. В. Радлов подчеркивали, что «те слова, которые в алтайском поднаречии начинаются с *j*, у сагайцев с *ч*, а у койбальцев с *j̄*, принимают в киргизском поднаречии восточной степи (т. е. у восточноказахстанских казахов. — Т. Т.) звук *ж*, предшествующее *д* ясно слышно» (выделено нами. — Т. Т.) (Радлов, 1870, с. XXVI).

Относительно перехода инициального [й] в [д] в казахском произношении Н. З. Гаджиева (1975) придерживается другого мнения, согласно которому «фонетический процесс [д] > [ж] мог быть самостоятельным» (с. 132), а «древнеказахский начальный [й] самостоятельно превращался в [д], минуя ступень трансформации в [ж]» (с. 133).

Не исключая такой интерпретации развития [й] в [д] в истории казахского языка, выскажем следующее предположение. Трансформация [й] в [д] в казахском языке могла осуществиться только через ступень превращения [й] в [ж], а затем и в аффрикату [дж]. Иначе говоря, анлаутный [д] в таких словах, как *дүз* 'сто', *дүзік* 'кольцо, колечко', — не что иное, как замеченный В. В. Радловым «ясно слышимый» в речи казахов восточных областей звук [д], который, по сути дела, является как бы «остаточным» элементом редуцированной аффрикаты [дж], лишившейся в этой позиции своей эксплозивной части — элемента [ж].

Априори можно предположить, что, по-видимому, только так можно объяснить процесс дивергенции аффрикаты [дж], [ж], в результате которого могла образоваться монофонема [д] в инициальной позиции ряда слов.

По вопросу о направлении развития жеканья и джекканья в тюркских языках автор склоняется в основном к мнению Н. З. Гаджиевой. Однако нам представляется, что жеканье могло предшествовать явлению джекканья, а не наоборот, как это постулирует Н. З. Гаджиева. При этом мы опираемся, в частности, на высказывания ученых, которые в колебаниях употребления анлаутного [й] и [ж], а также [ж] и [д] казахского, а также каракалпакского языков находят не влияние других родственных языков, а самобытное явление, возникшее на собственной языковой основе (Аманжолов, 1959, с. 302). Это касается и некоторых узбекских диалектов

и говоров, где аффрикатизация, например, могла пройти через ступень [ж] (Гаджиева, 1975, с. 196).

По поводу причины появления жеканья в уйгурском языке Н. И. Пантусов (1880) отмечал: «звуковое чередование [й]—[ж] в произношении илийских уйгуров, таких, как *йыгып, йигirma — жыгыб, жигарма*, появилось в последнем под влиянием казахского (по терминологии Н. И. Пантусова — киргизского. — Т. Т.) языка» (с. 7). Таким образом, с точки зрения орфоэпии уйгурского языка указанное чередование анлаутных согласных ученый рассматривал как фонетическое явление, возникающее под влиянием языкового контакта илийских уйгуров с «джекающим» казахским субстратом.

Укажем прежде всего на слабую аргументацию высказывания Н. И. Пантусова по данному вопросу. Если бы в истории уйгурского языка не произошел процесс превращения инициального [й] в [ж] и [ж], то древнеиндийское слово *juvan* (Whitaker, 1909, с. 6), например, вряд ли могло бы превратиться в современное *жуган*. Это же касается и многочисленных лексических заимствований из арабского и иранских языков, где аффриката [ж] в языке-источнике в уйгурском произношении адаптировалась именно этим, а не каким-либо другим звуком, как в кыпчакских тюркских языках. Так, например, в истории казахского и каракалпакского языков инициальная аффриката [ж] в арабских, а также иранских лексических заимствованиях субституировалась исключительно сибилантом [ж], а не аффрикатой [ж].

Хотя предпосылка перехода анлаутного [й] в [ж] и [ж] наметилась еще в древнетюркских языках, однако, как и многие фонетические явления, указанный звуковой переход по известным причинам активизировался в более поздний период развития тюркских языков. Как свидетельствуют письменные памятники раннего и позднего средневековья, звонкий спирант [ж] (как и аффриката [ж]) в качестве самостоятельной звуковой единицы вообще отсутствовал в древнетюркской письменности. Поэтому неудивительно, что арабские, грузинские и армянские авторы V—VIII вв. передают некоторые древние тюркские титулы и термины в произношении народов, населявших территорию современного Казахстана, со звуком ^v*dz* в противоположность *j* —

ёканью других тюркских языков (Малов, 1941, с. 99). На наш взгляд, правы те ученые, которые рассматривают звуки [ж] и [ж] в отдельных тюркских языках — в современном уйгурском, казахском, киргизском и других — как результат дальнейшего развития древнетюркского [й] (Radloff, 1882, с. 114; Богородицкий, 1953, с. 106; Бернштам, 1946, с. 20—21; Ramstedt, 1957, с. 66).

Разумеется, вопрос о доминирующей принадлежности джеканы к той или иной группе тюркских языков имеет первостепенное значение. Но, основываясь лишь на отдельных фактах письменного отражения джеканы в кыпчакских языках ранней поры, нельзя, по нашему мнению, считать последнее монополией исключительно кыпчакских тюркских языков. Несомненно, указанное явление — один из главных дифференцирующих признаков кыпчакской группы тюркских языков. Однако лишь на основе преимущественного употребления в них [ж] в анлаутной позиции слов «вообще относить джеканы только к кыпчакским языкам неправомерно» (Гукасян, 1977, с. 39).

Рассмотрим вкратце причины появления жеканы и джеканы в тюркских языках. Этот вопрос, за исключением отдельных разрозненных высказываний ученых, в тюркологии специально не разрабатывался. Однако исследователи истории конкретных тюркских языков так или иначе обращались к нему в связи с разработкой основных проблем литературного языка.

Несмотря на значительный материал по вопросу о развитии в тюркских языках жеканы и джеканы, послуживших причиной появления совершенно новых звуковых единиц — среднеязычного сибиланта [ж] и аффрикаты [ж], в настоящее время решение данного вопроса исторической фонетики продолжает оставаться в рамках гипотез и предположений. Не останавливаясь на нем специально, отошлем читателя к работам Б. А. Серебренникова (1958), Дж. Г. Киекбаева (1958), А. М. Щербака (1961, с. 79—80), Ф. А. Абдуллаева (1967, с. 193—201), Т. Т. Талипова (1969), Н. З. Гаджиевой (1975, с. 72, 271) и др.

Хотя различные импульсы и движущие силы, управляющие механизмом регулирования фонематического равновесия, еще в деталях не выяснены, однако априори в качестве рабочей гипотезы можно утверждать, что

в условиях слабого ударения вслед за позиционным ослаблением дифференциального признака возникла необходимость восстановления нарушенного фонологического равновесия. Иначе говоря, вслед за репласацией древнетюркского ударения, сопровождавшейся усилением отчетливости (т. е. звучности) подударного ауслаутного слога и, наоборот, уменьшением уровня акустической мощи прежде сильного анлаутного слога, в древнетюркских языках в абсолютном начале слов с этимологическим [й] появился звук [ж], в акустическом отношении являющийся более сильным и звучным, чем слабый [й].

Таким образом, в древнетюркских языках тенденция к звучности анлаута с инициальным [й] в новых акцентных условиях разрешилась в основном в пользу сибиллянта [ж], а затем и аффрикаты [ж], обладающих наибольшей артикуляционной близостью к [й]. После этого превращения общий объем функционирования инициального [й] в древнеуйгурском, например, сократился до минимума. В известной степени сократился уровень частотности употребления его и в других древнетюркских языках. Одновременно заметно активизировалась новая позиция для [ж] и [ж] — инициальная, которая до этого момента не имела места в тюркских языках.

Когда силовое ударение первоначально покоилось преимущественно на начальном слоге слова, по-видимому, не было особой необходимости для дополнительной соноризации и без того слышимого подударного анлаута с сонорным [й]. В этих условиях произношение, например, титула верховного правителя древних тюрков в виде *йабгу*, надо полагать, вполне соответствовало необходимому уровню слышимости анлаута.

Однако с позиционным ослаблением анлаута, вызванным переходом сильного ударения на последующий слог слова, при котором в этой позиции широкий гласный [а] подвергался качественной редукции, сопровождавшейся снижением общего уровня сонорности анлаута, потребовалась компенсация утраченной сонорности первого корневого слога, до того задававшего сингармонический тон последующему слогу. Это стало возможным благодаря возникшей репласации древнетюркского ударения, необходимости сделать сонорным слабоударный анлаут посредством замены инициально-

го [й] более «слышимыми» сибилантом [ж] или аффрикатой [ж].

Важно отметить, что процесс соноризации анлаутного [й] по известным причинам мог осуществляться в основном в позиции перед максимально краткими, т. е. перед так называемыми иррациональными, гласными [ы], [i], [y], [ү]. Иначе говоря, для перехода анлаутного [й] в [ж] или [ж] широкий гласный, находящийся в позиции после [й], должен был бы качественно и количественно модифицироваться в узкий или полуширокий краткий гласный, в противном случае указанный переход согласных в языке не мог бы произойти. Так, например, в создавшихся новых акцентных условиях, когда древнетюркское ударение переместилось с первого слога на последующий, соответственно изменились качественная и количественная характеристики гласного как первого, так и последующего слогов древнетюркского слова *йабгу*.

В связи с репласацией древнетюркского ударения этимологически широкий гласный слабоударного анлаута, теряя первоначальное качество, редуцировался. В результате в одних тюркских языках он мог произноситься как узкий [i] (*жібгу* или *жібго*), а в других — как полуширокий [e] (*жебгу*). По-видимому, только таким образом могли появиться дублетные формы древнетюркского слова *йабгу*. При этом следует указать, что форма слова с анлаутным узким гласным [i], являясь дальнейшей ступенью модификации широкого [a] в узкий, отражает в себе результат последовательного перехода [a] в [e], а затем и в [i].

Постепенную модификацию анлаутного широкого гласного в узкие схематически можно представить в такой последовательности: [a] > [e] > [i], т. е. в виде *йабгу* > *жебгу* > *жібгу* > *жібго*, встречающихся «почти в неизменном виде» (Гукасян, 1978, с. 32) в древнегрузинских источниках савиро-хазарского союза. Что касается этимологически узкого гласного [y] подударного ауслаута, то в этой позиции он модифицировался в полуширокий [o], являющийся также промежуточной ступенью в процессе перехода [y] в [a]. Отсюда и наличие в письменных памятниках ранней поры своеобразной формы слова *жібго*.

Такая трактовка вопроса причины качественной модификации звуков на разных полюсах слова позво-

ляет проследить закономерный характер перехода звуков в различных позициях слова. Для этого достаточно обратиться к следующим примерам, которые, как нам представляется, наглядно иллюстрируют процесс фонетического видоизменения многих слов и словоформ в истории уйгурского языка.

Так, например, из письменных памятников известно, что для древнетюркских языков было характерно употребление междометного слова *йэму* 'хорошо, согласен' (МК, 1967, с. 126), состоящего из основы *йэ* 'хорошо, ладно' (МК, 1963, с. 33) и вопросительной частицы *-му**. Например: *Сэн баргыл йэму?* 'Ты сходи, ладно?' (МК, 1963, с. 32—33); *Мэн баргай мэн йэму?* 'Я пойду, хорошо?' (МК, 1963, с. 254).

Однако в большинстве современных тюркских языков древнетюркская словоформа *йэму* вообще не сохранилась. Исключение составляют лишь казахский и киргизский языки, где указанное слово встречается в форме *йэ* с протетическим элементом [i] и употребляется в функции утвердительного слова 'да, ага'. В уйгурском же языке древнетюркское *йэму*, имея форму *жуму*, употребляется в основном в той же функции, что и в древнетюркских языках эпохи Махмуда Кашгарского. Например, *Сэн баргин жуму?* 'Ты сходи, ладно?', *Мэн барай, жуму?* 'Я схожу, ладно?' и т. д. В дальнейшем появилась возможность соноризации анлаута не только по линии последовательного замещения инициального [й] щелевым [ж] и аффрикатой [ж], но и путем его вокализации, осуществляемой, в частности, устранением в произношении инициального [й] (Дмитриев, 1955а, с. 265—273), как это отмечалось в отдельных казахских, а также киргизских словах: *ағаш* вместо др.-тюрк. *йағач* 'дерево', *ірі* вместо др.-тюрк. *йірік* 'крупный', азерб. *агла* 'плакать' и т. д. (Brockelmann, 1954, с. 46; Севортян, 1955а, с. 37; Pritsak, 1959, с. 541; Аганина, 1963; Юнусалиев, 1966, с. 24).

Следует подчеркнуть, что такой способ соноризации тюркского анлаута своими корнями уходит далеко в глубь истории. Н. З. Гаджиева (1975а) считает, что «киргизское *ыр* 'песня' возникло в ту эпоху, когда в нем

* Основа слова *йэ*, отмеченная Махмудом Кашгарским, восходит, по всей вероятности, к древнетюркскому слову *йэг* 'хороший' (ДТС, 1969, с. 252), в котором, по-видимому, произошло выпадение финального звука [г].

еще существовал начальный [й]. Когда он позднее превращался в аффрикату [ж], то в ряде слов древний [й] перед узкими гласными успел уже исчезнуть, откуда современное киргизское *ыр* 'песня' из *йыр*» (с. 270).

Известные факты дублетного написания ряда слов и словоформ как с инициальным [й], так и без него в древнетюркских письменных памятниках раннего периода свидетельствуют о древности процесса выпадения [й]. Надо полагать, что процесс соноризации древнетюркского анлаута способом вокализации по хронологии соответствует переходу [й] в [ж] и [ж]. Этот переход отражают следующие фонетические дублеты (ДТС, 1969):

в древнетюркском	в диалектах уйгурского
<i>йіліг/ілік</i> 'костный мозг'	<i>йилик, жилик, илик</i> (лит.)
<i>йірің/ірің</i> 'гной'	<i>йириң, жириң</i> (лит.)
<i>йылығ/ылығ</i> 'теплый'	<i>ылығ, ыллық, илиқ</i> (лит.)
<i>йын/ын</i> 'нора, берлога'	<i>ин</i>
<i>йырақ/ырақ</i> 'дальний, далекий'	<i>йырақ, жирақ</i> (лит.)
<i>йыр/ыр</i> 'песня'	<i>жир</i> и т. д.

Сравнительный материал показывает, что в ряде тюркских языков, в том числе и в уйгурском, процесс вокализации анлаутной позиции ряда слов путем устранения инициального слабослышимого [й] в известной мере продолжался и в более позднее время. Это видно из следующих примеров (ДТС, 1969):

в древнетюркском	в уйгурском
<i>йенжү</i> 'жемчуг'	<i>үнчә</i>
<i>йінчкә</i> 'тонкий, узкий'	<i>инчикә, диал. йинчкә</i>
<i>йін</i> 'нора, берлога, логовище'	<i>ин</i>
<i>йыпар</i> 'мускус'	<i>ипар</i>
<i>йүз</i> 'лицо, лик'	<i>үз, диал. йүз</i>
<i>йүзүк</i> 'кольцо, перстень'	<i>үзүк, диал. йүзүк</i>
<i>йылан</i> 'змея'	<i>илан, диал. йилан</i> и т. п.

О неустойчивом характере инициального [й] в уйгурском произношении писал, в частности, Г. Рамс-тедт, который, по словам М. Рясенена, считал, «что артикуляция *j* в восточно-тюркском языке настолько слаба, что графически ее можно обозначить по усмотрению пишущего *j* или даже *i*» (Рясенен, 1955, с. 165).

Вслед за В. В. Радловым (Radloff, 1882, с. XVII) на беглый [й] в уйгурском (средний звук между мягким спирантом и полугласным) указывали и Г. Моргенстерн (Morgensterne, 1945, с. 142—143), К. Брокельманн (Brockelmann, 1954, с. 46) и другие. Что касается выпадения инициального [й] из ряда общетюркских слов, то это можно объяснить, пожалуй, тем, что данный звук в абсолютном начале слова в позиции перед узкими гласными произносится максимально кратко. В этой позиции он часто оглушается и выпадает, оставляя незначительный рефлекс количественного порядка следующему за ним гласному, что нетрудно уловить даже на слух.

В современном уйгурском языке в ряде случаев наличие инициального [й] в составе тех или иных слов устанавливается путем сравнения с родственными и древнетюркскими языками, а также с примерами из различных диалектов и говоров уйгурского языка.

Выпадение инициального [й] в позиции перед узкими гласными спорадически изменяет также количественную характеристику последующего согласного в диалектах уйгурского языка, что получило у некоторых авторов название «контрастной корреляции количества» (Трофимов, 1974, с. 31).

Так, например, в южных говорах имеем *ittik* 'острый', *utärmäk* 'потерять, лишиться чего-либо', а в северных — *иштик*, *уштärmäk*, *жүтärmäk* и т. д.

Следует оговориться, что в приведенных примерах вряд ли можно установить контрастную корреляцию анлаутных гласных по признаку долгий — краткий, так как здесь не поддается выявлению объективная длительность варьирования гласного по диалектам без применения экспериментально-фонетических методов исследования. Сказанное по этому поводу М. И. Трофимовым можно принять весьма условно, хотя сам факт удвоения глухого смычного, а также появление эпентетического шумного после узкого гласного так или иначе указывают на количественное варьирование гласного в данной позиции.

Наряду с этим рассмотрим наблюдаемую в произношении представителей отдельных говоров эпентезу [ш] в составе односложных основ типа *ишт* 'собака' и *пишт* 'вошь'. По-видимому, вставка призвука [ш] в указанных словах необходима для поддержания определенного уровня сонорности слова. Иначе обстоит дело

с многосложными словами типа *ишти́к* и *у́штәрмәк*, где налицо совершенно другой способ sonorизации анлаута — посредством метатезы.

В случаях вариантного употребления древнетюркского слова *йітмәк* 'исчезать, теряться' (ДТС, 1969, с. 263) в диалектах уйгурского языка обнаруживаются, по крайней мере, два способа sonorизации анлаута. Так, в диалектной форме слова *жүтмәк* 'теряться, потеря́ться' мы имеем дело с известным явлением sonorизации посредством замены [й] более звучным [ж], а в *у́штмәк* — с ее модифицированной формой, где посредством контактной метатезы анлаутного звукосочетания *йү-* в *үш-* (т. е. в *үй-*) была осуществлена вокализация анлаута, приведшая к увеличению уровня его акустической мощи.

Это касается и межтюркских соответствий типа древнетюркского *йітік* 'острый' (ДТС, 1969, с. 263), каз. *жетік*, уйг. *ишти́к* (орф. *ишти́к*). В последнем случае в результате метатезы звонкий спирант [ж], оказавшийся по соседству с последующим глухим смычным [т], подвергся регрессивной ассимиляции и приобрел глухое произношение. Пожалуй, только так можно объяснить появление в уйгурской диалектной речи словоформы *ишти́к* вместо ожидаемой *жітік* из древнетюркской формы слова *йітік*. Только в этом смысле можно согласиться с М. И. Трофимовым (1974), считающим, что здесь звуку [й] «действительно принадлежала известная роль» (с. 30).

Очевидно, тенденция сделать анлаут звучным при помощи сильноносимых шумных согласных превалировала над его sonorизацией путем вокализации через метатезы, так же как и через устранение инициального согласного. Косвенно это подтверждается хотя и редким, но вполне реальным случаем эпентезы типа *иштат* вместо ожидаемого *ишти́т* в русском заимствовании 'штат'. Например: *Абдул... қейинанисини иштатлиқ муәллимә қилип мәктәпкә алди*. 'Абдул принял свою тещу в качестве штатного преподавателя' (Адилов, 1970, с. 19).

Примеры, приведенные О. Прицаком для разных диалектов уйгурского языка, включая лобнорский и язык саларов, а также К. Брокельманом для языка, относящегося к несколько более раннему периоду, где выпадение [й] отмечается также в позиции перед широ-

кими гласными [а] и [э] типа хотанского *ар > йәр* 'земля', саларского *ат > йат* 'лежать', являясь спорадическими, составляют одну из особенностей диалектной речи. Однако при этом необходимо иметь в виду высказывание Г. Рамстедта о фонеме [й]: «Графически ее можно обозначить по усмотрению пишущего» (Рясянен, 1955, с. 165).

Как указывает А. М. Щербак (1961), здесь «появление *j* не связано с преобразованием каких-либо других звуков». И далее, «этот *j*, имеющий характер протетического согласного, развился довольно поздно и употребляется не во всех диалектных группах» (Щербак, 1961, с. 59). Автор присоединяется к мнению А. М. Щербака в том, что анализ текстов из Восточного Туркестана не позволяет сделать определенных выводов о соотношении основ с протетическим *j* и без него в разных древних языках. Однако, заключает А. М. Щербак (1961, с. 59), «можно все же указать на частое употребление его в восточно-туркестанском языке».

На основе анализа обширного диалектологического материала к аналогичному выводу приходят Э. Р. Тенишев, А. Т. Кайдаров, Г. Садвакасов и другие. О преобладающем употреблении инициального [й] в произношении представителей различных диалектов и говоров уйгурского языка Восточного Туркестана писали также С. Е. Малов, А. К. Боровков, В. М. Насилов, Н. А. Баскаков, Э. Н. Наджип, Г. Ярринг и другие.

Говоря о процессе соноризации анлаута посредством его вокализации, снова упомянем о явлении протезы. Наряду с устранением в произношении инициального [й] в ряде тюркских языков, в них спорадически отмечается также явление протезы. Речь идет о древнетюркском утвердительном слове *йә*, которое в истории казахского языка, «обрастая» протетическим элементом [i], модифицировалось в современное *ййә*. В связи с этим можно утверждать, что процесс вокализации анлаута древнетюркского односложного по структуре слова *йә* посредством протезы [i] способствовал значительному увеличению уровня его сонорности. В частности, оно было достигнуто также долгим произношением интервокального среднеязычного спиранта [й] в виде *ййә*.

В отличие от казахского, а также киргизского языков в уйгурском, как было отмечено выше, древнетюркское слово *йәму* наряду с литературно-орфоэпической

формой *жуму* встречается в диалектной форме *жума* с результатом перегласовки этимологически узкого гласного в финале. В диалектной разновидности указанного слова (т. е. *жума*) особенно рельефно выступает закономерная для уйгурского произношения тенденция качественной, а также количественной модификации узких гласных на противоположных (по отношению к главному, а также к второстепенному ударению) полюсах слова: с одной стороны, сужение этимологически широкого гласного в слабоударном анлауте, с другой — позиционное расширение этимологически узкого гласного в подударном ауслауте.

Аналогично можно объяснить историю развития отдельных слов и словоформ уйгурского языка, этимология которых пока дискуссионна. К числу таких слов может быть отнесено название домашней утвари *йугры*, которое еще в древние времена употреблялось в значении 'большое блюдо, корыто' (МК, 1963, с. 38).

По этимологической принадлежности указанное слово можно отнести к отглагольным именам, восходящим к древнетюркской глагольной основе *йугур-* 'месить, мешать' (ДТС, 1969, с. 270). Что касается древнетюркской формы слова *йугры-*, то, по-видимому, она отражает в себе результат контактной метатезы ауслаутных звуков *-ур* в *-ру*, как это произошло, к примеру, в словах *огри* — *огур* 'вор', *эгри* — *эгир* 'неровный, кривой', *бугра* — *бугур* 'верблюд-производитель' и т. д.

Возможно, что древнетюркское слово *йугур* в уйгурском языке могло превратиться в современную словоформу *жавур* с лексическим значением 'большой таз, глубокая эмалированная посуда; большая тарелка, большая миска, лоханка, лохань' (Наджиб, 1968, с. 364).

Как и многие древнетюркские слова с инициальным [й], слово *йугур-*, подвергаясь соноризации анлаута через ступень [ж], могло произноситься как *жугур*, а затем как *жувур*. В дальнейшем эта форма слова могла модифицироваться в *жавур*, которая почти не встречается ни в одном из современных тюркских языков.

Необходимо отметить, что сильная модификация фонетического облика древнетюркского слова *йугур* в современное *жавур* шла по линии увеличения звучности анлаута не только путем замещения инициального [й] сибилантом [ж], а затем и аффрикатой [ж], но также

посредством одновременного замещения этимологически узкого гласного [у] максимально широким гласным [а], sporadически отмечаемым в языке.

Таким образом, предлагаемая нами трактовка возможного развития древнетюркского *йугур* в современную форму *жавур* позволяет уточнить и внести соответствующие коррективы в утвердившееся в уйгуроведческих трудах мнение о том, что современное *жавур* является модифицированной разновидностью слова *жам* иранского происхождения (УРС, 1939, с. 35; УРС, 1961, с. 266; УТИЛ, 1963, с. 83). При этом сторонники указанной точки зрения не приводят в доказательство односложное слово *жам*, которое могло превратиться в уйгурском произношении в двухсложное *жавур*. Хотя само по себе слово *жам* 'чашка, сосуд' может относиться к числу ранних иранских лексических заимствований, оно, по-видимому, не имеет ничего общего с древнетюркским словом *йугур* или *йугры* и тем более с его фонетической разновидностью — с современным *жавур*.

Как известно, процесс соноризации анлаута, являясь общетюркской тенденцией, возникшей на одной из ранних стадий развития древнетюркских языков, захватил также инициальный [й] многих этимологически односложных основ и корней древнетюркских слов, например (ДТС, 1969): др.-тюрк. *йыр/ыр* 'песня' (с. 268), совр. *жир*; *йип* 'нить, тесьма' (с. 267), совр. *йип*, *жип*; *йук* 'поклажа, вьюк, груз' (с. 285), совр. *йук*, *жук*; *йин* 'памет животных' (с. 261), совр. *жин*; *йық* 'валить, разрушать' (с. 277), совр. *йық*-, *жиқит*; *йум*- 'закрывать, зажимать' (с. 279), совр. *йум*-, *жум*-, *йут* 'гололедница, вызывающая гибель животных' (с. 282), совр. *жут*-, *йут*- 'глотать' (с. 282), сов. *йут*-, *жут*- и т. д.

Из приведенных примеров видно, что процесс соноризации инициального [й] в односложных по структуре словах, как и в многосложных, имел место в основном в позиции перед узкими гласными. Действительно, переход инициального [й] в сибилант [ж] (тем более в аффрикату [жж]) в ранний период истории уйгурского языка редко наблюдался в позиции перед широкими гласными, как это отмечалось, например, в кыпчакских тюркских языках. Исключения составляют лишь единичные случаи: *йез* 'желтая медь' (ДТС, 1969, с. 260), *йормақ* 'объяснять, толковать сны' (ДТС, 1969, с. 274), где в позиции перед полуширокими [е] и [о] инициаль-

ный [й] спорадически аффрикатизируется. Если не принимать во внимание такие редкие случаи, то данный переход звуков можно считать нерегулярным.

Звуку [й], в результате репласации древнетюркского ударения оказавшемуся в слабоударной анлаутной позиции, явно грозила «опасность» потерять и без того слабую слышимость. Эта «опасность», по-видимому, была устранена действующей в языке тенденцией сохранения уровня звучности анлаута за счет более сонорного по сравнению с [й] звука [ж] или [ж].

Таким образом, одно из важных изменений в звуковой структуре древнетюркских языков, в частности древнеуйгурского, было связано с общетюркской тенденцией увеличения сонорности слабоударного анлаута [й] главным образом путем замены его относительно звучным, т. е. более мощным, сибилантом [ж] и аффрикатой [ж] на ранних этапах истории функционирования тюркских языков.

По нашему мнению, безусловно, права Н. З. Гаджиева (1975), которая считает, что «начальный [й] является довольно слабым звуком» (с. 196), поэтому «в языке сильна была тенденция освободиться от старого [й] как звука более слабого и заменить его аффрикатой [ж]» (с. 246), «поскольку в языках существует тенденция сделать начало слова более звонким. С лингвотехнической точки зрения, начальный [ж] вместо [й] более удобен, поскольку он более слышимый» (с. 269).

Указанная тенденция соноризации анлаута за счет переднеязычного сибиланта [ж] и аффрикаты [ж], по-видимому, была поддержана законом сингармонизма, при котором учитывалась доминирующая роль первослогового гласного слова. Следовательно, сингармоническая принадлежность гласного первого слога, стоящего после [й], должна была быть наиболее ярко выраженной и артикуляционно и акустически. Поэтому в целях сохранения сингармонического «тонуса» анлаута перед первым гласным мог стоять только такой согласный, который своей артикуляцией содействовал бы заданию сингармонического ряда. В условиях слабой анлаутной позиции для сингармонических целей наличие в инициале именно сонорного (т. е. наиболее слабого) [й], как и других согласных этого типа (т. е. сонорных [р], [л], [н], [м]), не всегда было желательным (Мельников, 1971, с. 72—73). Этот факт объясня-

ется природной близостью [й] к гласным, называемым В. В. Радловым (Radloff, 1882, с. XVII) не иначе как «гласный согласный».

Такое неудобство инициального [й], надо полагать, на определенном этапе развития древнетюркских языков было устранено в основном путем замещения его более звучным (т. е. более сингармоническим) сибилантом [ж] и аффрикатой [ж].

Относительно широкое употребление [ж] и [ж] в позднем периоде истории уйгурского языка не исключало воздействия привходящего фактора, послужившего импульсом к еще большей активизации функциональной роли указанных звуков, так как за свою долгую историю уйгурский язык, как и другие тюркские языки, впитал в себя множество слов иноязычного происхождения с анлаутными [ж] и [ж].

Общеизвестно, что значительная часть из 568 слов и словоформ с анлаутным [ж], содержащихся, например, в «Орфографическом словаре уйгурского языка», приходится на долю иноязычных заимствований (Кайдаров, 1969б, с. 179). И действительно, в результате иноязычных лексических заимствований в уйгурском языке появилось множество слов арабского, персидского, монгольского, а также дунгано-китайского происхождения с анлаутным [ж] и [ж], например: *жаһан* 'мир, вселенная', *жавап* 'ответ', *жаза* 'наказание', *жай* 'место', *жаран* 'джейран, антилопа', *жаваң* 'клевня', *жа* 'ложь, фальшь', *жоза* 'низкий обеденный стол', *жу-сай* 'дикий лук', *жаң* 'колокол, набат', *жаңжал* 'скандал', *жумә* 'пятница' и многие другие.

Как видим, освоение иноязычной лексики, содержащей звуки [ж] и [ж], создало возможность увеличения частотности появления в инициальной позиции указанных звуков в поздние этапы истории уйгурского языка.

Итак, дальнейшая активизация функциональной нагрузки анлаутного [ж] и аффрикаты [ж] в раннем периоде истории уйгурского языка за счет иноструктурных включений происходила благодаря наличию в нем реальных условий и необходимых предпосылок, способных вызвать соответствующий «резонанс» в фонологической системе древнеуйгурского анлаута. В противном случае инородные фонетические элементы, встречающиеся в составе лексических заимствований, остались бы вообще вне пределов фонологической системы языка

и субституировались бы какими-то другими более или менее похожими элементами фонетической системы древнеуйгурского языка.

В действительности, закрепление сибиланта [ж], как и аффрикаты [џ], в звуковой системе древнеуйгурского анлаута было подготовлено, как было отмечено ранее, внутренними условиями, возникшими на одном из ранних этапов развития древнеуйгурского языка. Иноязычное влияние лишь усилило этот процесс в последующий период его развития. Без внутренних причин, приведших к соноризации анлаута, этот процесс не мог бы иметь столь широкого распространения среди всех диалектов и говоров уйгурского языка.

Резюмируя сказанное о соноризации анлаута в истории уйгурского языка, можно сделать следующие выводы.

В древнетюркских языках в ранние периоды их совместного существования в качестве самостоятельной звуковой единицы функционировал анлаутный [й]. Позже в связи с репласацией древнетюркского ударения с анлаута на последующий слог и последовавшим за ним ослаблением уровня сонорности в указанной позиции слова возникла необходимость частичного возмещения, компенсации утраченной сонорности анлаута путем постепенной замены слабого [й] более сильным и звучным сибилантом [ж], а затем и аффрикатой [џ].

С момента передвижения начального ударения на последующий слог древнетюркское йеканье значительно сократилось и пошло на убыль, при этом нарастала тенденция джекканья с промежуточной ступенью жекканья. Иначе говоря, с этого момента трансформация древнетюркского анлаутного [й] происходила по линии интерферирующей (т. е. постепенно нарастающей) соноризации указанного звука в звонкий сибилант [ж], а затем и в аффрикату [џ]. Возникла реальная возможность появления новой анлаутной позиции для звуков [ж] и [џ], а по линии оглушения — и для звуков [ш] и [ч].

Так называемые шоканье и чоканье, развившиеся в ряде тюркских языков, являясь одним из возможных вариантов развития жекканья и джекканья, по давности происхождения не древнее, чем жеканье и джекканье.

Применительно к древнеуйгурскому следует сказать, что иноструктурные языки, контактировавшие с ним

на территории Восточного Туркестана на одном из ранних этапов развития, застали его, в основном, таким, каким он был в раннем средневековье. Правда, в древнеуйгурском раннего периода звуки [ж] и [ж] не имели столь большого распространения, как в более позднее время. Иноязычное влияние лишь стимулировало изменение дистрибуции, модификацию системных связей, утверждение и упрочение их в систему.

Лингвистический материал, почерпнутый как из письменных памятников, так и из современных языков, показывает, что переход инициального [й] в [ж] и [ж] в истории уйгурского языка имел место в основном в позиции перед узкими (т. е. потенциально менее слышимыми) гласными. В позиции перед широкими и полуширокими гласными, которые считаются в акустическом отношении максимально слышимыми (т. е. наиболее сонорными), не было особой необходимости дополнительной соноризации анлаута путем замены инициального [й] звуком [ж]. Однако, как и в других случаях, здесь также не обошлось без исключений, но даже при единичных случаях перехода инициального [й] в [ж] или [ж] в позиции перед древнетюркскими этимологическими широкими гласными, последние в уйгурском произношении, как правило, подвергались сужению. Отсюда следует, что без позиционного сужения анлаутного широкого гласного, как правило, не было бы перехода инициального [й] в [ж] или [ж]. Это свидетельствует в пользу генетической взаимозависимости процесса соноризации анлаута с чередованием как согласных, так и гласных в указанной позиции древнетюркского слова, так как «в любой последовательности фонем будет, таким образом, наблюдаться уменьшение и увеличение сонорности» (Блумфилд, 1968, с. 122).

6.2. К ИСТОРИИ ФАРИНГАЛЬНОГО [h]

В последнее время опубликован ряд работ по тюркологии, в которых в той или иной степени затрагивается вопрос о происхождении фарингального [h] в звуковой системе различных тюркских языков.

Некоторые тюркологи утверждают, что на древней стадии развития тюркских языков фарингальный [h] как самостоятельная звуковая единица в составе звуко-

вого строя тюркских языков вообще отсутствовал и что он появился в них позднее. При этом доминирующая роль отводится привходящим факторам, которые связаны с массовыми лексическими заимствованиями из различных языков. Другие же ученые, не отрицая иноязычного влияния, считают, что звук [h] в отдельных тюркских языках возник на собственной языковой почве.

Н. К. Дмитриев, занимавшийся вопросом о происхождении отдельных звуков, в частности [h] в башкирском языке, на первый план выдвигает иранскую гипотезу.

Башкировед Г. Бапшев происхождение фарингального [h] в башкирском языке объясняет влиянием монгольских языков. Проанализировав обширный фактический материал, Дж. Г. Киекбаев (1958, с. 15) пришел к выводу о том, что образование спиранта [h] (так же как и спирантов [ç] и [ʒ]) в башкирском, как и в ряде других тюркских языков, связано исключительно с общей тенденцией спирантизации древнетюркских свистящих, шипящих, а также взрывных согласных независимо от влияний и воздействий извне.

По мнению Г. Дёрфера, халаджский язык является единственным из тюркских, в котором полностью сохранился древнетюркский начальный [h]. Исходя из регулярного проявления [h] в начальной позиции слов ученый утверждает, что халаджский язык — самый архаичный из тюркских языков, «даже более архаичный, чем язык рунических надписей VII века, утративший [h] очень рано...» (Щербак, 1973, с. 113).

Лингвистический материал, извлеченный из ряда современных тюркских языков, показывает, что в установлении и развитии фарингального [h] как самостоятельной звуковой единицы, определенную роль сыграли привходящие факторы, связанные с массовыми лексическими заимствованиями из арабского, иранских и отчасти из древнеиндийского языков. Однако было бы неправильным рассматривать появление звука [h] в тюркских языках, в частности в уйгурском, исключительно как результат массовых заимствований и объяснять это с точки зрения спонтанных или внезапных явлений в истории уйгурского языка.

В современном уйгурском языке факты употребления звука [h] в составе арабских, а также иранских

заимствований превалируют, но тем не менее значительная часть примеров с этим звуком приходится и на долю собственно уйгурских (древнеуйгурских) слов. Это еще раз подтверждает мысль о том, что появление фарингального [h] в звуковой системе уйгурского языка было связано не только с внешними факторами, обусловленными языковыми контактами тюркоязычных племен с нетюркоязычными, сколько с такими фонетическими явлениями в самом уйгурском языке. как чередования, ассимиляция, редукция звуков, а также аспирация, протеза и т. п.

В связи с этим напомним весьма интересный факт обнаружения в тексте одного из наиболее ранних письменных памятников древнеуйгурского языка «Хуастуанифт» (V в.) фарингального [h] в конце слова. В этом памятнике удвоенное написание финальных гласных зачастую снабжено дополнительным знаком для [h], явно указывающим на сильное произношение гласного в данной позиции (Дмитриева, 1963): *кункә-h* — ср. *кунгә* 'ко дню', *қылынчынгә-h* 'к его поступку', *к(ә)лти-i-h* 'пришел', *йазукумузны-ы-h* 'наши грехи', *амты-ы-h* 'теперь' и т. д.

В редких случаях эпентетический элемент [h] в абсолютном конце слова наблюдается также при обычном (т. е. одинарном) широком гласном в таких словах, как *һирза-h*, *білінгә-h*, *кункә-h*, указывая, по всей вероятности, на качественное своеобразие произношения гласного в сильной подударной ауслаутной позиции.

Как видно из приведенных примеров, дополнительный элемент [h] в финальной позиции ряда слов напоминает так называемое явление фарингализации тувинских гласных, наблюдаемое в начальной позиции слова. Однако в отличие от тувинского языка в древнеуйгурском появление фарингального элемента отмечается в основном в абсолютном конце слова как замыкающий глоточный элемент сильнопроизносимого (т. е. интенсивно выделяемого) акцентного гласного.

Махмуд Кашгарский в «Дивану лугатит турк» (1960) пишет, что не только в случаях *һата*, *һана* в произношении представителей племени кенжак (с. 48, 49—68), но и в таких парно-повторных словах, как *һәч-һәч* (МК, 1961, с. 326) и *һач-һач* (МК, 1960, с. 312) — слово, употребляемое при подгоне скота, инициальный [h] является протетическим элементом. По мнению

Махмуда Кашгарского, такие парно-повторные слова, как *тах-тах*, употребляемые для зова ястреба, *чуһ-чуһ*, употребляемые для понукания лошади, *ках-ках*, употребляемые для зова собаки, а также *мәһ* — побудительная форма глагола 'на, бери' (МК, 1963, с. 128), используются с эпентетическим [h]. Помимо этого, ученый, дополняя примеры случаев употребления эпентетического [h] в отдельных категориях слов, замечает, что указательное местоимение *ма* *مە* 'вот этот, вот он' (МК, 1963, с. 231), а также парно-повторное слово *куру-куру* *قۇر-قۇر*, употребляемое для зова жеребят, иногда встречаются с конечным гортанным элементом [h]: *قۇر-قۇر* *қурреһ-қурреһ* (МК, 1963, с. 242).

Интересно отметить, что указательное местоимение *ма* 'вот этот, вот он' в форме, указанной Махмудом Кашгарским, но без эпентетического элемента [h] широко используется в речи представителей южных говоров уйгурского языка.

Во всех приведенных случаях появление эпентетического [h] непосредственно связано с сильным акцентом, о чем свидетельствует, в частности, геминирование интервокального вибранта [p] в слове *қурреһ-қурреһ*. Кроме того, все указанные слова с эпентетическим [h] являются по своей природе экспрессивными.

В определении причин появления фарингализации гласных в тувинском языке тюркологи пока не пришли к конечному результату, поэтому данный вопрос остается проблематичным и дискуссионным. Как отмечает А. М. Щербак (1970), предположение о развитии фарингализации вследствие взаимодействия гласных с согласными еще не является ответом на вопрос о ее происхождении, так как «для полного понимания сущности рассматриваемого явления необходимо напомнить, из чего складывается „специфическая сильная артикуляция“ согласных» (с. 46). Это положение важно и для древнейуйгурского языка, в примерах из которого эпентетический элемент [h] встречается не только после сильного согласного -т-, но и после слабых сонорных согласных -н-, -й- и шумного -з-.

По вполне понятным причинам указанное явление в древнейуйгурском языке, пожалуй, невозможно объяснить также стремлением к сохранению «строчной полноты», о чем писал А. Лекок (Le Coq, 1911, с. 8).

Заметим, что с точки зрения исторической фонетики не только уйгурского, но и других тюркских языков эпентетический характер ауслаутного [h] имеет чрезвычайно важное научное значение, так как это явление, обнаруживаемое лишь в текстах уйгурского, а также манихейского письма, отдаленно напоминающего явление аспирации в сарыг-уйгурском (Малов, 1957, с. 63; Тенишев, 1960), может пролить свет на решение еще недостаточно ясного и загадочного для тюркологии вопроса.

Приведенные примеры на качественное отражение количественных изменений звуков в древнеуйгурских письменных памятниках убеждают нас в справедливости высказываний ученых о том, что «глухость, сила, придыхательность и удвоение или длительность являются обычно сопутствующими признаками и фонетически не только совместимы, но и с некоторой необходимостью взаимообуславливают друг друга» (Щербак, 1970, с. 24). Это мнение А. М. Щербака подтверждается фактами исторической фонетики уйгурского языка.

К. К. Юдахин (1965, с. 572), говоря о генезисе звука [h] в уйгурском и узбекском языках, указывает на три основных источника его появления: родной язык (в уйгурском чаще, чем в узбекском), арабский ح, а также арабский или персидский ا.

Коротко рассмотрим каждый из этих источников.

Звук [h] в уйгурском языке находится главным образом в начале и в середине слова. В исключительно редких случаях он может встречаться также в абсолютном конце междометий.

Редкое употребление звука [h] в конечной позиции слова в уйгурском языке объясняется, по-видимому, тем, что здесь на его долю выпадает сравнительно меньшее количество фонаций (выдохов), чем в остальных позициях слова. Поэтому неудивительно, что, будучи слабовоздушным звуком, в этой позиции он теряет свой характерный шум и часто не произносится.

Звук [h] в собственно уйгурском языке образовался различными путями. Во многих случаях появление фарингального [h] можно объяснить протетическим произношением его в анлаутной позиции слова перед различными гласными.

Другим, не менее важным источником образования

[h] были, как отмечено ранее, гортанные звуки арабского и персидского происхождения. Анализ многочисленных примеров со звуком [h] показывает, что источником для его появления в составе ряда слов послужил не один, а пять или шесть гортанных звуков арабского языка, неразличимых между собой в тюркских языках. Вследствие этого возникли разноречивые мнения относительно характеристики звука [h] в тюркских языках. По нашему мнению, следует учесть, что неполное усвоение непривычного для артикуляции ряда тюркских языков звука [h], появившегося вместо нескольких гортанных или фарингальных звуков семитских, а также восточных языков, не могло не породить колебаний в его произношении и освоении в тюркских языках. Поэтому естественно, что в одних языках присутствует его ларингальная разновидность, а в других — фарингальная, в чем нельзя не согласиться с мнением У. Ш. Байчуры (1959, с. 137).

В этом плане вполне оправдано различие в оценке учеными звука [h], выполняющего фонематическую (Акбаев, 1963, с. 20—21; Хабишев, 1966, с. 214) или, наоборот, нефонематическую роль (Будаев, 1968, с. 21) в одних и тех же тюркских языках.

По фактам из различных тюркских языков можно судить о том, что если в истории одних языков (как, например, в уйгурском, узбекском, азербайджанском, включая их основные диалекты) арабские гортанные звуки замещались в произношении фарингальным [h], то в других (как, например, в казахском, киргизском, татарском) — они замещались иногда фарингальным [h], но в основном разными увулярными согласными.

На наш взгляд, разноречивой в передаче арабских гортанных звуков различными звуками в кыпчакских тюркских языках или, наоборот, передача их одним фарингальным [h] в уйгурском также свидетельствует в пользу того, что произнесение звука [h] не было чуждым артикуляционным навыкам древних представителей современных уйгуров.

Следовательно, правы те ученые, которые утверждают, что «влияние одного языка на другой может выявиться только в том, чего в последнем нет, а не в том, что в нем уже есть» (Абаев, 1964, с. 121). По-видимому, в древнетюркском и, в частности, в древнеуйгурском был звук [h], сфера распространения которого активизи-

зировалась в языке благодаря массовому иноязычному лексическому заимствованию на разных этапах его функционирования.

Говоря о замене гортанных звуков различными звуками в уйгурском и казахском, а также в ряде тюркских языков, нельзя не отметить, что арабский пласт в лексическом составе этих языков в течение столетий создавался не на базе этнического родства и непосредственного территориального контакта, а в связи с проникновением (в определенный исторический период развития тюркских языков) арабского письма с его исламской религией. Но тем не менее в определенный период языкового контакта тюркских племен с нетюркоязычными народами одним из естественных каналов, по которому фонема [h] попала в язык предшественников современных уйгуров, были, очевидно, арабские, иранские и отчасти индийские лексические заимствования, содержащие этот звук.

Когда речь идет о замене гортанных звуков арабского, а также иранских языков другими звуками в тюркских языках, мы имеем в виду типологически сходные тенденции развития данного явления в сравниваемых языках. И действительно, сопоставительный анализ наряду со сходством обнаруживает во всех случаях значительные различия между отдельными тюркскими языками и диалектами в степени и характере проявления этих тенденций. Так обстоит дело с существующей в языке тенденцией замены непривычных для артикуляционных навыков тюркоязычных народов гортанных согласных в арабских и иранских заимствованиях удобопроизносимыми звуками родного языка. Согласно этой тенденции любые иноязычные гортанные согласные в казахском, киргизском и в ряде языков кыпчакской группы замещались в произношении главным образом увулярными согласными [q], [ʁ] или [x], более или менее сходными по артикуляции с гортанными звуками арабского языка. Совершенно иная картина наблюдается в уйгурском, узбекском, азербайджанском языках, где превалируют факты замены гортанных звуков арабского языка фарингальным [h].

Вопрос о самобытности звука [h] (или, наоборот, о его позднейшем появлении) в звуковой системе уйгурского и других тюркских языков в той или иной степени связан с так называемым придыханием. Древнеуйгур-

ские письменные памятники на данный вопрос не могут дать сколько-нибудь удовлетворительного ответа. Однако, судя по высказываниям отдельных ученых, явление придыхания (аспирации) не было чуждым для языка древнетюркских племен. Так, например, Э. Р. Тенишев (1963), пишет, что «язык уйгуров Турфана и Ганьсу, запечатленный в памятниках уйгурского письма, не различал звонких и глухих согласных» и что в них «противопоставление древнеуйгурских согласных фонем установилось по линии наличия или отсутствия аспирации» (с. 132).

Рассматривая с фонологической точки зрения явление придыхания, А. М. Щербак (1964) пишет: «В древнетюркском языке аспирация является сопутствующим, несамостоятельным признаком. Максимально выраженной она бывает у сильных (глухих) смычных, выступающих в начальной позиции. Слабые (глухие) смычные могут быть аспирированными факультативно» (с. 20—21). Таким образом, признак аспирированности или неаспирированности А. М. Щербак не рассматривает отдельно как дифференциальный признак в фонологической системе тюркского праязыка.

Оставляя данный вопрос открытым, заметим, что аспирация более или менее регулярно проявляется в ряде современных тюркских языков и их диалектов, например в языке желтых уйгуров (Малов, 1957, с. 32, 163), саларцев (Тенишев, 1976в, с. 15), а также в хакасском, тувинском и других языках. В последних двух языках придыхательность глухих смычных согласных в анлаутной позиции слова выступает как составная часть артикуляции этих звуков.

Разумеется, придыхательность в этих языках, являясь как бы непостоянной единицей смычных звуков, не смогла не подвергаться различным комбинаторным изменениям. Поэтому вполне возможно, что в результате этого признак аспирированности звуков при их дальнейшем ослаблении мог исчезнуть или, наоборот, усиливаясь, мог дать другой звук, в частности фарингальный [h].

В связи с этим отметим, что Е. Д. Поливанов (1925, с. 59, прим. 94) и М. Рясянен предполагали, что «в некоторых юго-восточных и юго-западных тюркских диалектах *h* — спорадически встречается в старых словах на *p*» (Рясянен, 1955, с. 24—25).

Следовательно, можно полагать, что в современном уйгурском языке, как и в азербайджанском, а также в некоторых других тюркских языках и их диалектах фарингальный [h] в начальной позиции ряда слов мог появиться в результате не только дальнейшего развития аспирации, но и устранения так называемого гортанного приступа, а также зияния. Аналогично обстоит дело со многими заимствованиями, такими, как *саһат* 'часы', *жараһат* 'рана, ранение', *саһадат* 'счастье', *гәһәллүк* 'свойственный', где появление звука [h] в середине этих слов связано с придыханием и зиянием.

По поводу возникновения фарингального [h] в уйгурском языке отметим следующее. В древние времена в Средней и Центральной Азии довольно компактные тюркоязычные группы племен находились в территориально близких отношениях с различными нетюркоязычными народами, что послужило причиной появления значительных иноязычных прослоек в их языках. Естественно, что иноязычные прослойки не могли не породить в языке этих племен ряд отклонений от общей схемы их звуковых законов. К ним относятся, в частности, замена «непривычных» для уйгурского произношения гортанных звуков фарингальным и другими звуками уйгурского языка, аспирация, различные типы вставки звуков в непривычных звукосочетаниях, ассимиляция и чередования, появление количественного и качественного изменения звуков и т. д. Однако какими бы значительными ни были иноязычные влияния на звуковой строй тюркских языков, в истории этих языков такие «миграции не имели того влияния и значения..., каковые им обычно приписывают» (Малов, 1952б, с. 136).

Протетический фарингальный [h] в уйгурском языке в основном появляется в тех случаях, когда говорящие по-уйгурски стремятся избежать стечения согласных (или гласных в инлауте), нарушающих привычные нормы сочетания звуков, сложившиеся в результате многовековой истории уйгурского языка. Поэтому было бы ошибочным отыскивать какое-либо иноязычное влияние во многих собственно уйгурских словах, начинающихся с фарингального [h], и отмечать следы влияния иноязычного субстрата в фарингальном [h], который в ряде тюркских языков появился на родной языковой почве. В уйгурском языке наряду с преобладанием употребления звука [h] в составе арабских, а также иран-

ских заимствований, существует немало примеров с начальным звуком [h] в составе собственно уйгурских слов, возникшим в результате длительного исторического развития уйгурского языка.

Таким образом, употребление фарингального [h] в ряде слов (и в первую очередь в междометиях и подражательных словах) было, очевидно, одной из самобытных древнейших фонетических особенностей языков-предшественников ряда современных тюркских языков, в том числе и языка-предшественника современного уйгурского.

6.3. К ИСТОРИИ ЗВУКА [й]

Вопросом о генезисе звука [й] в фонологической системе тюркских языков занимались многие отечественные и зарубежные тюркологи, но тем не менее решение его до сих пор остается в рамках гипотез и предположений.

По поводу истории развития древних и появления новых тюркских языков С. Е. Малов (1952б) писал, что в древних языках преобладали глухие согласные и что «более древними были шипящие и свистящие звуки *дж, ч, ш*, звук же *й* был в очень малом и редком употреблении (в начале слов) в письменном языке древних тюрков (курсив наш. — Т. Т.) и у ближайших потомков их теперь по языку — желтых уйгуров» (с. 141).

А. М. Щербак констатирует, что система согласных фонем и их распределение в тюркском праязыке совершенно исключает возможность употребления [й] в начале слова. По мнению ученого, все случаи начального [й] в огузских и карлукско-уйгурских языках так или иначе восходят к глухому межзубному (Щербак, 1964, с. 33; Щербак, 1970, с. 79, 80, 159). Не разделяя данного мнения А. М. Щербака, Б. А. Серебrenников и Н. З. Гаджиева (1979, с. 54) считают переход [ж] в [д] маловероятным.

Г. И. Рамстедт полагал, что из числа спирантов звуки [й] и [с] являются древнейшими. По его мнению, начальный [й] в тюркских языках восходит к праалтайским [д], [н] или [ж]. Ученый заключает, что «в южных и восточных тюркских диалектах начальный *j*-имеется начиная уже с древнетюркской эпохи» (Ramstedt, 1957, с. 66). Однако он был склонен утверждать

не исконный, а вставной характер звука в чувашском и других тюркских языках (Ramstedt, 1922, 1923, с. 18—19).

Б. А. Серебренников и Н. З. Гаджиева, а также С. М. Муталлибов, отвергая это мнение Г. И. Рамштедта, приходят, однако, к заключению, что анлаутный звук [й] в отдельных тюркских языках является изначальным (Серебренников, 1960, с. 67; МК, 1961, с. 364, сн. 238; Гаджиева, Серебренников, 1971; Гаджиева, 1975, с. 261—271). Поэтому «отсутствие в тюркском праязыке начального *j* перед гласными нельзя считать доказанным» (Серебренников, Гаджиева, 1979, с. 55), а «наиболее распространенная в тюркологии гипотеза о первичности *ж* и вторичности *й* имеет очень мало оснований» (Гаджиева, 1975, с. 271).

Звук [й] в тюркских языках бытует примерно с V в. н. э. (Баскаков, 1960, прилож. 2). Находясь в анлаутной позиции слова, он мог быть «результатом фонетического развития аффрикативных и фрикативных звуков» (Баскаков, 1955, с. 216). По мнению некоторых ученых, этот звук в тюркских языках появился позднее, в результате различных звуковых изменений (Дмитриев, 1955, с. 2, 327; Рясянен, 1955, с. 160).

Констатируя соответствие общетюркского анлаутного [к] и чувашского [й] в словах *йур* 'снег' (др.-тюрк. *қар*), *йул* 'оставаться' (др.-тюрк. *қал*), *йун* 'кровь' (др.-тюрк. *қан*), К. Грөнбек заключает, что прежде был сильноспирантный [й], перешедший в чувашском языке в [с], кроме того, существовал более вокальный [й], который также в чувашском перешел в [й]. По его мнению, [й] первоначально был в середине, но вследствие своего вокального характера рано выпал, а оказавшийся в начале слова [й] стал спирантным (Grönbek, 1902, с. 231—234). А. Бишев предполагает, что звук [й], создавший «первичную» долготу, был очень древним, а звук [й], образующий «вторичную» долготу, — новым. Что касается фонематической роли звука [й] в древнетюркских языках, то он «в односложных основах с открытым слогом вставлялся для закрытия слога. В древнетюркских языках звук [й] мог выполнять также роль связующего элемента между основой и аффиксом, т. е. аффиксы присоединялись к основе только через звук — *й*» (Бишев, 1963, с. 66, 84). При

этом А. Бишев ссылается на В. В. Радлова и М. Ряснену, которые утверждали, что звук [й] употреблялся лишь для заполнения зияния.

Таким образом, большинство ученых склонно считать звук [й] в начальной позиции слова результатом позднейшего развития тюркских языков. На наш взгляд, подобное утверждение недостаточно аргументировано.

Оставляя вопрос о генезисе звука [й] в древнетюркских языках более раннего периода открытым, отметим, что щелевой сонант [й] существовал как самостоятельная звуковая единица еще в ранних орхоно-енисейских, а также в древнеуйгурских письменных памятниках в самых различных фонетических положениях и позициях слов. Кроме того, в истории тюркских языков [й] выполнял не только фонематическую функцию, но и функцию вставного звука.

Помимо этимологического [й] в уйгурском языке, как и в других тюркских языках, существует еще звук [й̣], возникший в поздней истории языка в результате чередований и переходов древнетюркских согласных [д], [з], [н], а также увулярных и заднеязычных [к], [ґ], [к], [г] в [й̣], например: др.-тюрк. *адақ, азақ* > *айақ* 'нога', *адағу, азағу* > *ейғу* 'хороший, добрый', *аға, еға* > *йе*, 'хозяин', *йадағ* > *йайақ* 'пеший', *бузағу, бузақ* > *мозай* 'теленос' и т. д.

Польский тюрколог А. Зайончковский (1964, с. 116) также отмечает наличие йотации в таких словах, как *йев* (вместо *эв*) 'дом', *йүзүм* (вместо *үзүм*) 'виноград', *йешек* (вместо *ешек*) 'осел', *йешит* (вместо *ешит*) 'слышать', в тексте рукописи флорентийского собрания мамлюкско-кыпчакского языка, относящейся к XIV в. или к первой половине XV в.

Ученый отмечает, что йотация не встречалась в ранее опубликованных памятниках этого языка. Применительно к староузбекскому языку аналогичного мнения придерживается также А. М. Щербак (1962, с. 231).

Что касается звука [й̣] в середине слова, то он возможен на стыке основы и аффикса, когда к повелительной форме глагола, оканчивающейся на гласный звук, присоединяется аффикс, начинающийся с гласного. В последнем случае среднеязычный [й̣] выступает в слове как бы соединительным звуком, устраняющим зияние (Radloff, 1882, с. 69—72; Ряснен, 1955, с. 98):

дейишмэк (от демэк) 'говорить', йейишмэк (от йемэк) 'кушать' и т. д.

Таким образом, нами рассмотрен далеко не полный перечень тех фонетических явлений, которые так или иначе связаны со звуком [й] в истории уйгурского языка.

6.4. К ИСТОРИИ ГУБНО-ЗУБНОГО [ф]

Фонологическая система древнеуйгурского языка в связи с потоком иноязычных лексических заимствований пополнилась новыми элементами. Изменения в фонологической системе уйгурского языка наблюдались почти на всех этапах его развития. В уйгурскую фонологическую систему раннего средневековья проникли фонемы [ф] и [в] благодаря массовым арабским, а также персидским лексическим заимствованиям при распространении арабской письменности среди тюркских народов Востока.

По свидетельству ученых, в фонологической системе тюркского праязыка вообще не было щелевых [ф] и [в] в качестве самостоятельных звуковых элементов. Появление этих звуков в отдельных тюркских языках обычно связывается с распадом праязыковой общности, после чего сонанты [в] и [ғ] преобразовались в [в]. «Поэтому включение в фонологические системы этих языков щелевого [ф], первоначально чуждого для них и заменившегося в словах, заимствованных из арабского и персидского языков, смычным [п], явилось в конце концов свершившимся фактом» (Шербак, 1970а, с. 192). По этой причине в наиболее ранних письменных памятниках, относящихся к VI—VIII вв. и ранее, для фонемы [ф], например, не наблюдается особого буквенного обозначения. Однако уже в последующих письменных памятниках раннего средневековья, написанных арабским письмом, она встречается довольно часто, имея особое буквенное обозначение при всех фонетических условиях и позициях заимствованных слов, содержащих эту фонему. Уже в словаре Махмуда Кашгарского, а также в сочинении «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагунского, не говоря о более поздних ко времени написания письменных памятниках, фонема [ф] употребляется как в инициальной и медиальной, так и в финальной позициях слов, не смешиваясь с другими звуками языка,

например: *фил* 'слон', *фиришта* 'ангел', *һәфтә* 'неделя', *фәйләсуф* 'философ' и т. д. (Насилов, 1974, с. 35—39).

Дальнейший ход развития звукового строя уйгурского языка раннего средневековья ознаменовался еще большим расширением сферы применения в письменности фонемы [ф]. Массовое употребление этого звука в период господства арабского языка и арабской письменности не могло не оказать соответствующего влияния на способы артикуляции его в уйгурской речи. В этом отношении прав Н. А. Баскаков (1960), который отличает уйгурский язык послекараханидского периода от языка предшествующих эпох именно по наличию в нем звука [ф].

В действительности, в отдельных древнетюркских письменных памятниках можно проследить звуковой переход [в] в [ф]: *өfkә* вместо *өвкә* 'легкие' (ДТС, 1969, с. 378), *әф* вместо *әв* 'дом', *суф* вместо *сүв* 'вода', *сөфмак* вместо *сәвмак* 'любить' и т. д.

Исследователи уйгурского языка, в частности В. В. Радлов, Н. Н. Пантусов, С. Е. Малов, В. М. Насилов, А. Габен, Г. Ярринг, К. Брокельман и другие, также отмечали замещение на письме отдельных согласных звуков звуком [ф] на основе средневековой письменной-литературной традиции. Факт замещения исконно уйгурских фонем фонемой [ф] в определенных комбинаторно-позиционных условиях свидетельствует о постепенном ее освоении в речи уйгуров. В наше время фонологическая система уйгурского языка ассимилировала эту фонему вместе с новейшими заимствованными словами из русского языка типа фарфор, философия, эффект и т. п. В связи с усилением контактов уйгурского и русского литературных языков в советский период в нем окончательно утвердился общий принцип фонетического усвоения фонемы [ф] в словах иностранного происхождения, что свидетельствует о проницаемости фонологической системы языка под влиянием различных экстралингвистических факторов, так или иначе воздействующих на язык.

Анализ отдельных фонетических явлений, отраженных в старописьменных памятниках, и сравнение их с теми же явлениями в современном уйгурском языке и его диалектах, а также в современных тюркских языках показали следующее:

1. Уйгурский язык подобно другим тюркским языкам прошел длительный и сложный путь исторического развития. За многовековую историю словарный состав, фонетическая и грамматическая системы его претерпели значительные изменения.

2. Изменения, начавшиеся в системе древнеуйгурского языка раннего периода, связаны главным образом с интралингвистическими факторами, происходившими в звуковой системе самих древнетюркских языков.

3. Приблизительно в эпоху существования общетюркского праязыка началось передвижение словесного ударения с начальной позиции на последующий слог. Сдвиг акцентной системы стал поворотным пунктом в переходе от пратюркского к общетюркскому состоянию.

4. Одним из следствий акцентного сдвига явилось позиционное ослабление широких гласных слабоударного анлаута, что привело к частичной нейтрализации фонологических корреляций указанных гласных по признакам подъема и ряда.

5. Стабилизация новой акцентной системы древнетюркского языка значительно видоизменила и другие ряды корреляций — при доминирующей начальной акцентной системе слабая ауслаутная позиция обычно вы-

ступала как позиция нейтрализации фонемных противопоставлений. Позже в связи с репласацией древнетюркского ударения узкие гласные в условиях сильного динамического акцента имели тенденцию к позиционному расширению, а также пролонгированию, выступая в качестве своеобразной компенсации за утрату четкого и ясного произношения безударного, а также слабоударного гласного предшествующего слога.

6. Несмотря на значительное качественное, а также количественное преобразование узкого гласного финального акцентного слога, оно с самого начала не имело фонологического значения, так как в древнеуйгурском в исторически обозримое время не было оппозиции долгих и кратких гласных.

7. Неодинаковое распределение акцентов на разных полюсах древнеуйгурского слова послужило главной причиной не только качественной редукции, но и полного оглушения (синкопирования) гласных в безударном инлауте многосложных слов.

8. Редукция слабоударных и особенно неударных гласных древнеуйгурского языка привела к потере ими функциональной нагрузки в уйгурском языке, что обусловило совпадение и нивелировку широких гласных [a] и [э] в указанных позициях. В ряде случаев бывшие варианты широких гласных — продукты перегласовки или редукции в истории уйгурского языка — приобрели как бы фонологический смысл. Слабоударные широкие гласные анлаута потеряли здесь фонологическую значимость, выступая в виде индифферентного [e], а в безударной инлаутной позиции — в виде индифферентного [и].

9. Исследование слабоударного, а также безударного вокализма свидетельствует о большей степени редукции гласных и, безусловно, о более ярко выраженном характере ее в уйгурском, чем в других тюркских языках. В отличие от большинства тюркских языков редукция безударных, а также слабоударных гласных в уйгурском языке носит и качественный, и количественный характер.

10. Изменение в области широких гласных, вызвавшее появление новых индифферентных гласных [e] и [и] в системе древнеуйгурских узких и полушироких гласных, способствовало образованию новых, ранее неизвестных оппозиций для увулярных [к], [ґ] и [х],

которые отныне стали выступать в сочетании с гласными не только твердого, но и мягкого ряда.

11. Репласация древнетюркского ударения повлекла за собой также переход глухих смычных анлаута в соответствующие глухие фрикативные или звонкие, возникновение геминат, аспирированных или, наоборот, неаспирированных вместо прежних аспирированных и другие, не менее важные модификации согласных фонем.

12. Звуковые изменения, происшедшие в древнеуйгурском языке, привели к изменению морфологических элементов отдельных слов, что вызвало дальнейшие преобразования в их общей морфологической структуре.

13. Явление апокопы, связанное с ударением, в основном завершилось задолго до появления древнетюркских письменных памятников, что объясняется процессом стабилизации древнетюркского ударения на первом компоненте ряда сложных по структуре аффиксов.

14. Общетюркские узкие гласные [ы] и [і], существовавшие в древнеуйгурском языке как самостоятельные фонемы, позднее вследствие различных причин конвергировались и исчезли в звене кратких гласных. Одной из причин конвергенции этих гласных и появления вместо них индифферентного гласного [и] была природная близость кратких гласных [ы] и [і] в отношении акустико-артикуляционной характеристики и слабая дифференциация их в древнетюркских языках.

15. В истории уйгурского языка с течением времени наметились определенные сдвиги в фонемном составе в области согласных звуков. Так, на одной из ранних стадий развития древнетюркских языков вслед за репласацией древнетюркского ударения, сопровождавшейся уменьшением уровня акустической мощности анлаута, возникла естественная необходимость компенсации утраченной сонорности и появления в инициальной позиции слов с этимологическим [й] звука [ж], в акустическом отношении более слышимого и звучного, чем слабый [й]. Это привело к сокращению до минимума общего объема функционирования инициального [й] в позднеуйгурском и, наоборот, активизации новой инициальной позиции для спиранта [ж], а также аффрикаты [ж], которой до этого момента не было в древнеуйгурском языке.

16. В отличие от других тюркских языков в уйгур-

ском замена слабого [й] анлаута более звучными [ж] и [ж] имела место в основном в позиции перед максимально краткими гласными [ы], [i], [y] и [ү]. Дальнейшая активизация функциональной нагрузки звуков [ж] и [ж] в истории уйгурского языка связана с экстралингвистическими факторами.

17. Появление фарингального [h] в уйгурском языке также было подготовлено внутриязыковыми факторами древнеуйгурского языка. Дальнейшая же активизация его функции произошла в зависимости от экстралингвистических причин в связи с массовым заимствованием слов, содержащих один из гортанных звуков арабского языка, а также слов персидского или индийского происхождения.

18. В уйгурском языке помимо этимологического [й] появился звук [й] как результат чередований и исторических переходов, что в определенной степени способствовало компенсации почти достигнутого минимума употребления в языке указанного согласного.

19. Фонологические изменения в языке в поздний период его развития происходили также в результате интенсивного заимствования значительного количества слов, содержащих новую фонему или иные сочетания фонем, которые, в свою очередь, привели к изменению равновесия в системе звуков.

20. В уйгурской фонологической системе раннего средневековья появились фонемы [ф], [в], [д], [г], [л], [р], [з], [х] в инициальной позиции благодаря лексическим заимствованиям из различных иностранноязычных языков в разные периоды функционирования уйгурского языка. Расширение сферы употребления звуков [ғ], [г], [м], [н], [ң], [п], [һ], [ж], [ж] [ш], [ц], [ч] и некоторых других в различных позициях слов также связано отчасти с лексическими заимствованиями из нетюркских языков на разных стадиях развития уйгурского языка.

21. Активизировалась функциональная нагрузка гласных фонем [о] и [е] не только за счет отраслевых терминов типа кит.-дунг. *чайдо* 'секира', *потай* 'пушка', *жоза* 'низкий обеденный стол', но и за счет русско-интернациональных типа ода, ордер, телефон, а также за счет аффиксов -ов (-ова), -ев (-ева), образующих фамилии и отчества людей по модели русского словообразования, что привело к употреблению гласных [о] и

[е] как в анлаутной, так и в инлаутной и ауслаутной позициях заимствованных слов.

22. В развитии фонетического строя уйгурского языка как раннего, так и позднего периодов отметим следующие особенности:

употребление в письменности зияния гласных в составе арабских, персидских, а также русско-интернациональных заимствований: *мааш* 'гонорар', *саат* 'часы', *санаат* 'промышленность', театр, кооператив.

употребление в различных позициях в заимствованной лексике стечения (скопления) согласных: *мэрт* 'щедрый', *дэрт* 'горе', *энт* 'возмездие', смена, стратегия.

употребление в инлаутной, а также ауслаутной позициях заимствованных слов с удвоенными согласными: *һөжжэт* 'документ', *зэррә* 'частица', *һәййа* 'симулянт, притворный', эффект, тонна, ватт, грамм;

употребление в финале заимствованных слов звонких согласных *һид* 'запах', *қад* 'осанка', *ләв* 'губы', гараж, ромб;

употребление слов с нарушенной губной и нёбной гармонией гласных: *аләм* 'мир, вселенная', *тақәт* 'терпение', *мана* 'значение', *даду* — вид фасоли, *пота* 'пояс, кушак';

употребление в заимствованных словах нейотированной разновидности гласного [е], а также звука [ы] русского языка в его фонологической роли;

возможность употребления графем [ё], [ю], [я], а также твердого [ъ] и мягкого [ь] знаков в заимствованных словах;

употребление гортанного приступа в заимствованных словах: *қәтғий* 'строгий', *жүрғәт* 'смелость', *санғәт* 'искусство', *сүнғий* 'искусственный';

употребление разноместного русского ударения в его смысловоразличительной функции;

употребление различных сочетаний звуков в аббревиатурах: БМТ, ГДР, ГОЭЛРО, ВЦСПС и т. д.

23. Многовековая история уйгурского языка свидетельствует о том, что его звуковая система постоянно развивалась и продолжает развиваться в тесной связи с развитием не только фонетического, но и морфологического строя языка и обогащением лексического состава, получившим дальнейший импульс в результате тесного взаимодействия интра- и экстралингвистических факторов.

- Маркс К. К критике политической экономии. М., 1952.
- Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Соч. 2-е изд. Т. 3.
- Энгельс Ф. Франкский диалект. М., 1931.
- Ленин В. И. Философские тетради // Полн. собр. соч. Т. 29.
- Ленин В. И. О государстве // Полн. собр. соч. Т. 39.
- Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм // Полн. собр. соч. Т. 18.
- Ленин В. И. К вопросу о национальной политике // Полн. собр. соч. Т. 25.
- Абаев В. И. О происхождении фонемы γ (h) в славянском // Проблемы индоевропейского языкознания. М., 1964.
- Абаев В. И. Отражение работы сознания в лексико-семантической системе языка // Ленинизм и теоретические проблемы языкознания. М., 1970.
- Абдуллаев Ф. А. К вопросу об оканье в узбекском // Узбек диалектологиясидан материаллар. Тошкент, 1957. Т. 1.
- Абдуллаев Ф. А. О генезисе джеканы в тюркских языках // Общественные науки в Узбекистане. 1961. № 2.
- Абдуллаев И. Абу Бакр ал-Хоразмий // УТА. 1971. № 6.
- Абдурахмонов Г., Шукуров Ш. Узбек тилининг тарихий грамматикаси. Морфология ва синтаксис. Тошкент, 1973.
- Аванесов Р. И. Об одной фонетико-морфологической особенности северновеликорусских говоров: Докл. и сообщ. филол. факультета МГУ. 1947. Вып. 2.
- Аганина Л. А. Уйгурские диалекты Казахской ССР (Чиликский район): Дис... канд. филол. наук. М., 1954.
- Аганина Л. А. Фонетические закономерности чиликского диалекта уйгурского языка: (Краткие сообщения Института народов Азии) // Языкознание, 1963. № 72.
- Адилов М. Фельетонлар. Алмута, 1970.
- Айдаров Г. Язык орхонских памятников древнетюркской письменности VIII века. Алма-Ата, 1971.
- Акбаев Ш. Х. Фонетика диалектов карачаево-балкарского языка: (Опыт сравнительного и сравнительно-исторического изучения). Черкесск, 1963.
- Аманжолов С. Вопросы диалектологии и истории казахского языка. Алма-Ата. 1959. Ч. 1.

Аманжолов А. С. К вопросу о соответствии *с/ш* в древнетюркских диалектах // Исследования по уйгурскому языку. Алма-Ата. 1970. Кн. 2.

Аманжолов А. С. К генезису тюркских рун // ВЯ. 1978. № 2.

Аралбаев Ж. А. Вокализм казахского языка. Алма-Ата, 1970.

Артамошина В. Д. Условия формирования и некоторые особенности языка среднеазиатских поэтов, предшественников А. Навои // Тюрко-монгольское языкознание и фольклористика. М., 1960.

Атамирзаева С. Узбек адабий тилида [о] унлиси лабланганми? УТА. 1962. № 2.

Аттухфатуз закияту филлуфатит туркия. Тошкент, 1968.

Ахатов Г. Х. Диалект западносибирских татар. Уфа, 1963.

Ахматов Т. К. Звуковой строй современного киргизского литературного языка (экспериментально-фонетическое исследование). Фрунзе, 1968. Ч. 1; 1970. Ч. 2.

Ахметгалеева Я. С. Исследование языка памятника тюркоязычной письменности «Кисекбаш китабы»: Автореф. дис. . . . канд. филол. наук. Алма-Ата, 1978.

Ахметьянов Р. Г. Сравнительное исследование татарского и чувашского языков (фонетика и лексика). М., 1978.

Ахундов А., Хабичев М. А. [Рецензия] // СТ. 1980. № 6. Рец. на кн.: Гаджиева Н. З. Тюркоязычные ареалы Кавказа. М., 1979.

Байчура У. Ш. К вопросу о характере словесного ударения в уйгурском языке // Вопросы уйгурской филологии. Алма-Ата, 1961. Т. 2.

Бартольд В. В. К вопросу об уйгурской литературе и ее влиянии на монголов // ЖС. 1909. Вып. II.

Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана. М., 1927.

Бартольд В. В. Сочинения. М., 1963. Т. II.

Баскаков Н. А. Развитие языков и письменности народов СССР // ВЯ. 1952. № 3.

Баскаков Н. А. Каракалпакский язык. Фонетика и морфология: (Части речи и словообразование). М., 1952. Ч. 1.

Баскаков Н. А. Примечания к русскому изданию кн.: Ряснен М. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955 (Баскаков, 1955).

Баскаков Н. А. Примечания // Рамстедт Г. И. Введение в алтайское языкознание. Морфология. М., 1957.

Баскаков Н. А. Тюркские языки. М., 1960.

Баскаков Н. А. Очерк грамматики ногайского языка (фонетика, морфология, синтаксис) // Ногайско-русский словарь. М., 1963.

Баскаков Н. А. Основные теоретические направления в изучении алтайской семьи языков // СТ. 1970. № 1. (Баскаков, 1970а).

Баскаков Н. А. Роль уйгуро-карлукского литературного языка караханидского государства в развитии литературных тюркских языков средневековья // СТ. 1970. № 4 (Баскаков, 1970б).

Баскаков Н. А. Ареальная консолидация древнейших наречий и генетическое родство алтайских языков // Проблема общности алтайских языков. Л., 1970 (Баскаков, 1970в).

Баскаков Н. А. Русские фамилии тюркского происхождения. М., 1979.

Батманов И. А. Язык енисейских памятников древнетюркской письменности. Фрунзе, 1959.

Батманов И. А. Следы говоров в языке памятников орхоно-енисейской письменности // Проблемы тюркологии и истории востоковедения. Казань, 1964.

Батманов И. А. Древние тюркские диалекты и их отражение в современных языках // Древние тюркские диалекты и их отражение в современных языках. Фрунзе, 1971.

Бернштам А. Н. О древнейших следах джеканы в тюркских языках Средней Азии // Памяти акад. Н. Я. Марра (1884—1934). М.; Л., 1938.

Бернштам А. Н. Истоки киргизской литературы // Тр. ИЯЛИ, 1944. Вып. 1.

Бернштам А. Н. Русская и советская уйгуристика // Изв. АН КазССР. Сер. уйгуро-дунганской культуры, 1950. Вып. 1.

Бертагаев Т. А. и др. Роль русского языка в развитии словарного состава языков народов СССР // Бертагаев Т. А., Дешериев Ю. Д., Исаев М. И., Хайдаков С. М. М., 1959.

Бертельс Е. Э. «Хибат-ал-хакаик» Ахмеда Югнаки // Тр. САГУ. Нов. сер. Ташкент, 1945. Вып. 3. Кн. 1.

Биишев А. «Первичные» долгие гласные в тюркских языках. Уфа, 1963.

Бирюкович Р. М. Звуковой строй чулымско-тюркского языка. М., 1979.

Бирюкович Р. М. Морфология чулымско-тюркского языка. М., 1981. Ч. 2.

Благова Г. Ф., Данияров Х. Д. Говоры «тюрков» Узбекистана и их отношение к языку староузбекской литературы // ВЯ. 1966. № 6.

Благова Г. Ф. «Кутадгу билиг», «Бабур-наме» и методика историко-лингвистического сопоставления // СТ. 1970. № 4.

Благова Г. Ф. Тюркс. *чагатай* — русск. *чагатай* (*джагатай*) // Тюркологический сборник 1971. М., 1972.

Блумфилд Л. Язык. М., 1968.

Богородицкий В. А. Эволюция окончаний родительного падежа в тюркских диалектах // ВНОТ, 1925. № 3.

Богородицкий В. А. Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками. 2-е изд. Казань. 1953.

Бодуэн де Куртенэ И. А. Несколько слов о сравнительной грамматике индоевропейских языков // ЖМНП. 1881. Ч. 213, декабрь.

Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. М., 1963. Т. I—II.

Боргояков М. И. Об образовании и развитии некоторых долгих гласных в хакасском языке // Уч. зап. ХакНИИЯЛИ, 1966. Вып. XII.

Боргояков М. И. Развитие падежных форм и их значений в хакасском языке. Абакан, 1976.

Боровков А. К. Очерки по истории узбекского языка // СВ, 1948. Вып. 5.

Боровков А. К. Из материалов для истории узбекского языка // Тюркологический сборник. Т. 1. М.; Л., 1951.

Боровков А. К. Лексика среднеазиатского тевфира XII—XIII вв. М., 1963.

Будаев А. Система фонем современного карачаево-балкарского языка. Нальчик, 1968.

Бураев И. Д. Звуковой состав бурятского языка. Улан-Удэ, 1959.

Бурганова Н. Б. Система глагола поэмы Мухамедьяра «Төхфен Мәрдан» (XVI в.) // Исследование языка древнеписьменных памятников. Казань, 1980.

Валитова А. А. Великое наследие уйгурского народа //ПДВ, 1976. № 4.

Васильев В. П. Об отношении китайского языка к среднеазиатским //ЖМНП. 1872. № 9.

Васильев Д. Д. Еще о древнетюркской эпиграфике Тепсея //СТ. 1977. № 2.

Владимирцов Б. Я. Турецкий народец хотоны. Новые данные о хотонах //ЗВОИРАО. 1916. Т. XXIII. Вып. III—IV.

Владимирцов Б. Я. *Mongolica I*. Об отношении монгольского языка к индо-европейским языкам Средней Азии //ЗКВ при Азиатском музее России. Л., 1925.

Владимирцов Б. Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика. М., 1929.

Гаджиев Н. Культура социалистических наций — их настоящее и будущее //Коммунист. 1962. № 1.

Гаджиева Н. З., Серебренников Б. А. Был ли начальный *j* в тюркских языках первичным? //СТ. 1974. № 3.

Гаджиева Н. З. Проблемы тюркской ареальной лингвистики. Среднеазиатский ареал. М., 1975 (Гаджиева, 1975а).

Гаджиева Н. З. Задачи и методы тюркской ареальной лингвистики //ВЯ. 1975. № 1. (Гаджиева, 1975б).

Гаджиева Н. З. К истории анлаута в тюркских языках //Тюркологические исследования. М., 1976 (Гаджиева, 1976а).

Гаджиева Н. З. Некоторые тенденции в развитии строя тюркских языков: (Фонетический строй) //СТ. 1976. № 2 (Гаджиева, 1976б).

Гарипов Т. М. Кыпчакские языки Урало-Поволжья. Опыт синхронической и диахронической характеристики. М., 1979.

Грамматика хакасского языка. М., 1975.

Грунина Э. А. О форме настоящего-будущего на -(г) в тюркских языках //Тюркологические исследования. М., 1976.

Гукасян В. А. Тюркизмы в албанских источниках //СТ. 1977. № 2.

Гукасян В. А. Значение кавказских источников в изучении истории азербайджанского языка дописьменного периода //СТ. 1978. № 2.

Девону лугатит турк. Индекс-лугат. Тошкент, 1967.

Джунисбеков А. Сингармонизм в казахском языке. Алма-Ата, 1980.

Дмитриев Н. К. Грамматика кумыкского языка. М.; Л., 1940.

Дмитриев Н. К. Фонетические закономерности начала и конца тюркского слова //ИСГТЯ. Ч. 1. Фонетика. М., 1955 (Дмитриев, 1955а).

v

Дмитриев Н. К. Соответствие р/д/т/з/з/й //ИСГТЯ. Ч. 1. Фонетика. М., 1955 (Дмитриев, 1955б).

Дмитриева Л. В. Хуастуанифт (Введение, текст, перевод) //Тюркологические исследования. М.; Л., 1963.

Добродомов И. Г. К истории гласных первого слога в тюркских языках //Советская тюркология и развитие тюркских языков в СССР: Тез. докл. и сообщ. Алма-Ата, 1976.

Древнетюркский словарь. Л., 1969.

Дульзон А. П. Общность глагольных форм индоевропейских языков с урало-алтайскими //Вопросы лингвистики. Томск, 1969. Вып. 2.

Дульзон А. П. Кетско-тюркские параллели в области склонения //СТ. 1971. № 1.

Дыренкова Н. П. Тофаларский язык //Тюркологические исследования. М.; Л., 1963.

Дьячковский Н. Д. Звуковой строй якутского языка. Якутск, 1971. Ч. 1; 1977. Ч. 2.

Егоров В. Г. Этимологический словарь чувашского языка. М., 1964.

Егоров В. Г. Современный чувашский язык в сравнительно-историческом освещении. 2-е изд., испр. Чебоксары, 1971.

Егоров Н. И. Опыт этимологизации чувашских терминов родства и свойства //Вопросы лексикологии и фразеологии чувашского языка. Чебоксары, 1979.

Жирмунский В. М. Введение в сравнительно-историческое изучение германских языков. М.; Л., 1964.

Журавлев В. К. Пути, причины и способы развития фонологической системы //Вопросы фонологии и фонетики. М., 1971. Т. 1.

Зайончковский А. Новонайденный арабо-кипчакский словарь из государства мамлюков //НАА. 1964. № 3.

Звегинцев В. А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. 2-е изд., доп. М., 1960. Ч. 1—2; 1965. Ч. 3.

Зиндер Л. Р. Общая фонетика. Учеб. пособие. 2-е изд., перераб., доп. М., 1979.

Зиндер Л. Р., Строева Т. В. Рецензия //ВЯ. 1970. № 6. Рец. на кн.: Bausteine zur Sprachgeschichte des Neuhochdeutschen, I—V. Berlin, 1964—1967.

Иванов С. Н. О сохранении в строе языка следов его прежних состояний //СТ. 1973. № 6.

Иванов С. А. Аканье и оканье в говорах якутского языка. Якутск, 1980.

Иллич-Свитыч В. М. Опыт сравнения ностратических языков. Сравнительный словарь. М., 1971. Т. 1; 1976. Т. 2.

Ильминский Н. И. Материалы к изучению киргизского наречия //Уч. зап., издаваемые Казанским ун-том. 1860. Кн. 3.

Ильминский Н. И. Вступительное чтение в курс турецко-татарского языка. Казань, 1861.

Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч. 1. Фонетика. М., 1955.

Исмаилов И. Заметки о русских лексических заимствованиях в современном уйгурском языке //Исследования по уйгурскому языку. Кн. 1. Алма-Ата, 1965.

Исхаков Ф. Г. Общая характеристика тюркского вокализма //ИСГТЯ. Ч. 1. Фонетика. М., 1955.

Исхаков Ф. Г. Числительное //ИСГТЯ. Ч. 2. М., 1956.

Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А. Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. М., 1961.

Казем-бек А. Общая грамматика турецко-татарского языка. 2-е изд. Казань, 1846.

Қазақ тілінің қысқаша этимологиялық сөздігі. Алматы, 1966.

Кайдаров А. Т. Развитие современного уйгурского литературного языка. Кн. 1: Уйгурские диалекты и диалектная основа литературного языка. Алма-Ата, 1969 (Кайдаров, 1969а).

Кайдаров А. Т. К проблеме языковой преемственности древних и современных уйгуров //Изв. АН КазССР. Сер. общественная. 1969. № 1 (Кайдаров, 1969б).

Қалиев Ғ., Сарыбаев Ш. Қазақ диалектологиясы. Алматы, 1967.

Катанов Н. Ф. Письма Н. Ф. Катанова из Сибири и Восточного

Туркестана // Приложение к XXIII тому «Записок ИАН». СПб., 1896, № 8.

Кенесбаев И., Мусабаев Ф. Қазіргі қазақ тілі. Лексика, фонетика. Алматы, 1962.

Кенесбаев С. К. Фонетика // Современный казахский язык. Фонетика и морфология. Алма-Ата, 1962.

Киекбаев Ж. Г. Башкорт теленең фонетикаһы. Өфө, 1957.

Киекбаев Дж. Г. О звуках *с, з, һ* и их развитии в башкирском, туркменском и якутском языках // Уч. зап. БашГУ. Сер. филологии. 1958. Вып. 6. № 5.

Киекбаев Дж. Г. Некоторые вопросы изучения башкирских и татарских диалектов // Памяти В. А. Богородицкого (к столетию со дня рождения. 1857—1957). Казань, 1961.

Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964.

Кляшторный С. Г. Эпоха «Кутадгу билиг» // СТ. 1970. № 4.

Кляшторный С. Г. Эпоха Махмуда Кашгарского // СТ. 1972. № 1.

Кляшторный С. Г., Лившиц В. А. Сэврейский камень // СТ. 1971. № 3.

Кондратьев В. Г. Очерк грамматики древнетюркского языка. Л., 1970.

Кононов А. Н. Ценный труд по грамматике староузбекского языка // Общественные науки в Узбекистане. 1953. Вып. 8.

Кононов А. Н. [Рецензия] // ВЯ. 1970. № 4. Рец. на кн.: Talat Tekin. Grammar of Orkhon Turkic. Bloomington, 1968.

Кононов А. Н. Актуальные тюркологические заметки // СТ. 1975. № 2.

Кононов А. Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII—IX вв. Л., 1981.

Кормушин И. В. Лексико-семантическое развитие корня *qa* в алтайских языках // Тюркская лексикология и лексикография. М., 1971.

Кормушин И. В. [Рецензия] // ВЯ. 1981. № 3. Рец. на кн.: Кононов А. Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII—IX вв. Л., 1980.

Котвич В. Исследование по алтайским языкам. М., 1962.

Курышжанов А. К. Исследование по лексике старокыпчакского письменного памятника XIII в. «Тюркско-арабского словаря». Алма-Ата, 1970.

Кызласов Л. Р. О южных границах государства древних хакасов в IX—XII вв. // Уч. зап. хак. НИИЯЛИ. Абакан, 1960. Вып. 8.

Қазақ тілінің қысқаша этимологиялық сөздігі. Алматы, 1966.

Левитская Л. С. Историческая фонетика чувашского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1966.

Левитская Л. С. Об одном возможном объяснении соответствия чувашского *і* общетюркскому *о* // Исследования по тюркологии. Алма-Ата, 1969.

Лигети Д. Монгольские элементы в диалектах хазара в Афганистане: Краткие сообщ. Ин-та народов Азии. Вып. 83. Монголоведение и тюркология. М., 1964.

Лукоянов Г. В. Марийские заимствования в чувашском языке. Чебоксары, 1974.

Малов С. Е. Фольклор желтых уйгуров // Живая старина. СПб., 1912.

Малов С. Е. Библиография Востока. Л., 1934. Рец. на кн.: Jarling G. Studien zu einer osttürkischen Lautlehre. Lund—Leipzig. 1933.

Малов С. Е. Мир Алишер Навои в истории тюркских литератур и языков Средней и Центральной Азии //Изв. АН СССР. ОЛия. 1947. Вып. 6.

Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. М.; Л., 1951.

Малов С. Е. Енисейская письменность тюрков. М.; Л., 1952 (Малов, 1952а).

Малов С. Е. Древние и новые тюркские языки //Изв. АН СССР. ОЛия. 1952. Т. XI. Вып. 2 (Малов, 1952б).

Мартине А. Принцип экономии в фонетических изменениях (проблемы диахронической фонологии). М., 1960.

Махмуд Кошгарий. Девону луготит турк. Тошкент. 1960. Т. 1; 1961. Т. 2; 1963. Т. 3.

Махмудов А. Словесное ударение в узбекском языке. Ташкент, 1960.

Махмудов А. Узбек тилининг Тошкент шевасидаги ё/унлиси //УТА. 1963. № 5.

Махмутова Л. Т. Опыт исследования тюркских диалектов. Мишарский диалект татарского языка. М., 1978.

Махмутова Л. Т. Некоторые материалы по лексике мишарского диалекта татарского языка //Исследования по исторической диалектологии татарского языка. Казань, 1979.

Мелиоранский П. М. Памятник в честь Кюль Тегина //ЗВО РАО. 1899. Вып. XII.

Мельников Г. П. Причины нарушений симметрии в системе киргизских гласных //СТ. 1970. № 1.

Мельников Г. П. Алтайская гипотеза с позиций системной лингвистики //Проблема общности алтайских языков. Л., 1971.

Моллаев А. Акустические характеристики долгих гласных туркменского и якутского языков в сравнительном аспекте //Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1973.

Моллова М. К истории тюркского вокализма //ВЯ. 1966. № 2.

Мутинов А. Описание уйгурских рукописей Института народов Азии. М., 1962.

Мусабаев Г. Г. Современный казахский язык. Кн. 1: Лексика. Алма-Ата. 1959.

Мусаев К. М. Грамматика караимского языка. Фонетика и морфология. М., 1964.

Мухамедова З. Б. Исследования по истории туркменского языка XI—XIV вв. Ашхабад, 1973.

Мухлисов Ю. Уйгур классик эдебияти колязмилиринин каталоги. Урумчи, 1957 (на арабской графике).

Наджиб Э. Н. Современный уйгурский язык. М., 1960.

Наджиб Э. Н. Датированная тюркоязычная рукопись XVI века سراج القلوب из центрального гос. архива СССР в Москве: Доклады делегации СССР на XXV Международном конгрессе востоковедов. М., 1960.

Наджиб Э. Н. Уйгурско-русский словарь /Под ред. Т. Р. Рахимова. М., 1968.

Наджиб Э. Н. Тюркоязычный памятник XIV века «Гулистан» Сейфа Саран и его язык. Алма-Ата, 1975. Ч. 1—II.

Наджиб Э. Н. Тюркский язык делийского султаната XIV века. СТ. 1982. № 2.

Наделяев В. М. К типологии артикуляционных баз //СТ. 1979. № 3.

Наделяев В. М. Теоретическое и практическое значение фонетических исследований по языкам Севера //Письменность народов Сибири. История и перспективы. Новосибирск, 1981.

Насилов В. М. Язык орхоно-енисейских памятников. М., 1960.

Насилов В. М. Древнеуйгурский язык. М., 1963.

Насилов В. М. Очерк грамматики древнетюркского языка. Л., 1970.

Насилов В. М. Язык тюркских памятников уйгурского письма XI—XV вв. М., 1974.

Насилов Д. М. Изучение памятников древнеуйгурского языка в отечественном востоковедении //Тюркологический сборник. 1970. М., 1970.

Насилов Д. М. В. В. Радлов и изучение древнеуйгурских памятников //Тюркологический сборник. 1971. М., 1972.

Насыров Х. А. Таджикско-персидские заимствования в уйгурском языке: (На материале языка советских уйгуров): Автореф. дис.... канд. филол. наук. Ташкент, 1972.

Новгородский В. И. Китайские элементы в уйгурском языке. М., 1951.

Окладников А. П. Народы Сибири — в великой семье Советского Союза //Изв. СО АН СССР. Сер. общественных наук. 1972. № 11 (206). Вып. 3.

Пантусов Н. И. Война мусульман против китайцев. Текст наречия таранчи, изданный Н. И. Пантусовым. Казань, 1880. Вып. 1.

Петров Н. Е. О стихотворной форме олонхо и ее связи с поэзией орхонских тюрков //СТ. 1979. № 5.

Пиотровский Р. Г. Лингвистические оценки расхождения близкородственных языков //ВЯ. 1973. № 5.

Покровская Л. А. Грамматика гагаузского языка. Фонетика и морфология. М., 1964.

Поливанов Е. Д. Введение в изучение узбекского языка. Ташкент, 1925. Вып. 1.

Поливанов Е. Д. К вопросу о долгих гласных в общетурецком праязыке //ДАН СССР. Сер. В. 1927. № 7.

Поливанов Е. Д. [Рецензия] //Социалистическая наука и техника. 1934. № 1—2. Рец. на кн.: Jarring G. Studien zu einer osttürkischen Lautlehre. Lund, 1933.

Поливанов Е. Д. Фонетические конвергенции //ВЯ. 1957. № 3.

Псянчин В. Ш. История происхождения падежных аффиксов //Вопросы башкирского языкознания. Уфа, 1975.

Раджабов А. А. Об онгинском памятнике //СТ. 1970. № 2.

Радлов В. В. К вопросу об уйгурах (из предисловия к изданию «Кутадгу-Билика»). СПб., 1893 (прилож. к Зап. имп. АН. Т. LXXII, № 2).

Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1893. Т. I; 1899. Т. II; 1905. Т. III; 1911. Т. IV.

Радлов В. В. Образцы народной литературы северных тюркских племен. Ч. VI. Наречие таранчей. СПб., 1886.

Радлов В. В. Образцы народной литературы тюркских племен. Ч. III. Киргизское наречие. СПб., 1887.

Радлов В. В. О языке куманов //Прилож. к Зап. имп. АН, 1884. Т. VIII, X, № 4.

Радлов В. В., Малов С. Е. Предисловие и издание текста Suvar-

parabhasa (Сутра «Золотого Блеска»). Текст уйгурской редакции. СПб., 1913. Вып. I—II; Пгр., 1914. Вып. III—IV; 1915. Вып. V—VI; 1917. Вып. VII—VIII.

Рамstedт Г. И. Введение в алтайское языкознание. М., 1957.

Рассадин В. И. Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ, 1971.

Рассадин В. И. Тофаларский язык и его место в системе тюркских языков: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1982.

Рахимов Т. Р. Китайские элементы в современном уйгурском языке. Словарь. М., 1970.

Решетов В. В. К вопросу об оканье в тюркских языках //Изв. АН КазССР. Сер. филологии и искусствоведения. 1959. Вып. 1—2 (8—9).

Решетов В. В. Основы фонетики и грамматики узбекского языка. Ташкент, 1965.

Розенберг Ф. О согдийцах //ЗКВ при Азиатском музее РАН. Л., 1925.

Рона-Таш А. Общее наследие или заимствование? //ВЯ. 1974. № 2.

Рясянен М. Материалы по исторической фонетике тюркских языков /Пер. с нем. А. Юлдашева. М., 1955.

Садвакасов Г. Двойные согласные в современном уйгурском языке //Изв. АН КазССР. Сер. общественная. 1968. № 5.

Садвакасов Г. О средствах выражения субъективной оценки в семиреченском говоре уйгурского языка //Исследования по тюркологии. Алма-Ата, 1969.

Садвакасов Г. О некоторых свойствах сонорного *p* в уйгурском языке //Исследования по уйгурскому языку. Кн. 2. Алма-Ата, 1970.

Садвакасов Г. Названия птиц в семиреченском говоре уйгурского языка //Изв. АН КазССР. Сер. филологическая. 1977. № 3.

Санжеев Г. Д. Лингвистическое введение в изучение истории письменности монгольских народов. Улан-Удэ, 1977.

Сбоев В. Чуваши в бытовом, историческом и религиозном отношениях. М., 1865.

Севортыан Э. В. Фонетика турецкого литературного языка. М., 1955.

Севортыан Э. В. Из истории прилагательных в тюркских языках //Тюркологические исследования. М.; Л., 1963.

Севортыан Э. В. О содержании термина «общетюркский» //СТ. 1971. № 2.

Севортыан Э. В. Этимологический словарь тюркских языков: (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М., 1974.

Севортыан Э. В. [Рецензия] //ВЯ. 1973. № 5. Рец. на кн.: А. М. Щербак. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970 (Севортыан, 1973а).

Севортыан Э. В. К источникам и методам пратюркских реконструкций //ВЯ. 1973. № 2. (Севортыан, 1973б).

Селютина И. Я. Кумандинский консонантизм. Экспериментально-фонетическое исследование. Новосибирск, 1983.

Серебренников Б. А. Об устойчивости морфологической системы языка //Вопросы теории и истории языка. М., 1952.

Серебренников Б. А. О некоторых спорных вопросах сравнительно-исторической фонетики тюркских языков //ВЯ. 1960. № 4.

Серебренников Б. А. О явлениях компенсации в истории разви-

тия звуков чувашского языка // Уч. зап. НИИ при Сов. Мин. Чувашской АССР. 1965. Вып. XXVIII.

Серебренников Б. А. Внешние причины языковых изменений // Общее языкознание. М., 1970.

Серебренников Б. А. Из истории звуков и форм тюркских языков // СТ. 1974. № 6.

Серебренников Б. А., Гаджиева Н. З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Баку, 1979.

Серебренников Б. А. Фонетический и грамматический строй языка и история народа // Проблемы современной тюркологии. Алма-Ата. 1980 (Серебренников, 1980а).

Серебренников Б. А. Загадки аффиксального аблаута *ау* в тюркских языках // СТ. 1980. № 3 (Серебренников, 1980б).

Смирнов В. Д. Рецензия // ЖМНП. Ноябрь 1884. Рец. на кн.: *Vergleichende Grammatik der nördlichen Türksprachen von Dr. W. Radloff Erster Theil. Phonetik der nördlichen Türksprachen.* Leipzig, 1882.

Стеблева И. В. Синкопирование слов в поэтических текстах «Диван лугат ат-турк» Махмуда ал-Кашгари // Тюркологический сборник 1971. М., 1972.

Субракова О. В. Монгольские заимствования в языке хакасского героического эпоса // Уч. зап. хак. НИИЯЛИ. Сер. филологическая. 1975. Вып. XX. № 3.

Суник О. П. О глаголах «быть» и «стать» в алтайских языках // Проблема общности алтайских языков. Л., 1971.

Сыздыкова Р. Ф. Абай шығармаларының тілі. Алматы, 1968.

Сыромятников А. Н. Как отличить заимствования от исконных общностей в алтайских языках // ВЯ. 1975. № 3.

Талипов Т. О звуке [й] и связанных с ним фонетических явлениях в тюркских языках // Фонетика казахского языка. Алма-Ата, 1969.

Талипов Т. К вопросу о генезисе [h] в современном уйгурском языке // Исследования по тюркологии. Алма-Ата, 1969.

Талипов Т. К вопросу об индифферентных [и] и [е] и связанных с ними звуковых изменениях в современном уйгурском языке // Исследования по уйгурскому языку. Алма-Ата, 1970. Кн. 2.

Талипов Т. Развитие фонетической структуры уйгурского языка. Алма-Ата, 1972.

Талипов Т. Акцентная структура и позиционная модификация гласных в истории уйгурского языка // Советская тюркология и развитие тюркских языков в СССР: Тез. докл. и сообщений. Алма-Ата, 1976.

Талипов Т. Об одном фонетическом варианте аффикса множественности -лар в тюркских языках // Языки народов Сибири. Кемерово, 1979. Вып. 2 (Талипов, 1979а).

Талипов Т. К истории употребления фонемы [р] в тюркских языках // Вопросы казахской фонетики и фонологии. Алма-Ата, 1979 (Талипов, 1979б).

Талипов Т. К вопросу о возможной интерпретации фонетической модификации слова *оғлақ/лақ* 'козленок' в тюркских языках // Языки народов Сибири. Кемерово, 1980. Вып. 3 (Талипов, 1980а).

Талипов Т. О фонетическом статусе звука [е] в уйгурском языке // Языкознание: Тез. докл. и сообщений. Ташкент, 1980 (Талипов, 1980б).

Талипов Т. К вопросу о тенденции соноризации анлаута в исто-

рии тюркских языков (на материале уйгурского языка) //Актуальные проблемы советского уйгуроведения. Алма-Ата, 1983.

Талипов Т. К интерпретации динамики фонетических изменений древнетюркского ласкательно-уважительного аффикса-қы в истории тюркских языков //Лексика и морфология тюркских языков. Новосибирск, 1982.

Тенишев Э. Р. Глаголы движения в тюркских языках //Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961.

Тенишев Э. Р. Система согласных в языке древнеуйгурских памятников уйгурского письма Турфана и Гансу //ВДТЯ. Баку. 1963. Т. 3.

Тенишев Э. Р. О связи гармонии гласных с агглютинацией в тюркских языках //Морфологическая типология и проблема классификации языков. М.; Л., 1964.

Тенишев Э. Р., Тодаева Б. Х. Язык желтых уйгуров. М., 1966.

Тенишев Э. Р. «Кутадгу билиг» и «Алтун ярук» //СТ. 1970. № 4.

Тенишев Э. Р. Перебой S/S в тюркских рунических памятниках //Структура и история тюркских языков. М., 1971.

Тенишев Э. Р. О методах и источниках сравнительно-исторических исследований тюркских языков //СТ. 1973. № 5.

Тенишев Э. Р. Отражение диалектов в тюркских рунических памятниках //СТ. 1976. № 1.

Тенишев Э. Р. Языки древне- и среднетюркских памятников в функциональном аспекте //ВЯ. 1979. № 2.

Тихонов Д. И. Налоги и налоговые термины в уйгурском государстве //Уч. зап. Ин-та востоковедения. М., 1958. Т. 16.

Тихонов Д. И. Хозяйство и общественный строй уйгурского государства X—XIV вв. М.; Л., 1966.

Томанов М. Туркі тілдерінің салыстырмалы фонетикасы. Алматы, 1981.

Томсон А. И. Общее языкознание. Одесса, 1910.

Трофимов М. И. К интерпретации уйгурского вокализма //Исследования по фонологии. М., 1966.

Трофимов М. И. О расширении гласных в современном уйгурском языке //СТ. 1973. № 1.

Трофимов М. И. Анлаутный j, геминаты и глухие дифтонги в современном уйгурском языке //СТ. 1974. № 6.

Трофимов М. И. Фонетические процессы в слоге в современном уйгурском языке. Алма-Ата, 1978.

Трубецкой Н. С. Мысли об индоевропейской проблеме //ВЯ. 1956. № 1.

Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М., 1960.

Трыарский Э. [Рецензия] //ВЯ. 1971. № 6. Рец. на кн.: Древнетюркский словарь. Л., 1969.

Тугушева Л. Ю. Древнеуйгурская поэзия //СТ. 1970. № 4.

Тумашева Д. Г. Диалекты сибирских татар. Казань, 1977.

Убрятова Е. И. Якутский язык в его отношении к другим тюркским языкам, а также к монгольским и тунгусо-маньчжурским. М., 1960 (Убрятова, 1960a).

Убрятова Е. И. Опыт сравнительного изучения фонетических особенностей языка населения некоторых районов Якутской АССР. М., 1960 (Убрятова, 1960b).

Убрятова Е. И. Усиленное повторение основы слова в форме зависимого члена предложения в якутском языке //Тюркологические исследования. М.; Л., 1963.

Убрятова Е. И. Следы древних тюркского, уйгурского и киргизского языков в современных тюркских языках Сибири // Языки народов Сибири. Кемерово, 1980.

Узбек тилининг изохли луғати. Икки томли, М., 1981.

Уйгур әдиби тилиниң қисқичә имла қайдилири. Үрүмчи, 1954 (на арабской графике).

Уйгурчә-хитайчә-руссчә луғат. Бежин, 1953 (на арабской графике).

Уйгурско-русский словарь. М., 1939.

Уйгурско-русский словарь. Алма-Ата, 1961.

Фисакова Г. Г. Этюды по имени существительному в бачатско-телеутском языке // Языки народов Сибири. Кемерово, 1977.

Фрейман А. А. Задачи иранской филологии // Изв. АН СССР. ОЛЯ. 1946. Т. V. Вып. 5.

Фрейман А. Тохарский вопрос и его разрешение в отечественной науке // Уч. зап. ЛГУ. Сер. востоковедческих наук. 1952. № 128. Вып. 3.

Хабичев М. А. Карачаево-балкарский язык // Языки народов СССР. Т. II. Тюркские языки. М., 1966.

Хакимзянов Ф. Двуязычный болгарский памятник // СТ. 1978. № 2.

Хасанов Б. Х. Языки народов Казахстана и их взаимодействие. Алма-Ата, 1976.

Цинциус В. И. Алтайские термины родства и проблема их этимологии // Проблема общности алтайских языков. Л., 1971 (Цинциус. 1971а).

Цинциус В. И. Вопросы сравнительной лексикологии алтайских языков // Проблемы общности алтайских языков. Л., 1971 (Цинциус. 1971б).

Черкасский М. А. Тюркский вокализм и сингармонизм. М., 1965.

Шагдаров Л. Д. Становление единых норм бурятского литературного языка в советскую эпоху. Улан-Удэ, 1967.

Шараф Г. Сонорная длительность татарских гласных // ВНОТ, 1928. № 8.

Шипова Е. Н. Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата, 1970.

Ширалиев М. Ш. Проблема диалектного членения языка // ВДТЯ, Баку. 1960. Т. II.

Ширалиев М. Ш., Асадуллаев С. Г. Советская тюркская филология и задачи журнала «Советская тюркология» // СТ. 1970. № 1.

Шукуров Ш. Ш. История развития глагольных форм узбекского языка. Ташкент, 1966.

Щерба Л. В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Л., 1958. Т. 1.

Щербак А. М. Грамматический очерк языка тюркских текстов X—XIII вв. из Восточного Туркестана. М.; Л., 1962.

Щербак А. М. Грамматика староузбекского языка. М.; Л., 1961.

Щербак А. М. О тюркском вокализме // Тюркологические исследования М.; Л., 1963.

Щербак А. М. Тюркский консонантизм // ВЯ. 1964. № 5.

Щербак А. М. О характере лексических взаимосвязей тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков // ВЯ, 1966. № 3.

Щербак А. М. Сравнительная фонетика тюркских языков: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Л., 1968.

Щербак А. М. О фонетических особенностях языка «Кутадгу

билиг» и древнеуйгурском консонантизме //СТ. 1970. № 1. (Щербак, 1970б).

Щербак А. М. [Рецензия] //СТ. 1973. № 2. Рец. на кн.: Dorfer G. Khalaj Materials. Indiana University Publications. Uralic and Altaic Series. Vol. 115. Bloomington, 1971.

Щербак А. М. [Рецензия] //СТ. 1974. № 3. Рец. на кн.: Gabain A. v. Das Leben im Uigurischen Königreich von Qoco (850—1250). Wiesbaden, 1973.

Щербак А. М. О некоторых спорных вопросах реконструкции фонологической системы тюркского праязыка //Тюркологические исследования. М., 1976.

Юдахин К. К. Киргизско-русский словарь. М., 1965.

Юлдашев А. А. Звательные слова в тюркских языках //ИСГТЯ. Ч. II. Морфология. М., 1956.

Якобсон Р. О. О чешском стихе. Преимущественно в сопоставлении с русским. М., 1923. Вып. 5.

Якобсон Р., Халле М. Фонология и ее отношение к фонетике //Новое в лингвистике. М., 1962. Т. II.

Якубовский А. Ю. Арабские и персидские источники об уйгурском турфанском княжестве в IX—X веках //Тр. Отдела истории и искусства Востока Гос. Эрмитажа. Л., 1947. Т. 4.

Якутско-русский словарь. М., 1972.

Ярцева В. Н. Диахроническое изучение системы языка //О соотношении синхронного анализа и исторического изучения языков. М., 1960.

Bang W. Zu der moskauer Polowzischen Wörterliste //BAB. 1911.

Bang W., Marquart J. Osttürkische Dialektstudien //Abhandlungen der Königlichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Phil. /Hist. Klasse, N. F., Bd. XIII, N 1. Berlin, 1914. I Kap.

Bang W. Zur Geschichte der Gutturale im osttürkischen //Sitzungsberichten der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften. Phil.-Hist. Klasse. Berlin, 1915. Bd. XV.

Böhtlingk O. Über die Sprache der Jakuten. SPb., 1851.

Brockelmann C. Osttürkische Grammatik der islamischen Literatursprachen Mittelasiens. Leiden, 1954.

Gabain A. von. Alttürkische Grammatik. Leipzig, 1950.

Gabain A. von. Zur Geschichte der türkischen Vokalharmonie //UAJB. 1952. Bd. 24, N 1—2.

Grönbech K. Der Akzent im Türkischen und Mongolischen //ZDMG. Leipzig, 1940. Bd. 94.

Jakobson R. Prinzipien der historischen Phonologie //TCLP. 1931. T. 4.

Jarring G. Studien zu einer osttürkischen Lautlehre. Lund-Leipzig, 1933.

Jarring G. Wörterverzeichnis zu G. Raquettes Ausgabe von Tāji bilā Zohra (Lund, 1930). Lund, 1967.

Kaluzynski St. Mongolische Elemente in der jakutischen Sprache. Warszawa, 1961.

Le Coq A. Chuastuanift, ein Sündenbekenntnis der Manichäischen Auditors. Gefunden in Turfan (Chinesisch Türkistan). Von Dr. A. von Le Coq. Berlin, 1911.

Le Coq A. Kurze Einführung in die uigurische Schriftkunde //MSOS, 1919, XXII, Abt. I—III.

- Mansuroglu M.** Das geschlossene *e* im karachanidischen Türkisch //UAJB. 1957. Bd. XXIX, N 3—4.
- Menges K.** Volkskundliche Texte aus Ost-Türkistan. Aus dem Nachlass von N. Ph. Katanov. Berlin, 1933.
- Pritsak O.** Das Neuujgurische. *Philologiae Turcicae Fundamenta*. Wiesbaden, 1954. Bd. I.
- Radloff W.** Phonetik der nördlichen Türksprachen. Leipzig, 1882.
- Radloff W.** Die altentürkischen Inschriften der Mongolei. Erste Folge. Spb., 1897.
- Radloff W.** Zur Geschichte des türkischen Vokalsystems //Изв. АН. Серб. V. 1901. Вып. XIV, № 4.
- Radloff W.** Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türksprachen //Зан. АН. Серб. VIII. 1908. № 7.
- Radloff W.** Die vorislamischen Schriftarten der Türken und ihr Verhältniss zu der Sprache derselben //Изв. АН. Серб. VI. 1908. Т. 11, № 10.
- Radloff W.** Alttürkische Studien //Изв. АН. Серб. VI. 1910. Т. IV, № 13; 1912. Т. VI, № 12.
- Ramstedt G. J.** Zur Frage nach der Stellung des Tschuwaschen //JSFOu, s. a., t. XXXVIII. Helsinki, 1922—1923.
- Ramstedt G. J.** Einführung in die altaische Sprachwissenschaft. I. Lautlehre. Helsinki, 1957.
- Raquette G.** The accent problem in Türkisch. Lund-Leipzig, 1927.
- Raquette G.** Nagra turkiska geografiska Namn I Centralasien av G. Raquette. Lund, 1928.
- Rachmati G. R.** Türkische Turfan-Texte, VII //APAW. Berlin, 1937. N 12.
- Rachmati G. R.** Zur Heilkunde der Uiguren. I //SPAW. phil.-hist. Klasse. Berlin, 1930. XXIV; II //SPAW. 1932. XXII.
- Stein M. A.** Ancient Khotan. Oxford, 1907, I.
- Castren M.-A.** Elementa Grammatices Tscheremissae. Cuopio, 1845.
- Tekin T.** A grammar of Orkhon Turkic. Bloomington, 1968.
- Thomsen K.** The closed «e» in Türkisch //Acta Orientalia, 1957. XXII.
- Thomsen V.** Sur le système des consonnes dans la lingua ouigoure //KSz. Budapest, 1901. Т. 11.
- Hedin Sven.** Zentral Asia atlas. Memoir on maps. Vol. II Index of geographical names by D. M. Farquhar, 'G. Jarring and E. Norin. Stockholm, 1967.
- Vambery H.** Etymologisches Wörterbuch der türko-tatarischen Sprachen. Leipzig, 1878.
- Whitaker H.** Eastern Türki (As spoken in Turkestan). Ungus, 1909.
- Zajaczkowski A.** Vocabulaire arabe-kiptchak de l'époque de l'Etat Mamelouk. Warszawa, 1958.

От автора	3
---------------------	---

Введение	5
--------------------	---

Глава 1

Развитие фонологической системы уйгурского языка . . .	9
1.1. Изменения в фонетической и фонологической системах уйгурского языка	9
1.2. Общие вопросы исторического развития фонетики уйгурского языка	11
1.3. К вопросу о фонетических заимствованиях в уйгурском языке	17
1.4. Преемственная связь древнеуйгурского языка с современным уйгурским языком и его диалектами	25

Глава 2

Развитие фонетической системы уйгурского языка . . .	35
2.1. Письменные памятники как источники изучения фонетики уйгурского языка	35
2.2. Фонетические изменения и их связь с другими аспектами языка	42
2.3. Исторические предпосылки развития фонетики, связанные с проникновением в уйгурский язык иноязычных слов	45
2.4. Сдвиги в акцентной структуре и позиционные модификации звуков в истории уйгурского языка	62

Глава 3

Огласовка широких и узких гласных в анлаутной позиции слова	78
3.1. Общие замечания о тюркском аблауте	78
3.2. Редукция гласных в истории уйгурского языка	85
3.3. Явление апокопы в истории уйгурского языка	112

Глава 4

Качественное расширение узких гласных в финальной позиции слова	142
--	------------

Глава 5

К истории появления отдельных гласных звуков . . .	169
5.1. Сдвиги в фонетической противопоставленности узких нелабиализованных гласных [ы]—[i]. Возникновение индифферентных звуков в уйгурском языке	169

5.2. О явлении «умлаут» и регрессивной ассимиляции гласных в уйгурском языке	178
5.3. О генезисе звука [e]	181
5.4. О фонематическом статусе звука [e]	190
5.5. О фонемах [ы] и [и]	194

Глава 6

К истории появления отдельных согласных звуков	201
6.1. Явление соноризации анлаута и происхождение же- канья и джекканья	201
6.2. К истории фарингального [h]	222
6.3. К истории звука [й]	231
6.4. К истории губно-зубного [ф]	234
Заключение	236
Литература	241
Оглавление	255

Туглукжан Талипов

Фонетика уйгурского языка: (очерки исторического развития)

*Утверждено к печати Ученым советом Института уйгуроведения
Академии наук Казахской ССР*

Рецензенты: доктор филологических наук *М. Т. Томанов*,
кандидат филологических наук *А. Д. Джунибеков*

Зав. редакцией *Т. Е. Каткова*
Редактор *Т. В. Мягченкова*
Художественный редактор *Н. Ф. Чурсин*
Оформление художника *Э. Ф. Ким*
Технический редактор *Л. Ю. Уляницкая*
Корректор *Г. А. Вылегжанина*

ИБ № 2317

Сдано в набор 24.06.87. Подписано в печать 30.09.87. УГ10103.
Формат 84×108¹/₃₂. Бум. тип. № 1. Литературная гарнитура.
Высокая печать. Усл. п. л. 13,44. Усл. кр.-отт. 13,44. Уч.-изд л. 14,72.
Тираж 1000. Заказ 128. Цена 2 р. 80 к.

Издательство «Наука» Казахской ССР
480100, Алма-Ата, ул. Пушкина, 111/113
Типография издательства «Наука» Казахской ССР
480021, Алма-Ата, ул. Шевченко, 28